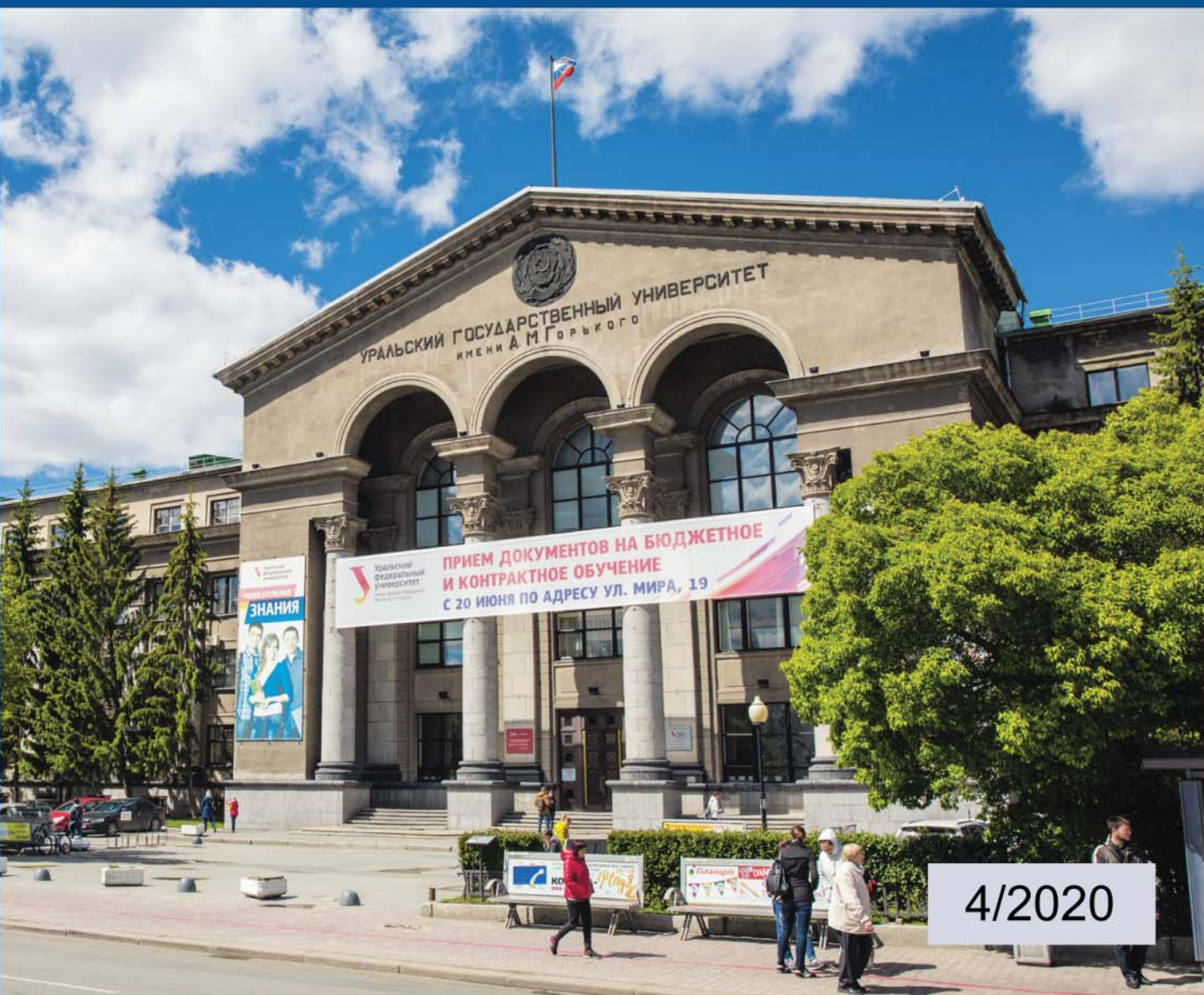

МИР РУССКОГО СЛОВА

ТЕМА НОМЕРА: КУЛЬТУРА РЕЧИ

4/2020

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

XIV АССАМБЛЕЯ РУССКОГО МИРА,
ноябрь 2020 г.

№ 4
2020

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство
ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry
for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media
Communications at September 11th, 2000
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель:

Ассоциация преподавателей русского языка и
литературы

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского
государственного университета

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.

Адрес редакции:

199106, СПб, Большой пр. В.О., д. 80
e-mail: editor@ropryal.ru

Редакционный совет

К. А. Рогова (главный редактор) –
д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ

И. З. Белобровцева – д-р филол. наук,
проф. Таллинского ун-та

С. И. Богданов – д-р филол. наук, проф.,
ректор РПУ им. А. И. Герцена

В. В. Воробьев – д-р филол. наук, член-корр. РАЕН,
проф., зав. каф., РУДН

С. Н. Голубев – канд. филол. наук,
ген. директор ЗАО “Златоуст”

Л. П. Клобукова – д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО,
зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Ю. Е. Прохоров – д-р пед. наук, д-р филол. наук,
проф. СПбГУ

М. Ю. Сидорова – д-р филол. наук,
проф. МГУ им. М. В. Ломоносова

И. Н. Сухих – д-р филол. наук, проф. СПбГУ

В. М. Шаклеин – д-р филол. наук, проф.,
член-корр. РАЕН, зав. каф.

The Founder:

Association of Teachers of Russian Language
and Literature

Publisher:

St. Petersburg State University
Publishing House

Publisher's address:

11, 6 Line V.O. St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board's address:

80, Bol'shoy av. V. O., St. Petersburg,
199106, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

Editorial board

K. A. Rogova – editor-in-chief
St. Petersburg State University

I. Z. Belobrovceva

Tallinn University

S. I. Bogdanov

Herzen State Pedagogical University of Russia

V. V. Vorobjov

Peoples' Friendship University of Russia

S. N. Golubev

Zlatoust Ltd. company

L. P. Klobukova

Lomonosov Moscow State University

Yu. E. Prokhorov

St. Petersburg State University

M. Yu. Sidorova

Lomonosov Moscow State University

I. N. Sukhikh

St. Petersburg State University

V. M. Shaklein

Peoples' Friendship University of Russia

The journal is included into

– Russian Science Citation Index (RSCI), and is repre-
sented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru)

– Scientific Electronic Library CyberLeninka

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки
журнала за пределами СНГ обращайтесь
к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва,
Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-
91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38;
info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва,
ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37;
681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98;
export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskstudenticg@yahoo.com

Тираж 400 экз.

Цена свободная

Адрес типографии:

199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 4 2020

Главный редактор:

К. А. Рогова —

*д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ*

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —

д-р филол. наук, проф.

Редактор:

Д. А. Щукина —

д-р филол. наук, проф.

Редактор:

А. С. Иванова —

канд. педагог. наук, доцент

Перевод:

А. Д. Степанов —

д-р филол. наук, проф.

Выпускающий редактор:

М. М. Ровинская

В НОМЕРЕ CONTENTS

	[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ]	[OFFICIAL MATERIALS]
4	Новости	News
	[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]	[LINGUISTIC REMARKS]
5	В. М. Мокиенко Людмила Алексеевна Вербицкая и культура русской речи	Valeriy M. Mokienko Ludmila Verbitskaya and Russian Speech Culture
11	Н. В. Юдина, Т. А. Ковалева К вопросу о восприятии языковой политики Российской Федерации современными носителями русского языка	Natalia V. Yudina, Tatiana A. Kovaleva The Way Russian Speakers Feel About the Language Policy Of The Russian Federation
16	Д. Ю. Ильин Локативные меморативы как лингвистический код	Dmitryi Yu. Ilyin Locative Memorials As A Linguistic Code
21	О. В. Хорохордина, А. И. Сердюкова Техническая тематика в повседневной интернет- коммуникации: особенности вербализации	Olga V. Khorokhordina, Anastasiia I. Serdiu- kova Technical Topics in Everyday Internet Com- munication: Features of Verbalization
27	Милуд Рашид Роль заимствований в развитии русской терминологии нефтегазовой промышленности	Miloud Mohamed Rachid The Role of Borrowings in the Development of Russian Terminology in the Oil and Gas Industry
	[КУЛЬТУРА РЕЧИ]	[SPEECH CULTURE]
33	В. А. Марьянчик Стилистический эффект как базовое понятие стилистики	Victoria A. Maryanchik Stylistic Effect as a Basic Concept of Stylistics
39	Л. А. Золотарева, И. Г. Андреева Особенности заголовков в интернет- маркетинге (на примере YouTube, netology.ru, habr.com)	Liubov A. Zolotareva, Irina G. Andreeva Specific Features of Internet Marketing Head- lines (YouTube, netology.ru, habr.com)
49	Н. А. Иванова Заметка как жанр научного текста конца XIX – начала XX вв. на материале статей по геологии	Nadezhda A. Ivanova A Note as a Genre Of Scientific Texts of the End of the Late 19th Century – Early 20th Century on the Material Of Geology Articles

[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ]

56 А. В. Савченко, М. С. Хмелевский
«Города и веси» в русской фразеологии в
концептуальном и лингвострановедческом
освещении

66 О. Н. Бондарева, И. В. Мальцев
Русский язык на марках мира

[ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА]

74 Е. В. Погадай
Нарративная структура как ключ к интерпретации
рассказа А. П. Чехова «Черный монах»

79 И. В. Вознесенская
Речевой облик персонажа в контексте рефлексии 90-х
(на материале романа «Дождь в Париже» Р. Сенчина)

[МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА]

86 И. А. Авдеева
Электронно-опосредованная коммуникация: степень
её влияния на пользователя

96 Е. В. Бузальская, Н. А. Любимова
Языковая догадка: понятие и его применение
в методике обучения русскому языку как
иностранным

105 Е. Ю. Хамраева, А. В. Гусев
Лингводидактические условия создания речевой
среды в семье и школе как способ сохранения
родного языка

111 Е. А. Железнякова
Фонетические ошибки в речи детей мигрантов с
позиции этнокогнитивного подхода к обучению
русскому языку

[РОССИЯ... НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ]

117 А. М. Плотникова.
К юбилею филологического факультета Уральского
федерального университета

[LINGUOCULTURAL STUDIES]

Aleksandr V. Savchenko, Mikhail S. Khmelevski
Russian Toponymical Phraseology from the Conceptual and
Linguacultural Point of View

Olga N. Bondareva, Igor V. Maltsev
Russian Language on Stamps of the World

[INTERACTION OF LANGUAGE AND LITERATURE]

Elena V. Pogaday
Narrative Structure as a Key to the Interpretation of A. P. Chekhov's "The Black Monk"

Irina M. Voznesenskaya
The Character's Speech in the Context of his Reflections on the
90s (based on the novel "Rain in Paris" by R. Senchin)

[RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY]

Irina B. Avdeyeva
Electronically Mediated Communication: the Degree of Its
Impact on Users

Elena V. Buzalskaia, Nina A. Liubimova
Language Guess: the Concept and its Application in the Meth-
odology of Teaching Russian as a Foreign Language

Elizaveta A. Hamraeva, Alexey V. Gusev
Linguadidactic Conditions for Creating a Speech Environment
in the Family and School as a Way To Preserve the Native
Language

Elena A. Zhelezniakova
Phonetic Errors in the Speech of Children of Migrants from the
Position of Ethnocognitive Approach to Teaching the Russian
Language

[RUSSIA... PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]

Anna M. Plotnikova
To an Anniversary of the Faculty of Philology of the Ural Fed-
eral University

ПРОЕКТ «МИСЛ» ПРЕДСТАВЛЕН ШИРОКОЙ ПУБЛИКЕ

В ноябре подведены итоги мультимедийного образовательного проекта «МИСЛ» (мультимедальное изучение специальной лексики), реализованного при поддержке Фонда президентских грантов. Проект «МИСЛ» был посвящен созданию художественных мнемонических подсказок к специальным словам русского языка для студентов-иностранцев (медицинских, гуманитарных и технических факультетов), в том числе с инвалидностью по слуху.

Подсказки составляли профессиональные дизайнеры и поэты, сотрудники фонда поддержки и развития русского языка им. М.И. Картавцевой и АНО «ГРАММА» (группа разработки анимированных и мультимедийных материалов и арт-проектов). В результате русские слова превращались в интересные графические изображения через технику леттеринга и поэтические истории на английском языке с целью улучшения их запоминания. В проекте приняли участие более 200 студентов из разных стран и 8 вузов России. Материалы проекта доступны для свободного скачивания и некоммерческого использования на сайте www.misl.study

ФОРУМ «TERRA RUSISTICA» СОБРАЛ 500 УЧАСТНИКОВ

Форум был организован РОПРЯЛ в партнерстве с Псковским государственным университетом при поддержке Фонда президентских грантов. Мероприятие проходило 17-19 декабря 2019 года в Пскове как в очном, так и в дистанционном формате.

Форум открыло заседание дискуссионной площадки о положении русского языка в мире. Для того, чтобы русский язык становился популярнее, профессор Хельсинкского университета Арто Мустайоки предложил менее строго относиться к речевым ошибкам, которые допускают люди, его изучающие.

В дискуссии также приняли участие заведующий научно-учебной лабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик НИУ ВШЭ Максим Кронгауз, член президиума МАПРЯЛ, доцент Университета

национальной и мировой экономики из Софии Антония Пенчева, директор Музея Набокова, писатель Андрей Аствацатуров и ведущий научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Гос. института русского языка им. А.С. Пушкина Мария Лебедева.

Много заинтересованных откликов вызвало заседание проектной лаборатории «Онлайн-школа русского языка». Участники мероприятия поделились практическим опытом организации работы в цифровой среде. Яркой эмоциональной нотой форума стал фейл-семинар «На ошибках учатся», представляющий собой разбор наиболее типичных проблемных ситуаций, с которыми сталкиваются преподаватели в своей практике.

ОБЪЯВЛЕНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАПРЯЛ

29 декабря 2020 года на платформе Zoom состоялась презентация результатов исследования «Инструмент языка: анализ проектов, направленных на поддержку русского языка в России, странах ближнего и дальнего зарубежья». Проект был реализован Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ» по заказу Министерства Просвещения России.

В ходе презентации участникам были продемонстрированы результаты анкетирования 1000 респондентов, а также обобщенные выводы по итогам анализа глубинных интервью с представителями зарубежной и отечественной русистики. Также были подведены итоги мониторинга интернет-сайтов образовательной и языковой направленности.

Исследование продемонстрировало высокий спрос на проведение интерактивных мероприятий в поддержку русского языка, в первую очередь конкурсов, фестивалей, олимпиад. К важнейшим характеристикам таких мероприятий зарубежные русисты относят их адресный характер, а не авторитет докладчиков. К числу первостепенных проблем, препятствующих распространению русского языка в мире, респондентами были отнесены представление о русском как о сложном языке, непонимание целесообразности его изучения, а также политизированность «российской повестки» в медийном дискурсе.

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА ВЕРБИЦКАЯ И КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

В.М. Мокиенко

доктор филологических наук,
профессор

► mokienko40@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

Valeriy M. Mokienko

Saint Petersburg State University

199034, St. Petersburg,
Universitetskaya emb., 11

Вся жизнь Людмилы Алексеевны Вербицкой связана с нашей alma mater – Ленинградским/Санкт-Петербургским университетом: в 1958 году закончила ЛГУ, в 1977-м защитила докторскую диссертацию на ученом совете филологического факультета, в 1984-м стала проректором ЛГУ по учебной работе, затем – первым проектором и, наконец – Ректором...

Мы, филологи, горды тем, что Людмила Алексеевна была Первым-ректором Женщиной нашего университета за почти 300 лет его существования. Между прочим, это именно Людмила Алексеевна убедительно и официально доказала, что наш университет – первый в России, основанный Петром Первым в 1721 году. Во время моей работы в немецком университете в городе Грайфсвальде нам удалось найти в архивах свидетельство того, что Петр Первый в актовом зале этого университета (а в Грайфсвальде наш император многократно бывал

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09064 «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений».

во время Северной войны) получил грамоту президента академии наук Германии Лейбница на право основания академии (так тогда назывались и высшие учебные заведения – ср. Киево-Могилянскую академию), т.е. С.-Петербургского университета, который с момента своего основания имел и профессуру, и студентов. Людмила Алексеевна 5 раз посещала Грайфсвальдский университет и именно она заключила с его ректором договор о научно-педагогическом междууниверситетском обмене, который и сейчас весьма активен.

Людмила Алексеевна стала Ректором нашего университета. Ректором-филологом, которого почитали и любили все универсанты нашего времени.

И единогласно избрали ректором повторно 19 апреля 1999 года. Избрали, а не назначили, хотя у нее были сильные конкуренты с физического, математического и других естественных факультетов. В те очень тяжёлые годы Людмила Алексеевна прилагала огромные усилия к тому, чтобы

Университет получал бесперебойное материальное обеспечение, чтобы его профессиональная и научная деятельность не претерпевала сбоев: университет активно развивался, были сформированы новые факультеты: 1 сентября 1995 года состоялось открытие медицинского факультета. В 1996 году открыт Факультет свободных искусств и наук — первый в России факультет, основанный на принципах либерального образования. Работа в этом направлении продолжается и сегодня: 10.06.2019 подписан приказ ректора «О создании факультета математики и компьютерных наук СПбГУ».

О масштабных деяниях Людмилы Алексеевны можно рассказывать бесконечно. Но нам всем повезло и в этом. Людмила Алексеевна к своему 70-летию в 2006 году сделала всем универсантам щедрый подарок. Она написала и издала книгу «Мой Петербург» (СПб.: изд-во «Logos», 2006), в которой ярко и точно освещены многие этапы её жизни. А для нас, русистов, – как бы мы ни гордились Людмилой Алексеевной как ректором, президентом МАПРЯЛ и РОПРЯЛ, президентом Академии педагогических наук, заместителем председателя совета при Президенте Российской

Федерации и т.д., она всегда оставалась и остаётся прежде всего Филологом.

Людмила Алексеевна Вербицкая всю жизнь с гордостью подчёркивала свою верность Ленинградской фонологической школе, где её учителем был Л.Р. Зиндер, а единомышленницей, соавтором и другом – Л.В. Бондарко. Несмотря на масштабную государственную и общественную деятельность, ставшую её гражданской судьбой, она до последних дней оставалась Филологом и Педагогом. Её научное наследие – более 300 трудов концентрируется на проблемах фонетики, фонологии, общего языкознания, стилистики и, конечно, – русистики, включая методику преподавания русского языка как родного и иностранного. Её труды, посвящённые проблемам современного произношения, заложили основы новых перспективных направлений языкознания – «Произносительная норма современного русского литературного языка» и «Интерференция звуковых систем на фонетическом уровне».

В этой области интересов Л.А. Вербицкой научный и учебно-методический, дидактический подход сплавлялись воедино благодаря нацеленности на самые злободневные проблемы культуры русской речи, произносительных норм литературного языка, его стилистики и семантики. В научных трудах Л.А. Вербицкой, в её выступлениях в средствах массовой информации, в работе Совета по русскому языку при правительстве Российской Федерации, в деятельности МАПРЯЛ и РОПРЯЛ, которые она как президент возглавляла, вопросы культуры речи стали научной, педагогической и гражданской доминантой. Ведь эти, казалось бы, чисто лингвистические проблемы в 90-е годы прошлого века приобрели особую социальную заострённость, ибо динамические процессы «лихого» времени привели наряду с демократизацией общества и к расшатыванию литературной нормы, её вульгаризации.

Людмила Алексеевна не только отслеживала метастазы некоторых отрицательных явлений такого рода у современных носителей русского языка, но и корректировала словоупотребление многих государственных деятелей России. У неё, по её рассказам, брал уроки по избавлению

от южнорусского «гэканья» сам Михаил Сергеевич Горбачев, а В.С. Черномырдин не раз просил её отшлифовать свои любимые «черномырдизмы»... Наш президент В.В. Путин публично признавался, что обращается к Людмиле Алексеевне за консультациями по правильности русской речи. Помнится, как однажды Людмила Алексеевна попросила меня принести ей все мои словари и популярные книги для отправки в Москву для супруги В.В. Путина Людмилы Путиной... И когда я из врожденной скромности не приложил к этой «коллекции» наш словарь русской брани, попросила меня принести и его.

Кстати, Людмила Алексеевна стала автором предисловия к этому нашему с Т.Г. Никитиной «Словарю русского сквернословия» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. - М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. - 384 с.). Признавая, что русская брань вполне соизмерима с бранью других народов и не является чем-либо исключительным в палитре экспрессивных средств любого языка, она отвечает и на 2 кардинальных вопроса отношения этой проблемы к вопросам культуры речи.

Вот в чём видится ею причина экспансии брани и вульгаризмов в современном русском языке: «Экспансия брани в современной России, пожалуй, вызвана просто языковой распущенностью и, в свою очередь – распущенностью нравов. С другой стороны, это – некоторая бравада даже в среде интеллектуалов. Причём, во втором случае это отнюдь не новое явление, поскольку и в советские времена такая бравада была достаточно распространена... И вообще, проблема ненормативной лексики относится к правильности речи «от противного»: какую часть русской брани оставлять как допустимую в общении и литературном языке норму, а какую – не рекомендовать, во всяком случае, для активного употребления».

А на актуальный вопрос о том, что можно и нужно сделать, чтобы нецензурная брань исчезла из речи школьников, студентов и политиков, Людмила Алексеевна даёт такой ответ: «Главное – сделать так, чтобы все говорящие и пишущие понимали и смысл, и стиль того, что они употребляют. Я убеждена, что именно понимание сказанного

и написанного обеспечит уклонение от чрезмерно вульгарных слов и выражений. Непонимание же, бездумное отношение к слову и рождает мутный поток «блинной» лексики, изливаемый сейчас на всех нас в самых разных ситуациях» (Мокиенко Никитина 2007, 2).

С большой тревогой Людмила Алексеевна наблюдала за деградацией культуры речи и образованности в постельцинской и постчерномырдинской России. Вот лишь один крик её встревоженной души. В интервью ежедневной электронной газете ««Файл-РФ» 15 апреля 2012 года Людмила Алексеевна сказала: «Меня потрясли результаты ребячьих опросов в нескольких городах. Вопросы были элементарные: произведения каких писателей – Толстого, Чехова, Достоевского, Набокова – читал или не читал и что нравится или не нравится». Около 30% ребят просто перечеркнули анкеты и написали «**ненавижу**»! Это страшно... Плакать хочется». (Конец цитаты).

Признаемся: и нам, носителям русского языка, воспитанным на классической литературе, хочется плакать вместе с Людмилой Алексеевной. Но в то же время и хочется верить, что слово «ненавижу» относится всё-таки не к нашим писателям, а к той беспрецедентной формализации нашего образования, которая даже любовь к собственному языку способна превратить в ненависть. Превратить с такой же «лёгкостью необыкновенной», с какой изящное русское слово *расписание* на сайте наших университетов заменено неудобочитаемым *time-table*'ом...

Об этом же многие русисты с тревогой говорили и говорят непрестанно, ибо резкое падение культуры речи у молодого поколения – самая болевая социальная проблема русистики.

Грустно, что уровень речевой культуры снизился не только в обиходном общении, но и в новейшей русской литературе и средствах массовой информации, в публичных выступлениях представителей самых высших эшелонов власти. И Л.А. Вербицкая стала активным проповедником необходимости «говорить правильно», «как петербуржцы». Этой проблеме посвящены многие её статьи и книги. Одна из них так и названа: «Давайте говорить правильно: пособие по рус-

скому языку» (М.: Высшая школа, 2003. – 239 с.). До сих пор, проезжая в метро, мы видим вместо навязшей в зубах рекламы небольшие таблички с фотографией Людмилы Алексеевны и очередными рекомендациями «говорить как петербуржцы». И многие пассажиры вчитываются в эти рекомендации и следуют им. В одной из петербургских школ я видел целую тематическую подборку таких рекомендаций и, по суждениям преподавателей, они у школьников оказались востребованными. Выступления Л. А. Вербицкой в печати, на форумах МАПРЯЛ и университетских аудиториях способствовали повышению культуры слова.

В числе многих добрых деяний, которые по инициативе Л. А. Вербицкой были совершены для нашей русистики, есть и серия небольших словарей-справочников под общим названием – «Давайте говорить правильно!», изданной в нашем университете. Цель их была помочь всем тем, чья речь может благотворно повлиять на речь носителей языка – общественным и государственным деятелям, преподавателям вузов и школ, писателям и журналистам, способствовать их речевому самосовершенствованию. Эта серия насчитывает 32 книги примерно одного формата. Она во многом стала ориентиром для всех, кто любит и ценит русский литературный язык. Здесь представлены самые разные сферы русского языка, связанные с проблемами повышения культуры речи: **грамматическое управление** (Скляревская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Трудности грамматического управления в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 176 с.); **новейшие заимствования** (Скляревская Г. Н., Ваулина Е. Ю., Богданова Н. В. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004 – 217 с.); **лексика современной экологии** (Давайте говорить правильно! Лексика современной экологии. Краткий словарь-справочник. Ваулина Е. Ю., Штельмахин Е. Б.), **юридическая терминология современной России** (Давайте говорить правильно! Юридическая терминология современной

России. Краткий словарь-справочник. Ваулина Е. Ю.); **специальная лексика точных наук** (Давайте говорить правильно! Специальная лексика точных наук. Краткий словарь-справочник. Ваулина Е. Ю., Скляревская Г. Н.); **политический язык современной России** (Давайте говорить правильно! Политический язык современной России. Краткий словарь-справочник. Скляревская Г. Н., Ткачева И. О. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003); **термины современного градостроительства** (Давайте говорить правильно! Термины современного градостроительства. Краткий словарь-справочник. Антошинцева М. А., Дурнева А. А.); **медицинская лексика** (Давайте говорить правильно! Актуальная медицинская лексика. Краткий словарь-справочник. Севастьянова Н. Д., Чепурных Н. О.); **метафора в современной публицистике** (Давайте говорить правильно! Метафора в современной публицистике. Краткий словарь-справочник. Ваулина Е. Ю.), **русская экспрессивная лексика** (Давайте говорить правильно! Словарь русских эмоционально-экспрессивных преобразований. Химик В. В.); **паронимы** (Давайте говорить правильно! Паронимы современного русского языка. Краткий словарь-справочник. Лазарева О. А., Шушков А. А.). Начало этой серии было положено, естественно, самой Людмилой Алексеевной Вербицкой, опубликовавшей, в соавторстве с Н. В. Богдановой и Г. Н. Скляревской справочник «Трудности современного русского произношения и ударения» (Вербицкая Л. А., Богданова Н. В., Скляревская Г. Н. Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь-справочник. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.).

По предложению Людмилы Алексеевны и автор этих строк стал составителем 4 словарей-справочников этой серии: посвящённых вопросам трудностей современной русской фразеологии, крылатым словам, пословицам, библейским крылатым выражениям.

Их цель – как и цель всей серии – способствовать развитию культуры речи и расширять познания о нашем родном языке.

Позволю себе продемонстрировать по одной словарной статье из названных справочников.

1. Трудности современной русской фразеологии:

БАКЛУША • БИТЬ БАКЛУШИ. *Разг., неодобр.* Бездельничать, праздно проводить время, заниматься пустяковым делом; шататься без дела.

Выражение обычно связывается с кустарным промыслом, распространённым в бывшей Нижегородской губ. Там изготовлялись деревянные ложки, чашки и другая посуда. Отколотые от полена чурки, заготовки для такой посуды, назывались в говорах *баклушами*. Переносное значение объясняется тем, что изготовление *баклуш* считалось в народе лёгким, не требующим усилий и умения делом.

Традиционная версия противоречит внутренней логике выражения: фразеологические синонимы со значением «бездельничать» в самых разных языках не образуются на основе ассоциаций с полезной, пусть даже и лёгкой, работой. В русских диалектах и других славянских языках есть немало аналогичных выражений: *бабки шишать, шемелу бить, шапки шишать, бить сачка*; бел. *бібікі біць*, укр. *байдики (байди) бити, баглаї бити* и др.

В народной речи *баклуша* — «небольшая (около 25–30 см длиной) чурка для игры в городки, которую сбивали другой деревянной палкой — битой». *Бить баклуши*, следовательно, первоначально значило «сбивать битой *баклуши*, т. е. небольшие городошные чурки». Аналогичную мотивировку имеют приведённые выше диалектные и славянские фразеологизмы, обозначающие вначале игру в городки, бабки или близкие по мотивировке развлечения.

2. Крылатые слова в современном русском языке. Краткий словарь-справочник:

МАЛЬЧИК * И МАЛЬЧИКИ КРОВАВЫЕ В ГЛАЗАХ... *Книжн.* О людях, мучимых раскаянием за совершённое злодеяние, а также о людях, бывших свидетелями убийства, катастрофы и т. п. и преследуемых памятью об этом.

Цитата из монолога царя Бориса в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (сц. «Царские палаты» — 1825): «*Как молотком стучит в ушах упрёк, / И всё тошнит, и голова кружится, / И мальчики кровавые в глазах*». Годунов, по народно-

му преданию, убивший наследника трона царевича Дмитрия в Угличе, чтобы завладеть престолом, терзается в этой сцене угрызениями совести. Его мучают галлюцинации и кажется, что он постоянно видит убиенного царевича. Выражение стало популярным и получило иное осмысление в трагедии. А. С. Пушкин при этом использовал один из вариантов народного оборота (он известен до сих пор на Псковщине) *м'альчики в глаз'ах* 'рыбит, зеленеет в глазах', который имеет в диалектах немало вариантов: *угл'анчики в глазах бегают, м'ухи (м'ушки) в глазах* и др. Они обычно характеризуют чьё-л. болезненное состояние.

3. Словарь пословиц: Краткий словарь-справочник:

БЕЗРЫБЬЕ * НА БЕЗРЫБЬЕ И РАК РЫБА. *За неимением кого- или чего-л. лучшего следует довольствоваться тем, что есть, обходиться малым.*

Слово *безрыбье* употребляется только в составе пословицы, имеющей несколько вариантов: *На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и сидень человек; На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и баба человек.* Ее распространение ограничено восточнославянскими, болгарским и польским языками: бел. *На безрыб'і і рак рыба*; укр. *На безриб'ї й рак риба*; болг. *Когато няма риба, и ракът е риба*; пол. *Na bezrybiu i rak ryba*. Поскольку болгарская и польская пословицы практически не имеют вариантов и зафиксированы относительно поздно (польская — в 1839 г.), можно предположить, что они заимствованы из русского.

4. Словарь библейских крылатых выражений:

ВОДА * ЖИВАЯ ВОДА. *Фольк.*

1. Эликсир жизни; все, что дает человеку энергию, бодрость, силы. 2. Нечто оживляющее, восстанавливающее (атмосферу, социальные настроения и т. п.).

• В сказках выражение обозначает волшебную воду, воскрешающую мертвых. В др.-рус. языке *живая вода* — это родниковая вода, вообще — 'текучая, проточная вода' в противоположность *мёртвой* — 'стоячей'. В фольклорном употреблении эти определения приобретали новые переосмысления: *живая* — 'животворная', *мёрт-*

вая — 'целительная, необходимая для восстановления плоти умершего'. Такое переосмысление было предопределено особым магическим значением, которое водная стихия имела в верованиях многих народов. Поэтому окропление живой водой оживляло мёртвого, а окропление мёртвой исцеляло и сращивало мясо с плотью. Популярности образа живой воды способствовала её известность (правда, в несколько иной функции) в Новом завете: «Иисус сказал ей [самарянке] в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе *воду живую*» (Ио., 4, 10).

Как видим, жанр словаря в целях популяризации культуры русской речи может быть не только полезным, но и занимательным. При этом каждый пользователь словаря ожидает от нас, лексикографов, абсолютной информативной точности и унифицированности словарного описания. Ожидает, забывая о том, что каждое слово, попавшее в словарь – это особый мир, особый не только с нейтральной информационной семантикой, но и с особой коннотативной заряженностью, которую следует представить читателю. Вот почему, как заметил известный британский лексикограф и поэт эпохи Просвещения Сэмюэл Джонсон, «Словари всё равно что часы. Даже самые плохие лучше, чем никакие, и даже от самых лучших нельзя ожидать абсолютной точности». И верно: ошеломлённые невиданным прежде многообразием словарей разного жанра в нашем XXI-м веке, мы не вправе сводить их достоинства – в том числе и учебные – к энциклопедической точности. Но мы вправе отбирать из этого словарного многообразия в целях повышения культуры речи лишь те из них, которые можно пить, как *воду живую*. *Воду живую* в Библейском смысле этого слова, т.е. как *Дар Божий*. Именно тогда обучение русскому языку с помощью словарей будет не просто полезным, но и привлекательным. Серия 32 словарей под общим названием «Давайте говорить правильно!», основанная Л. А. Вербицкой, как кажется, и стала таким даром правильного русского Слова.

И – не просто правильного, но – живот-

ворного и животворящего. Именно так определила Людмила Алексеевна одну из главных задач, стоящих перед Обществом русской словесности, на первом учредительном его заседании. Задачу концепции языковой политики России и уточнение понятия русского языка как государственного. Для сохранения чистоты русского языка, по её мнению, необходимо принять следующие меры: «Должны быть яркие и творческие учителя в школах и воспитатели в дошкольных учреждениях – их речь должна быть образцом для детей, чего зачастую нет. Создание учебника, который бы ребенок с удовольствием открывал. И нужно, чтобы общество не было равнодушно к тому, что слышит. Почему-то считается неловким поправить человека, указать ему на ошибку. Есть люди, которые прекрасно говорят, и если я вдруг замечаю какую-то ошибку и им пишу, они благодарят. Но есть и другие, которые недовольны, если их поправляешь. Мне кажется, если наше общество не будет к этому равнодушно – к культуре речи, – это тоже поможет. Ведь у нас удивительный язык – и яркий, и образный, интонационно очень богатый». И далее: «Каждый человек сам должен понимать, что правильно говорить по-русски – это престижно. Мне кажется, если мы поймём, что правильно говорить по-русски, используя яркий образный язык, – это престижно, то, наверное, все будут к этому стремиться. Мне бы очень хотелось, чтобы все поняли, что лучше нашего языка в мире нет. Михаил Васильевич Ломоносов очень давно об этом сказал. Он привел высказывание Карла V о разных языках и добавил: *Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, <...> нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка*».

Людмила Алексеевна повторила слова М. В. Ломоносова совсем недавно. И посвятила всю свою жизнь, чтобы эти слова воплотились в Дело. Дело всей её жизни.

Н. В. Юдина,
Т. А. Ковалева

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СОВРЕМЕННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

NATALIA V. YUDINA, TATIANA A. KOVALEVA

THE WAY RUSSIAN SPEAKERS FEEL ABOUT THE LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Наталья Владимировна
Юдина**

Доктор филологических наук, профессор

► dr.yudina@mail.ru

*Финансовый университет при
Правительстве РФ*

*125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский
проспект, д. 49*

**Татьяна Анатольевна
Ковалева**

Кандидат филологических наук,
преподаватель

► kovaleva.phil@gmail.com

*Владимирский филиал Финансового
университета при Правительстве РФ*

600000, г. Владимир, ул. Тихонравова, 1

Yudina N. V.

*Financial University under the Government
of the Russian Federation*

Kovaleva T. A.

*Financial University under the Government
of the Russian Federation, Vladimir branch*

Статья посвящена анализу восприятия и оценки языковой политики Российской Федерации XXI века носителями современного русского языка. В работе изложены результаты социолингвистического мониторинга, направленного на исследование уровня языковой подготовки респондентов, их отношения к мерам по реализации внутренней и внешней языковой политики Российской Федерации.

Ключевые слова: языковая политика, современный русский язык, носитель языка.

The article analyses the way Russian natives evaluate and feel about the language policy of the Russian Federation. The research considers the outcomes of the socio-linguistic screening focused on different levels of respondents' language skills, their response to the measures implemented to deliver the language policy in the domestic and foreign affairs of the Russian Federation.

Keywords: language policy, Modern Russian, language speaker.

На протяжении последнего столетия термин «языковая политика» неоднократно подвергался пристальному вниманию как со стороны лингвистов, так и с точки зрения представителей других направлений широкого гуманитарного знания. Так, Е. Д. Поливанов еще в начале XX века предложил рассматривать языковую политику как объект лингвистики, а лингвиста как специалиста в четырех сферах: 1) реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур; 2) языкового политика, владеющего прогнозом языкового будущего; 3) «общего лингвиста» и в частности лингвистического историолога; 4) историка культуры и конкретных этнических культур [Поливанов 1931: 10].

Отечественные и зарубежные лингвисты в середине и в конце XX века значительно расширили представления о языковой политике, выделив два основных направления развития обозначенной сферы: перспективное и ретроспективное. Перспективная языковая политика

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету

включает в себя так называемое языковое строительство (например, создание алфавитов для бесписьменных языков), тогда как ретроспективное направление описывает ряд вопросов, связанных с языковой культурой, законодательными процессами в области языка (определение, кодификацию и внедрение норм литературного языка в общество) и распространением литературных норм среди носителей языка. Кроме того, именно в XX веке были сформулированы центральные дефиниции и терминологический аппарат в сфере изучения языковой политики. Так, например, одним из наиболее известных определений языковой политики является дефиниция Ю. Д. Дешериева, предлагавшего понимать под языковой политикой «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев 1990: 616].

В связи с изменением ряда социально-политических и экономических процессов, а также с существующей санитарно-эпидемиологической обстановкой в мире исследование языковой политики в XXI веке становится особенно актуальным. В этой связи спектр исследований языковой политики государства становится, как никогда, широким и объемным. Так, среди наиболее актуальных направлений исследований языковой политики можно выделить следующие: 1) социолингвистическое (см. работы В. М. Алпатовой, А. Н. Биткеевой, В. Г. Гака, М. И. Исаева и др.), 2) образовательное (см. доклады Л. А. Вербицкой, А. О. Лалетиной), 3) правовое (см. работы Н. А. Бенедиктова, А. П. Бердашкевича Е. П. Челышева и др.), 4) политическое (см. диссертационные исследования Г. Ц. Гунжитова, А. Н. Казарян, Д. В. Перковой и др.). Особое внимание в исследованиях последних десятилетий уделяется вопросам языковой политики в сфере сохранения и развития национальных и миноритарных языков (ср. работы А. Н. Биткеевой, Г. А. Дырхеевой, В. Ю. Михальченко и др.), билингвального образования (см. работы Р. Алиева и Н. Каже, Н. И. Марченко, В. В. Сафоновой, А. Г. Ширина и др.), а также законодательному регулированию статуса и положения государственного языка.

Рассмотрение языковой политики как сложного междисциплинарного явления способствует формулировке пула разноаспектных задач, которые призвана решать языковая политика Российской Федерации: «1) сохранение и поддержание балансного состояния языковой ситуации; 2) повышение общей грамотности населения и уровня владения русским языком как в центральной России, так и в национальных республиках Российской Федерации; 3) регулирование миграционных потоков, обеспечение безопасности иностранных граждан в России; 4) реализация геополитических интересов государства: расширение зоны влияния, поддержание русскоязычной диаспоры за рубежом» [Петрулевич, Месропян 2014: 11]. Решению обозначенных задач в Российской Федерации способствует ряд законов, нормативно-правовых актов и государственных программ, таких как Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (1991 г., ред. от 12.03.2014), Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (2005 г.), федеральные целевые программы, в том числе и реализованная на протяжении почти двадцати лет Федеральная целевая программа «Русский язык», Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» и другие. Кроме того, языковая политика государства проявляется и в совокупности мероприятий, решающих практические задачи, в частности учреждение фонда «Русский мир», создание и функционирование Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), организация информационно-справочного портала «Грамота.ру», проведение международного образовательного проекта «Тотальный диктант» и многие другие формы работы.

Несмотря на широкий спектр мер по реализации государственной языковой политики

и их междисциплинарное исследование, в современной антропоцентрической парадигме мышления недостаточно изучено отношение носителей языка XXI века к языковой политике Российской Федерации, чем обусловлена **актуальность** настоящего исследования.

С целью выявления особенностей восприятия языковой политики Российской Федерации носителями русского языка, а также национальных языков нами был проведен социолингвистический мониторинг, участниками которого стали более 3 000 носителей русского языка и национальных языков. Респонденты проживают в 40 регионах России, в том числе Москве, Санкт-Петербурге, республиках Башкортостан, Коми, Татарстан, Чувашия, а также в Архангельской, Владимирской, Калининградской, Нижегородской, Новосибирской, Свердловской, Тульской, Тюменской и др. областях.

Исследование проводилось с 1 апреля по 1 ноября 2020 г. методом CAWI (computer-assisted web interviewing), предполагающим самостоятельное заполнение респондентами анкеты в режиме онлайн. Социолингвистический мониторинг включал в себя четыре блока вопросов, направленных на выявление отношения респондентов к мерам по реализации языковой политики Российской Федерации. Обратимся к анализу результатов исследования.

В начале опроса участникам было предложено указать родной язык и язык повседневного общения. Так, для 90% опрошенных родным языком является русский, для 4% – татарский, 2% – башкирский, 2% – украинский, 1% и меньше – чувашский, даргинский и эрзянский, при этом 99% респондентов в повседневной жизни разговаривают на русском языке и 1% использует чувашский язык. Затем респонденты оценили свой уровень владения русским языком (речью): 43,8% ответили «пишу и говорю без ошибок», 25,6% допускают ошибки в устной речи, 22,3% отметили, что допускают ошибки в письменной речи, 8% не задумывались о правильности своей речи. При этом 89% опрошенных готовы повышать уровень владения языком и речью и 10% считают, что не нуждаются в дополнительной лингвистической подготовке.

В качестве инструментов повышения языковых и речевых компетенций участники опроса называют чтение книг (85%), обращение к словарям (44,8%), просмотр блогов или прослушивание подкастов, посвященных русскому языку (30%), изучение интернет-платформ о русском языке (30%), посещение открытых лекций по русскому языку (16,2%) и курсов (7,6%), а также наблюдение за речью людей, авторитетных в области языка, и написание Тотального диктанта. Следует отметить положительную тенденцию, связанную с интересом респондентов к изучению русского языка и совершенствованию своих знаний, что позволяет прогнозировать повышения языковых и коммуникативных компетенций жителей России.

При этом во втором блоке мониторинга 15% опрошенных не смогли ответить на вопрос «Что вы понимаете под термином языковая политика?». Большинство респондентов определяют обозначенный термин как *государственное* регулирование, направленное на сохранение норм и популяризацию языка (42%), на сохранение статуса государственного языка и языковое самоопределение народов, проживающих на территории РФ (30%), на развитие русскоязычного образования и грамотности населения (10%). Интересно отметить, что только 5% процентов опрошенных отметили *региональные власти и общественные институты* как структуры, реализующие языковую политику. К инструментам языковой политики участники опроса отнесли принятие законов о статусе русского языка, образование на русском языке и обязательное изучение русского языка в школах, государственные экзамены на русском языке, издание словарей и книг на русском языке, пропаганда русского языка через средства массовой информации, поддержка национальных языков в регионах РФ, экзамен по русскому языку для мигрантов. Затруднились ответить на этот вопрос 33%. Как основной инструмент реализации языковой политики носители рассматривают законодательные акты. 59% уверены в необходимости регулирования использования языка на законодательном уровне, 32% отрицают подобные меры и 8% (преимущественно

но респонденты с филологическим образованием) считают, что язык – это саморегулирующаяся система, не нуждающаяся во вмешательстве государства. При этом только 27% респондентов положительно относятся к жесткому регулированию в области языковой политики. Анализ вопросов второго блока позволяет сделать вывод о том, что от 15 до 30% опрошенных не знакомы с понятием и инструментами языковой политики, так как большинство опрошенных заблуждается относительно того, что реализуют языковую политику только органы государственной власти.

Третий блок вопросов был посвящен образованию как одному из важнейших инструментов реализации языковой политики государства. На вопрос «Как вы считаете, достаточно ли гражданину России изучать русский язык только на школьном уровне?» 42% опрошенных ответили утвердительно, 50% отрицательно, пояснив, что изучение русского языка должно иметь непрерывный характер и продолжаться на всех ступенях образования. При этом больше половины респондентов (51%) отметили, что в школах отводится достаточное количество часов на изучение русского языка. По мнению участников опроса, следует обратить внимание на качество образования, скорректировав не количество часов, а изучаемые темы и методику обучения. 32% опрошенных считают недостаточным количество часов, отведенное для изучения русского языка в школах, 18% посчитали себя некомпетентными в данном вопросе. На вопрос о качественных преобразованиях в программах по русскому языку респонденты предложили внести следующие изменения: добавить изучение истории языка и этимологии, сделать изучение русского языка более практикоориентированным, дополнить уроки в старших классах тренингами по публичным выступлениям и деловой переписке, больше времени уделить созданию официально-деловых и научных текстов, а также усилить подготовку педагогических кадров в вузах.

Часть вопросов обозначенного блока касалась обучения на национальных языках республик Российской Федерации. Так, на вопрос «Нужно ли изучать в школах республик Россий-

ской Федерации национальные языки? (татарский, башкирский и др.)» большинство респондентов (84%) ответили утвердительно, обосновав свое решение необходимостью сохранения культурного наследия данных народов, а также их правом на самоопределение и национальную идентичность. При этом обучение в школах республик Российской Федерации полностью на национальных языках считают целесообразным только 41,5% опрошенных, 58,5% уверены в необходимости обучения на государственном языке Российской Федерации.

Думается, особый интерес вызывает вопрос о зависимости материального достатка респондента от знания русского языка. 35% ответили о наличии прямой связи, 9% отметили опосредованную связь уровня материального достатка и знания государственного языка, 56% респондентов посчитали, что их доходы никак не зависят от уровня владения русским языком. Как правило, утвердительно отвечали люди с высшим образованием, тогда как большинство отрицательно ответивших являются студентами юридического, экономического, психологического и филологического направлений, а также работниками технической сферы.

Четвертый блок мониторинга посвящен проблемам престижа и популяризации русского языка. На вопрос «Сталкивались ли вы с языковой дискриминацией?» 91% опрошенных ответили отрицательно, 9% привели примеры языковой дискриминации за пределами РФ, как правило, в некоторых республиках СНГ. Единичны случаи языковой дискриминации внутри России. К ним участники опроса отнесли требования знать татарский или башкирский язык при приеме на работу в соответствующих республиках. Однако знания русского языка при приеме на работу иностранцев считают необходимыми 92% опрошенных, отмечающих важность экзамена на знание русского языка для мигрантов.

На вопрос о том, какие меры помогут привлечь иностранцев к изучению русского языка, респонденты прежде всего отметили инструменты «мягкой силы»: повышение престижа страны на мировой арене, популяризацию русского об-

разования, развитие туризма, создание бесплатных языковых курсов и школ, а также производство авторитетного интернет-контента на русском языке. К инструментам, стимулирующим интерес к совершенствованию знаний русского языка среди его носителей, участники опроса отнесли популяризацию чтения и русского языка посредством СМИ, совершенствование школьной программы по русскому языку и методов его преподавания, регламентацию употребления заимствований, создание общедоступных платформ для изучения русского языка, проведение просветительских мероприятий, а также введение экзамена по русскому языку при приеме на работу.

Таким образом, анализ результатов опроса дает основания сделать следующие выводы:

1) от 15 до 30% участников опроса недостаточно осведомлены о мерах и инструментах языковой политики Российской Федерации, при этом очевидна необходимость привлечения носителей русского языка к реализации языковой политики государства;

2) в качестве положительной тенденции следует отметить возрастающий интерес носителей языка к совершенствованию языковых и коммуникативных компетенций, который находит воплощение в осознании необходимости непрерывного лингвистического образования, а также общественных инициатив по популяризации русского языка и их поддержке со стороны государства. К таким мерам можно отнести проект «Тотальный диктант», научно-популярные лекции, телепередачи и подкасты по русскому языку, расширение интернет-площадок с лингвистическим контентом;

3) в рамках внутренней языковой политики одним из актуальных направлений является изучение русского языка в школах и вузах. Участники опроса отметили необходимость изменения тем, разделов, языкового материала и форм преподавания предмета при сохранении количества часов, отведенных на его изучение. Среди инициатив респондентов следует отметить практикоориентированность в изучении языка, введение тренингов по публичному выступлению и деловому письму, включение вопросов истории языка и современ-

ных текстов в школьную и вузовскую программу преподавания русского языка и его различных аспектов. В рамках внешней языковой политики большинство опрошенных отметили привлечение инструментов «мягкой силы» для популяризации русского языка в мировом сообществе.

Думается, системно проводимая при непосредственной поддержке носителей языка языковая политика Российской Федерации должна стать одним из важнейших инструментов конструирования национальной идентичности, сохранения культуры народа и популяризации русского языка как внутри страны, так и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дешериев Ю. Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616.
2. Петрулевич И. А., Месропян Л. М. Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 11-24.
3. Поливанов Е. Д. Историческое языкознание и языковая политика // За марксистское языкознание. М., 1931. С. 10-35.

REFERENCES

1. Desheriev Yu. D. (1990) Iazykovaia politika [The language policy]. In: Iartseva V. N., ed. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [The Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, p. 616. (in Russian)
2. Petrulovich I. A., Mesropian L. M. (2014) *Sovremennaiia iazykovaia politika Rossiiskoi Federatsii: osnovnye vektory i tendentsii razvitiia* [Modern language policy of the Russian Federation: main vectors and development trends]. In: *Iazykovaia politika i iazykovye konflikty v sovremennom mire* [Language policy and language conflicts in the modern world]. Moscow, pp. 11-24. (in Russian)
3. Polivanov E. D. *Istoricheskoe iazykoznanie i iazykovaia politika* [Historical Linguistics and language policy]. In: *Za marksistskoe iazykoznanie* [Marxist Approach to Linguistics]. Moscow, pp. 10-35. (in Russian)

ЛОКАТИВНЫЕ МЕМОРАТИВЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОД

DMITRIY YU. ILYIN
LOCATIVE MEMORIALS AS A LINGUISTIC CODE

В статье анализируется годонимическое пространство г. Волгограда, под которым понимается совокупность названий линейных географических объектов, официально зафиксированных на территории населенного пункта. Дается трактовка лингвистического кода, важнейшими признаками которого как термина являются системность, структурность, наполненность определенной информацией, релевантной для пользователей, и в некоторых случаях условность, символизм, передающий позитивную семантику. Утверждается, что частотным кодом при номинировании внутригородских линейных топообъектов Волгограда является локативно-меморативный. Установлено, что локативные меморативы возможно группировать по группам.

Ключевые слова: топонимика, годоним, годонимическое пространство, локативная семантика, лингвистический код.

The article analyzes the year-name space of the city of Volgograd, which is understood as a set of names of linear geographic objects officially recorded on the territory of a settlement. An interpretation of the linguistic code is given, the most important features of which as a term are consistency, structure, fullness of certain information relevant to users, and in some cases convention, symbolism that conveys positive semantics. It is argued that the frequency code for nominating the intracity linear topo objects of Volgograd is the locative-memorial code. It has been established that local memorials can be grouped into groups.

Key words: toponymy, godonym, godonymic space, locative semantics, linguistic code.

**Дмитрий Юрьевич
Ильин**

доктор филологических наук, доцент,
проректор по учебной работе

► dilyin99@mail.ru

Волгоградский государственный
университет

400062 Волгоград,
пр-т Университетский 100

Dmitriy Yu. Ilyin

Volgograd Stat University

Изучение регионального топонимикона, под которым понимается «совокупность лексем, которые используются для наименования географических объектов, расположенных на данной территории, и, отражая особенности конкретной местности, обладают своеобразным семантико-смысловым потенциалом, реализуемым в процессе функционирования» [Ильин 2012: 339], ориентирует исследователя на применение системного подхода к анализу языковых явлений, который на современном этапе развития лингвистической науки является одним из наиболее релевантных в полипарадигмальном подходе

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00217 «Лингвистические коды объектов искусственной номинации в топонимической политике региона: проблемы, противоречия и векторы развития»

к характеристике языковых явлений. По мысли Н. С. Трубецкого, «осмысленность эволюции языка прямо вытекает из того, что “язык есть система”» [Якобсон 1996: 229], следовательно, адекватное постижение изменений языковой системы и ее частей, выявление глубинных закономерностей системных связей представляется целесообразным и необходимым, в связи с чем только при таком взгляде на подобные изменения языковые факты способны получить объяснение.

Названный подход направлен на изучение лингвистического феномена в целом и во взаимоотношении его элементов, на выявление связей между элементами системы, на описание объекта в том виде, в котором он представляет систему. Идея системности языка, экстраполируемая в том числе на лексико-семантическую подсистему, оказала значительное влияние на трансформацию вектора изучения ономастики, в особенности топонимики, поскольку без выявления и изучения системных отношений лексических единиц, обозначающих географические объекты, невозможно выявление глубинных закономерностей их развития и функционирования.

Одна из первых попыток систематизации русского топонимического пространства обнаруживается у А. М. Селищева, который на основании связи значения топонима и его словообразовательной формы выделяет несколько групп названий, тем самым демонстрируя свое видение проблемы системного подхода к изучению имен собственных [см. Селищев 2003].

Определенные взаимоотношения топонимов выявляет В. А. Никонов, по мнению которого они всегда коррелируют друг с другом, что обусловлено наличием семантического или словообразовательного критерия, образуют пары или иные обширные группы и представляют собой цепь топонимического ряда. Географическое название, по природе своей многоплановое, может включаться в различные ряды и образует точку их пересечения, что определяется В. А. Никоновым как закон пересекающихся рядов [см.: Никонов 1965]. Таким образом, уче-

ный анализирует связи отдельных топонимов и их групп, что позволяет выявленные им взаимосвязи топонимов рассматривать как одно из проявлений общей упорядоченности топонимии.

К настоящему времени системный характер ономастической лексики не вызывает сомнения и является основополагающим при изучении имен собственных.

В то же время в ономастических работах последнего времени все большее внимание уделяется изучению структурирования представлений о ландшафтном пространстве территории. Запросы определенных групп общества, действия органов власти в части номинации объектов того или иного локуса в целях успешного позиционирования определенного региона требуют проработки в том числе лингвистических позиций, где важное систематизирующее значение имеют топонимы – «название линейного объекта в городе, в т.ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская 1988: 52]. Ценность указанного разряда ономастической лексики детерминирована отражением в наименованиях линейных топообъектов культурных, социально-экономических, политических, религиозных и иных представлений жителей той или иной местности, их обычаев и верований, трансформацией ценностных стереотипов и приоритетов социума, информацией о его исторических, идеологических и эстетических вкусах и пристрастиях. Наконец, внимание филологов к топонимам определяется и тем, что в них находит отражение эволюция современных номинативных технологий.

Объектом исследования выступают топонимы Волгограда, зафиксированные в «Общегородском перечне наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» (далее – Перечень), размещенном на официальном сайте администрации г. Волгограда www.3444077191-Streets.csv. По состоянию на 10.03.2020 г. (дата последнего внесения изменения в Перечень) в топонимическом пространстве Волгограда, понимаемом нами как совокупность зарегистрированных названий линейных

топообъектов, находящихся на территории населенного пункта, насчитывается 2002 улицы, 257 переулков, 22 проезда, 13 площадей, 8 проспектов, 5 набережных, 2 бульвара, 2 шоссе, 2 тупика и 1 разъезд.

В качестве предмета исследования являются лингвистические коды объектов искусственной номинации – элементов улично-дорожной сети Волгограда.

Понятие *код* впервые было использовано в лингвистическом смысле Р. Якобсоном при изучении поэтических текстов: «При любом анализе поэтической звуковой ткани необходимо последовательно учитывать фонологическую структуру данного языка, причем наряду с общим фонологическим кодом следует принимать во внимание также и иерархию фонологических различий в рамках данной поэтической традиции» [Якобсон 1975: 225]. Однако в трудах ученого названное понятие терминологизации не получило.

К настоящему времени единица *код*, несмотря на частотное использование в языковедческих работах, получает размытое понимание, поскольку в лингвистических словарях и справочниках отсутствует дефиниция этого понятия: она не зафиксирована в качестве термина ни в одном из современных лексикографических источников. Единственное специализированное издание, в котором обнаруживается термин *код*, – это «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, где исследуемое понятие интерпретируется как «правило, позволяющее соотносить (сопоставлять) с каждым передаваемым сообщением некоторую комбинацию различимых сигналов» [Ахманова 2004: 198].

Инкорпорируя лингвистический смысл в предложенное в «Большом академическом словаре русского языка» определение лексической единицы *код* как «совокупность условных обозначений (знаков, символов, сигналов и т.п.) и система определенных правил, применяемых для передачи (обработки, хранения) сообщений по каналам связи и информации (данных) по каналам телемеханики» [БАС 2007: 185], полагаем, что применительно к ономастическим

исследованиям *лингвистический код* можно интерпретировать следующим образом: способы и средства создания лексических единиц, называемых тот или иной объект внеязыковой действительности, посредством системы определенных правил, присущих языку. Соглашаясь с Е. В. Королевой, вычленившей на основе семантических критериев такие признаки кода, как «условность, неявность, наполненность определенной информацией, связь с контекстом, в котором код приобретает способность порождать смыслы и, как следствие, накапливать его» [Ильин 2012 : 337], полагаем, что, помимо названных выше, для лингвистического кода важнейшими характеристиками могут также являться системность и структурность.

Таким образом, *лингвистический код* можно представить следующим образом: способы и средства создания лексических единиц, называемых тот или иной объект внеязыковой действительности посредством системы определенных правил, присущих языку. Важнейшими характеристиками лингвистического кода, на наш взгляд, являются системность, структурность, наполненность определенной информацией, релевантной для пользователей, и в некоторых случаях условность.

Интерпретируемое подобным образом понятие лингвистического кода необходимо отличать от понятия *нейминга*, которое предполагает более широкое содержание, чем собственно номинация, именование, закрепление имени за каким-либо объектом. В этом аспекте справедливым является мнение М. В. Голомидовой, согласно которому «по сути, *нейминг* представляет собой технологию, то есть целую цепочку процедур, которая, если представлять ее предельно кратко, начинается с комплексного исследования ситуации и формулировки прагматических задач онимической номинации, а заканчивается проверкой оптимальных вариантов на коммуникативную целесообразность и правовую чистоту» [Голомидова 2019: 31].

При выработке лингвистических кодов в ономастических исследованиях в целом и при обозначении объектов искусственной номинации

в частности представляется значимым и целесообразным учитывать ряд факторов, среди которых важно выделить следующие: параметры номинативной ситуации, коммуникационная стратегия и корреспондирующие с ней задачи позиционирования объекта, структурно-словообразовательные и семантические модели обозначения. С учетом разработанной топонимической политики сущностно необходимой является и корреляция с правовыми нормами, детерминирующими соответствующую сферу социальной активности.

Анализ материала дает основания утверждать, что одним из ведущих лингвистических кодов в годонимическом пространстве Волгограда является локативно-меморативный, в котором выделяются событийные номинации – посвящения различным памятным датам и векам отечественной истории: *улицы 25-летия Октября, 50-летия ВЛКСМ, Обороны Ленинграда, Обороны Одессы, Обороны Севастополя*. Большая часть подобных меморативов обращена к событиям Великой Отечественной войны, и причиной является то, что именно на Сталинградской земле разворачивались наиболее значимые воинские сражения. Процесс номинации продолжается и в настоящее время, когда новые топообъекты получают свое наименование: *площадь Сталинградской победы, улица 70-летия Победы*.

Особое место в годонимическом пространстве Волгограда принадлежит лингвистическому коду, который можно интерпретировать как названия с локативной семантикой:

номинации улиц, образованные от названий государств: *улицы Венгерская, Латвийская, Литовская, Монгольская*. Как правило, подобные наименования связаны с бывшими социалистическими государствами, что подтверждает мысль об отражении в топонимике принципа социального соответствия;

столиц бывших республик СССР, причем, как правило, названия линейных топообъектов охватывают практически все столицы, что было достаточно значимым в советское время для большого города: *улицы Бакинская, Минская, Рижская, Таллинская,*

субъектов Российской Федерации: *улицы Бурятская, Марийская, Калмыцкая, переулоч Удмуртский,*

населенных пунктов других государств: *улицы Льежа, Варшавская, Венская, переулки Варненский, Ченстоховский*, в том числе носящих имена городов-побратимов Волгограда: *улицы Островская, Порт-Саида, Хиросимы, Ковентри;*

населенных пунктов бывшего СССР и современной России: *улицы Великолукская, Псковская, Петербургская, Вешенская*.

Учитывая тот факт, что объекты годонимического пространства Волгограда получали номинации, как правило, в середине – второй половине XX века, отмечаем наличие большого количества онимов, так или иначе связанных с советскими символами, поэтому о волгоградских ландшафтных объектах можно говорить как о своеобразных маркерах исторической памяти.

Отличительной чертой годонимического пространства Волгограда является наличие улиц, названных по наименованиям населенных пунктов Волгоградской области: *улицы Абганеровская* (рабочий поселок Абганерово), *Алексеевская* (станция Алексеевская), *Бударинская* (станция Бударино).

Единичным фактом представлено наименование, в основу которого положено название континента: *улица Антарктидская*.

Безусловно, исследование годонимов Волгограда не исчерпывается названными меморативными наименованиями, однако возникает вопрос о том, насколько целесообразны названия волгоградских линейных объектов, соответствуют ли они современной топонимической политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 8. М.-СПб.: Наука, 2007.
3. Голомидова М.В. Именование городских топографических объектов и проблемы экспертизы новых названий // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф. / сост. и ред. В.Л. Васильев. Великий Новгород: ООО

«ТПК «Печатный двор», 2019.

4. Ильин Д. Ю. Топонимическая лексика в текстах в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2012. – 408 с.

5. Королева Е. В. Место лексемы код в лингвистической терминосистеме // Преподаватель. XXI век. 2015. № 4.

6. Никонов В. А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 180 с.

7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

8. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Селищев А. М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 436–493.

9. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.

10. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное / пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.

REFERENCES

1. Ahmanova O.S. (2004) *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Izd. 2-e, stereotip. Moscow. (in Russian)

2. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka (2007) [*The*

Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language]. V. 8. Moscow-St.Petersburg. (in Russian)

3. Golomidova M.V. (2019) *Imenovanie gorodskih topograficheskikh ob'ektov i problemy jekspertizy novyh nazvanij [Naming of urban topographic objects and problems of examination of new names]* // Onomastika Povolzh'ja: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf. Velikij Novgorod. (in Russian)

4. Il'in D. Ju. (2012) *Toponimicheskaja leksika v tekstah v tekstah regional'nyh gazet konca XIX – nachala XXI veka: dinamicheskie processy [Toponymic vocabulary in texts in the texts of regional newspapers of the late XIX - early XXI centuries: dynamic processes]*. Volgograd. (in Russian)

5. Koroleva E.V. (2015) *Mesto leksemy kod v lingvisticheskoj terminosisteme [Place of the lexeme code in the linguistic terminology system]* // Prepodavatel. XXI vek. no. 4. (in Russian)

6. Nikonov V. A. (1965) *Vvedenie v toponimiku [Introduction to toponymy]*. Moscow. (in Russian)

7. Podol'skaja N.V. (1988) *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology]*. Moscow. (in Russian)

8. Selishhev A.M. (2003) *Iz staroj i novoj toponimii [From old and new place names]* // Selishhev A.M. Trudy po russkomu jazyku. V.1. Jazyk i obshhestvo. Moscow, pp.436–493. (in Russian)

9. Jakobson R. O. (1975) *Lingvistika i pojetika [Linguistics and poetics]* // Структурализм: «за» и «против». Moscow. (in Russian)

10. Jakobson R.O. (1996) *Jazyk i bessoznatel'noe [Language and the unconscious]*. Moscow. (in Russian)

[хроники]

В. И. Толстой. Чтение в цифровую эпоху

(продолжение на с. 55)

3 ноября состоялось торжественное открытие XIV Ассамблеи Русского мира. Одним из спикеров панельной дискуссии «Русский мир онлайн» стал советник Президента России, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы Владимир Толстой. Его выступление было посвящено чтению в цифровую эпоху.

– Я убеждён, что природа человека остаётся неизменной в чём-то важном, глобальном. Времена меняются, меняются технологии, и история книги как явления насчитывает уже не одно тысячелетие.

Истории книги – такой, какой мы её привыкли видеть, привычной нам печатной книги, – тоже уже несколько столетий: середина XV века – время появления первых печатных книг. И за это время, конечно, произошло очень много технологиче-

ских революций – можно, наверно, так их назвать, и каждый раз, когда происходило какое-то новое, глобальное изобретение, появление чего-то принципиально нового для людей, сразу же появлялись мнения о том, что то, что существовало прежде, должно умереть, прекратить свое существование.

Появилось радио – и стали предрекать кончину книги, появилось телевидение – и стали говорить о неизбежной скорой смерти театра. Когда возник кинематограф – тем более театру предрекали скорую гибель. Ничего этого не произошло. Сегодня интернет занимает огромное пространство нашей жизни, он полностью захватил информационную среду, и раздаются голоса о том, что вот уж теперь-то точно всё – и книгу, и радио, и телевидение, и театр, и кинематограф, – всё заменит цифровое пространство, интернет-пространство. Думаю, что это тоже не так.

Если говорить конкретно о чтении,

О. В. Хорохордина,
А. И. Сердюкова

ТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ

OLGA V. KHOROKHORDINA, ANASTASIIA I. SERDIUKOVA
TECHNICAL TOPICS IN EVERYDAY INTERNET COMMUNICATION: FEATURES OF VERBALIZATION

Авторы выявляют особенности формирования в современном русском повседневном общении пласта стилистически вариативной технической лексики на примере интернет-текстов технической тематики в жанрах форума и блога с комментариями. С этой целью авторы проводят функционально-семантический, коммуникативный и когнитивный анализ 40 отобранных текстов.

Ключевые слова: техническая лексика, повседневное общение, интернет-тексты, стилистическая вариативность, самопрезентация, очеловечение техники

The article reveals the features of forming a layer of stylistically variable technical vocabulary in modern Russian everyday communication on the example of Internet texts of technical topics in the genres of forum and blog with comments. For this purpose, the authors conduct functional, semantic, communicative and cognitive analysis of 40 selected texts.

Keyword: technical vocabulary, everyday communication, Internet texts, stylistic variation, self-presentation, humanization of technical devices

Ольга Витальевна Хорохордина

Кандидат филологических наук, доцент
► o.khorokhordina@spbu.ru

Анастасия Игоревна Сердюкова

магистр
► asy.a-asya@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

*Olga V. Khorokhordina,
Anastasia I. Serdyukova*
Saint Petersburg State University
199034, St. Petersburg,
Universitetskaya emb., 11

1. Введение

Вследствие усиливающейся технической оснащённости жизни современных россиян и повышения их технической грамотности в повседневной коммуникации наблюдается устойчивый интерес к технической тематике и активное формирование пласта стилистически вариативных номинаций техники, её свойств, функций, действий и других связанных с ней параметров – совокупность таких лексических единиц мы и называем технической лексикой. Насыщение технической лексикой общеупотребительной части словаря привлекает к себе внимание исследователей с середины XX века, причём подчёркивается глобальность данного процесса: “терминологический взрыв” как следствие научно-технической революции отмечается во всех языках мира [Виноградов 1986: 15].

Сегодня значимые объёмы повседневной коммуникации протекают в форме непринуждённого интернет-общения, которое становится значимым фактором динамики современных литературных норм и оценивается как новое (технически опосредованное) письменное функционирование разговорного стиля, или новая разговорность [Колоколь-

цева 2016: 103-104], что наиболее наглядно обнаруживаются в таких специфических интернет-жанрах, как форум [например, Патрушева 2013] и блог [например, Калашникова 2010]. Именно поэтому в ходе нашего исследования материалом для анализа стали тексты технической тематики данных интернет-жанров: 30 интернет-форумов и 10 блогов с комментариями. Первичный анализ материала позволил выявить следующее:

1) проявление в одном тексте черт книжно-письменной и устно-разговорной разновидностей русской речи, что обусловлено полуподготовленностью интернет-высказываний, сочетанием непринужденности атмосферы интернет-общения с серьёзностью специально-технической тематики;

2) использование коммуникантами большого количества терминологической лексики, объясняющееся технической тематикой анализируемых текстов и их направленностью на информативность.

Представляется целесообразным рассмотреть особенности вербализации технической тематики в данных текстах в рамках функционально-семантического подхода, проведя детальный системный, коммуникативно-прагматический и когнитивный анализ.

2. Вербализация технической тематики в непринуждённой интернет-коммуникации: системные особенности

Выбранные тексты были классифицированы в соответствии с тематикой (“Автомобили”, “Бытовая техника”, “Компьютеры”, “Мобильные устройства”, “Устройства личного пользования”) и проблематикой (“Что лучше приобрести”, “Какие функции есть у конкретного устройства”, “Плюсы и минусы определенного девайса”, “Как лучше поступить в случае возникновения технической проблемы”, “Просьба о помощи советом в устранении неисправности”).

Анализ вербализации отмеченных тем и проблем позволил выстроить соответствующие тематические поля с гиперонимом – номинацией технического объекта в качестве имени поля. Внутри каждого из полей были выделены тематические и лексико-семантические группы номинаций,

служащих для обозначения: а) технических объектов, б) их свойств, в) их оценочной характеристики, г) их функций, д) действий, совершаемых ими, е) действий, совершаемых пользователем с ними и/или при их помощи.

Так, например, в тематическом поле «Автомобиль» выделяется группа существительных-гиперонимов, находящихся между собой в отношении синонимии: *автомобиль, машина, авто*.

Далее были выделены 3 группы гипонимов:

1) имена существительные – номинации марок автомобилей: *CX-5/cx5, Mercedes/Мерседес/мерс, приора/преора, гранта, калина, мазда, Audi S3/S3/Аудюха, лексус, Тойота камри, Инфинити, Гольф седьмой, бмв, фокус, Вольво, пятнашка, джигулёнок, бумер*;

2) виды машин:

а) по их техническим характеристикам: *коробка/коробочка/автомат/томат, ручка, механика, МКПП, АКПП*;

б) по их функции: *такси, бронемашины*;

3) характеризующие номинации машин: *ржавчик, паровоз, тазик, машинка, зверь*.

Поскольку именно детали машин чаще всего становятся предметом обсуждения на форумах автомобилистов, то в данном поле выделяется группа имен существительных, называющих автодетали, и в её составе две подгруппы: (а) подгруппа номинаций автодеталей вообще, например, *комплектация, фары*, и (б) подгруппа номинаций конкретных деталей автомобилей.

Так как в анализируемых текстах важную роль играют имена прилагательные, конкретизирующие описание того или иного объекта или его деталей по разным параметрам, то они были объединены в 6 групп по общему семантическому признаку:

1) по качеству общего характера: *хороший, удобный, надёжный, обычный, норм (нормальный), простой, гнилой*;

2) по мощности: *усиленный, сверхмощный, слабенький, дедушкин (=слабый, старый, не мощный)*;

3) по размеру: *большой, маленький*;

4) по производимому внешнему впечатле-

нию: *презентабельный, убогий*;

5) по цене: *дорогой*;

6) по специальной характеристике: *штатный, встроенный, установленный; правый; тонированный*.

В анализируемых текстах об автомобилях заметную роль играют глаголы, которые были разделены нами на 3 группы:

1) действия, совершаемые автомобилем, например, *ехать, разъезжаться, тормозить, пищать, обсигналить, определять, видеть* (= *распознавать*), *понимать* (= *распознавать*), *ждать* (= *затрачивать какое-то время на исполнение функции*), *подумать* (= *затрачивать какое-то время на исполнение функции*), *кушать* (= *расходовать бензин*), *жрать* (= *расходовать бензин*);

2) состояния, в котором находится автомобиль: например, *смотреться (как?)*, *заработать*, *умереть* (= *перестать работать*), *развалиться*;

3) действия, совершаемые человеком по отношению к автомобилю: *ехать, проездить, кататься, гонять, испытывать, остановить, купить, брать* (= *покупать*), *менять, всандаить* (= *установить*), *сделать* (= *починить*).

Проанализированные 40 текстов русской повседневной интернет-коммуникации на технические темы показывают, что в них наряду с технической терминологией употребляется большое количество номинаций, представляющих собой неологизмы: сокращения – *кондёр/кондей* (= кондиционер), *операционка/ОС/ось* (= операционная система), слова-заменители с размытой семантикой (*железки, девайс, фича, бяка*), экспрессивно-оценочные номинации (*крузак, солик, аудюха*), что свидетельствует об активном формировании в настоящее время состава технического словаря как одного из пластов лексики повседневной русской речи.

Приведённые примеры демонстрируют, что в текстах технической тематики и проблематики русского повседневного общения в жанрах форума и блога наблюдается активное функционирование как стилистически нейтральных языковых единиц, так и стилистически маркированных – разговорных, жаргонных, просторечных, в том числе с эмоционально-оценочной окраской. Единицы

с различной функционально-стилистической и эмоционально-оценочной окраской, служащие для номинации одного и того же технического объекта, образуют синонимические ряды. Обусловленность выбора адресантом той или иной единицы из синонимического ряда позволит обнаружить коммуникативно-прагматический анализ.

3. Вербализация технической тематики в непринуждённой интернет-коммуникации: коммуникативно-прагматические особенности

Анализируя компоненты коммуникативной ситуации, получившие отражение в отобранных текстах, мы классифицировали участников общения по степени их **технической компетентности**, выделив три следующих типа: **профан** – неопытный пользователь с элементарно-бытовым уровнем представления о технике, **знаток** – уверенный пользователь, достаточно технически осведомлённый в силу немалого личного опыта, а также, возможно, в силу почерпнутой из специализированных источников информации, и **профессионал** – человек с экспертным уровнем технических знаний.

Анализ текстов по типу участников коммуникации показал, что в 10 текстах профессионалы общаются между собой, в 9 – профессионалы с профанами, в 7 – участвуют в обсуждении все три выделенных нами типа коммуникантов, в 3 – профессионалы общаются со знатоками, в 7 текстах знатоки ведут обсуждения между собой, в 2 – они коммуницируют с профанами, ещё в 2 текстах между собой общаются профаны. Таким образом, в абсолютном большинстве текстов (в 29 из 40) обнаруживается участие профессионалов, ещё в 19 из 40 наличие знатоков и лишь 2 текста построены без участия авторов, демонстрирующих солидную техническую компетентность. Такое положение дел, как показал наш анализ отобранных текстов, соотносится с целью интернет-общения на технические темы, которая чаще всего состоит в получении или сообщении новой информации, касающейся специализированного материала, следовательно, наиболее актуальным становится общение с коммуникантами, имеющими достаточно ясное представление о технике.

Фактор технической компетентности коммуниканта также оказывает основополагающее влияние на закономерности выбора конкретной единицы с определённой функционально-стилистической окраской из зафиксированных в наших текстах синонимических рядов. При этом в речи **профессионалов** преобладает терминология и специализированная техническая лексика, речь **профанов** тяготеет к разговорно-просторечным номинациям технических объектов, речь **знатоков** сочетает в себе особенности речи двух вышеназванных типов адресантов.

Выбор единицы определённой эмоционально-оценочной окраски из отмеченных синонимических рядов в наших текстах обуславливается **фактором отношения автора высказывания к предмету речи и/или к адресату**. Нейтральное отношение автора к предмету речи и/или к адресату порождает собственно информативные фрагменты текстов, где используются термины и другие типы технической эмоционально не окрашенной лексики. Среди форумов и блогов технической тематики преобладают именно тексты с **нейтральным оценочностью** (26 из 40), что объясняется большей заинтересованностью коммуникантов в получении или сообщении объективной и точной информации, чем в выражении эмоционального отношения. Однако всё же в 7 из 40 проанализированных нами текстов доминирует **позитивная тональность**, и в таком же количестве текстов – **негативная**.

Ярко выраженное позитивное, или ироническое, или негативное отношение автора формирует информативно-оценочные текстовые фрагменты и получает вербализацию через номинации, включающие в свою семантику эмоционально-оценочный компонент. Причём в текстах проявляется как отношение говорящего к сообщаемому, так и его **отношение к собеседнику**. Так, при общении с профанами профессионалы могут использовать несоответствующую ситуации терминологию, сокращения и уменьшительные суффиксы для выражения снисходительно-иронического и даже презрительно-пренебрежительного отношения к собеседнику: *«Вы можете понять, что это хобби не ваше, и будете изредка **нажи-***

мать на кнопочку в дни семейных торжеств или выезжая за город»; *«Джойстик подрулевой крутить, **буквочки** набирать!»;* *«2 раза левой кнопкой мыши по иконке «Диспетчер эффектов Realtek HD» возле **часиков**»*. Подобную свободу речевого поведения, направляемую желанием самопрезентации говорящего через демонстрацию своего превосходства в технической компетентности над адресатом, обуславливает анонимность общения в интернет-среде.

В передаче **отношения говорящего к тому, о чём он говорит**, активную роль играют **словообразовательные** компоненты слов: использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах типа *машинка, пылесосик* свидетельствует о положительном отношении говорящего к называемым предметам, в других случаях посредством суффиксации (*жигуленок, аудюха*) или усечения (*кондер*) образуется лексическая единица, тяготеющая к разговорно-просторечному стилю, что должно указывать на фамильярное или пренебрежительное отношение говорящего к данному предмету, что одновременно выступает и элементом самопрезентации автора, демонстрацией адресатам уровня освоенности говорящим мира техники.

В проанализированных текстах категории оценочности и эмотивности реализуются в первую очередь через выбор конкретной единицы из ряда контекстных синонимов и характеризующих предмет прилагательных, ср. высказывания об автомобилях: *«Смотрели разные **автомобили, Мерседес, Лексус, Тойота**»* – нейтральное отношение выражено в выборе стилистически нейтрального слова; *«В район **полтинника** нашлись только **заниженные гнилые пацанские тазики**»* – негативное отношение передано выбором лексических единиц с уничижительной оценкой; *«Что с моей **старушкой?**»* – позитивное (сочувственное) отношение отражено в одушевлении технического устройства вместе с использованием номинации с уменьшительно-ласкательным суффиксом.

Усилению выражения отношения говорящего к обсуждаемому предмету и связанной с ним проблеме нередко способствует использование эмоционально-оценочной метафоры: *«Я часто слышу **негодование**, что, мол, такую «**дуру**» я та-*

скать не хочу», «А если взять просто полупроводниковый **«кирпич»**, то вряд ли столь слабые давления будут давать что-то заметное».

В наших текстах среди используемых выразительных средств для номинации технических объектов заметную роль играет концептуальная метафора, что требует когнитивного анализа.

4. Вербализация технической тематики в непринуждённой интернет-коммуникации: когнитивные особенности

Анализируя отношения современного человека к технике, психологи отмечают, что по мере того, как у технических устройств возрастает количество интеллектуальных функций, ранее выполнявшихся людьми, общество приходит к восприятию техники как «умной» и подобной человеку. Вследствие этого возникает перенос модели отношений между людьми на отношение человека к технике [Обознов, Акимова 2015: 21]. Иными словами, при осмыслении и вербализации собственных представлений и мнений о технике современный человек опирается на метафоры, олицетворяющие технические устройства.

Анализ наших текстов демонстрирует, что техника в представлении современного человека имеет сходные с человеческими «органы», что передаётся через использование существительных, обозначающих части тела человека, для номинации деталей механизма: «*Обратка в пене. Там всю **спину** придется расковырять*», «*от авто стоит в **мозге** управления двигателя ну типа вакуумный рег опережения*»; функционирование девайса и возникновение у него неисправностей стабильно описываются через слова, связанные с физиологией человека: «*Пока разговаривался, этот паровоз весь бак **сожрал?***»; «*Доброго дня, имеется тв **samsung** ти 5500, ему 1,5 года. **Плохело** ему, фото прилагаю*», «*Долго ли коротко ли, но через всего лишь **СЕМЬ** дней, интернет был **реанимирован***», «*Если совсем всё плохо с восстановлением, поспрашивайте **живой***», «*Да еще длину уменьшил, итог – компрессор **труп***», «*умерли 2 катушки зажигания*»; техническому устройству регулярно приписывается национальность на основе страны-производителя: «*если ещё не купили,*

*то и не вздумайте, возьмите какого-нибудь **японца***»; техника может получать возрастную характеристику через использование номинаций человека по возрасту: «*Что с моей **старушкой?***» (об автомобиле); за техникой даже признаётся активная позиция по отношению к пользователю: «*техника просто **отказывалась дружить...***». В этой связи интересно отметить замену имен названий фирм и технических продуктов созвучными русскими личными именами: *Сони – Сонька, Андроид – Андрюша*, а также придумывание девайсам кличек («*Запрограммировали **Жужу** на 9 утра, каждое утро и жужжит он в наше отсутствие*» (о пылесосе-автомате). Одушевленные технические устройства нередко описываются как домашние питомцы: «*У знакомой в Мск есть такой **зверь**, она на него не нарадуется*» (об автомобиле), «*знакомые жаловались, что это «**домашнее животное**» размотало ковер и зажевало провода*» (о пылесосе-автомате).

Небезынтересно отметить, что французский социолог и философ Бруно Латур в своей акторно-сетевой теории наделяет все сущности активностью, вещи статусом субъекта в совместной деятельности с человеком [Латур 2017: 187]. Проанализированные нами тексты ясно демонстрируют, что современный человек в выборе номинаций технических устройств отражает свой партнёрский подход к технике.

5. Заключение

Тексты интернет-среды как репрезентация сферы повседневной коммуникации и в частности тексты форумов и блогов как их жанровые разновидности имеют свои особенности (полуподготовленность, сочетание книжности и разговорности, направленность на информативность), влияющие на функционирование языка пользователей: участники интернет-общения на технические темы мотивированы на использование терминов и жаргона в качестве общего кода коммуникации, придерживаются норм разговорности в соответствии с установкой на непринуждённое общение, используют речевые стратегии и тактики, способствующие самопрезентации и демонстрации своих знаний.

Проанализированные тексты подтверждают

наблюдения исследователей о том, что интернет-общение активизирует внимание пользователей к используемым языковым единицам, и виртуальные личности становятся творцами новых средств выразительности, они создают не только виртуальное пространство само по себе, но и тот язык, на базе которого оно функционирует [Виноградова 2004: 65-66].

Особого внимания заслуживает вывод о том, что повседневное общение на технические темы демонстрирует, что современный человек «сживает» с миром техники, привыкает воспринимать девайсы как партнёров в их совместной деятельности, и этот культурный сдвиг получает яркую выраженность в языке через концептуальную метафоризацию, приписывающую техническим устройствам человеческие свойства и олицетворяющую мир техники.

Все указанные факторы оказывают влияние на активно протекающий в современном русском языке процесс формирования пласта стилистически вариативной технической лексики как языкового арсенала повседневного общения на технические темы.

Литература

1. Виноградов С. И. Русский язык эпохи НТР: споры, мнения, оценки // Русская речь. 1986. № 1. С. 11-20.
2. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект / Под ред. Н. А. Андрамоновой. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2004. С. 63-67.
3. Калашникова А. А. Блог как гибридный речевой жанр // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3 (63). С. 172-176.
4. Колокольцева Т. Н. Разговорная речь и разговорный стиль интернет-эпохи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 102-108.
5. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1 (116). С. 173-200.
6. Обознов А. А., Акимова А. Ю. Доверие человека к технике // Биотехносфера. 2015. № 1(37). С. 21-25.
7. Патрушева Л. С. Функционально-стилистические особенности форума как жанра интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. № 4. С. 128-134.

References

1. Vinogradov S. I. (1986) Russkii iazyk epokhi NTR: spory, mneniia, otsenki [Russian language of the era of the scientific and technological revolution: disputes, opinions, assessments]. *Russkaia rech'* [Russian speech], no. 1, pp. 11-20. (in Russian)
2. Vinogradova T. Iu. (2004) Spetsifika obshcheniia v Internete [Specifics of communication on the Internet]. In: Andramonova N. A., ed. *Russkaia i sopostavitel'naia filologiya: lingvokulturologicheskii aspekt* [Russian and foreign Philology: linguoculturological aspect]. Kazan', pp. 63-67. (in Russian)
3. Kalashnikova A. A. (2010) Blog kak gibridnyi rechevoi zhanr [Blog as a hybrid speech genre]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus], no. (63), pp. 172-176. (in Russian)
4. Kolokol'tseva T. N. (2016) Razgovornaia rech' i razgovornyi stil' internet-epokhi [Colloquial speech and conversational style of the Internet age]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd state pedagogical University], no. 8 (112), pp. 102-108. (in Russian)
5. Latur B. (2017) Ob aktorno-setevoi teorii. Nekotorye raz'iasneniia, dopolnennye eshche bol'shimi uslozhneniiami [On actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even more complications]. *Logos* [Logo], vol. 27, no. 1 (116), pp. 173-200. (in Russian)
6. Oboznov A. A., Akimova A. Iu. (2015) Doverie cheloveka k tekhnike [The individual's trust in technology]. *Biotehnosfera* [Biotechnosphere], no. 1(37), pp. 21-25. (in Russian)
7. Patrusheva L. S. (2013) Funktsional'no-stilisticheskie osobennosti foruma kak zhanra internet-kommunikatsii [Functional and stylistic features of the forum as a genre of Internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriiia «Istoriia i filologiya»* [Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"], № 4, pp. 128-134. (in Russian)

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

MILOUD MOHAMED RACHID

THE ROLE OF BORROWINGS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN TERMINOLOGY IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

В статье рассматривается роль языковых контактов и терминологическое заимствование в развитии отраслевой терминологии. В качестве исследовательской задачи автором ставится осуществление классификации русских терминологических единиц в области нефтегазовой промышленности, проведённое с учётом их происхождения. В работе принято широкое понимание заимствований с включением в их состав как прямых заимствований, так и вошедших на основе калькирования и семантического копирования иноязычного материала. Доказывается, что нефтегазовые термины связаны, прежде всего, с активизацией лексических заимствований, что определяется непосредственной обращённостью терминов к внеязыковой действительности.

Ключевые слова: термин, терминология, заимствование, калькирование, экзотизмы, нефтегазовая терминология.

The article examines the role of linguistic contacts and terminological borrowing in the development of industry terminology. As a research task, the author sets out the implementation of the classification of Russian terminological units in the oil and gas industry, carried out taking into account their origin. The work adopted a broad understanding of borrowings with the inclusion in their composition of both direct borrowings and those included on the basis of tracing and semantic copying of foreign language material. It is proved that oil and gas terms are associated, first of all, with the activation of lexical borrowings, which is determined by the direct appeal of the terms to extralinguistic reality.

Key words: term, terminology, borrowing, calculating, exoticism, oil and gas terminology.

Мохамед Рашид Милуд

Доктор филологических наук, доцент
► medrachid.miloud@univ-alger2.dz

Университет Алжира 2
Абу Эль Касем Саад Аллах
Ул. Джамел Эддин Эль Афгани Бузарeah
г. Алжир – Алжир

Miloud Mohamed Rachid
Algiers University 2
named after Abu Elkassem Saad Allah
Rue Djamel Eddine El Afghrani Bouzaréah
Alger – Algeria

Терминоведение изучает вопросы, касающиеся одной из важных подсистем литературного языка, которая в специальной литературе называется по-разному: научно-технический язык, научный стиль, язык науки, профессиональный язык, профессионально-технический стиль, технический язык, и т.д. В настоящее время языковеды используют термин «язык для специальных целей» (в сокращённом виде ЯСЦ).

Не вызывает сомнения тот факт, что все языки переживают изменения, которые стимулирует общество, СМИ, наука и другие факторы, в частности новые технологии в промышленности. При этом с незапамятных времён языки взаимодействуют между собой.

Часто в языке для специальных целей используется «отраслевая терминология». Согласно мнению В.П. Даниленко, «термины отраслевых терминологий, подобно словам тематических (или лексико-семантических) групп в общелитературном языке, объединены не по языковому, а по внеш-

нему для языка признаку. Их связывает единство, близость тех реалий, понятий, наименованиями которых они являются» [Даниленко 1977: 52].

Отраслевая терминология — это тематико-понятийная область, где осуществляется общение людей на профессиональном уровне. «Каждая отраслевая терминология содержательно и функционально характеризуется своей прикреплённостью к узкой сфере общения специалистов данной области науки или практики. Только им доступно истинное и глубокое понимание значения каждого термина, только специалисты предельно точно употребляют термины» [Там же: 53].

Выбор отраслевой терминологии нефтегазовой промышленности в данном исследовании обусловлен тем, что «нефтегазовая промышленность — крупнейшая отрасль в Алжире. Вложение в эту отрасль инвестиций крупнейшими энергетическими компаниями мира, в частности российскими, которые активно расширяют свою деятельность на территории Алжира в области разведки, добычи и транспортировки нефти и газа, оказывает воздействие не только на экономический рост страны, но и на возрастающий интерес к изучению русского языка в процессе обмена опытом и информацией по нефтегазовой промышленности в рамках сотрудничества между Алжиром и Россией» [Милуд 2015: 7].

Автором данной статьи был подготовлен словарь терминов нефтегазовой промышленности, который впервые в объёме тематического словаря включает наиболее употребительные термины-понятия нефтегазовой промышленности. Примеры для исследования были отобраны из русско-французского словаря терминов нефтегазовой промышленности [Милуд 2014], который доступен по свободной лицензии Creative Commons (CC BY-NC-SA 4.0).

При работе над словарём был использован широкий круг разноязычных источников: специальная техническая литература, энциклопедические и отраслевые словари, учебные пособия, документы (по процедуре строительства газопроводов, нефтепроводов, бурения скважин, добыче нефти), тендерная документация, регламенты, международные стандарты по нефтегазовой промышленности, а также личный опыт профессио-

нальной деятельности в среде представителей компаний в офисах и на нефтяных и газовых месторождениях.

Большинство исследователей русского языка считают, что его терминологический словарный состав по своему происхождению содержит:

1) Собственно русские слова и их элементы: к терминам русского происхождения относятся лексические единицы, возникшие в праславянском, древнерусском и собственно русском языках, и слова, и словосочетания, образованные посредством различных способов словообразования. Такие термины являются обычно связанными с обществом, человеком, природой и т. п. (например, *земля, растение, трава, вода, дерево, животное* и др.) [Даниленко 1977; Виноградов 1977; Гринёв-Гриневиц 2008].

Приведём несколько примеров исконно русских терминов в области нефтегазовой промышленности: *нагнетание (в скважину), глина (песчанистая), пригруз (бетонный), земли (подтопляемые), палец (штропа вертлюга), вода (очищенная), прибор (ограничения сигналов), скважина (колонкового бурения), фланец (анкерный), долото (для забуривания), стержень (жёсткости), барабан (лебёдки), молот (гидравлический), добыча (в баррелях)* [Милуд 2014].

2) Заимствования — это слова, морфемы, звуки, значения, перемещённые из одного языка в другой [Даниленко 1977; Гринёв-Гриневиц 2008; Суперанская 2005]. «Одним из важнейших результатов взаимодействия языков является заимствование, т.е. единицы, заимствованные русским языком из иностранных языков. Заимствованные слова в общем — это слова, перенесённые одним языком в другой в результате языковых контактов» [Милуд 2018: 175].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой даётся определение заимствования как «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов» [Ахманова 1966: 146–147].

Приведём несколько примеров заимствованных терминов в области нефтегазовой промышлен-

ности: из арабского через немецкий язык: *تلك* → *talk* → *талък*; из французского: *fonds* → *фонд* (действующих скважин), *reservoir* → *резервуар* (бурового раствора), *jupe* → *юбка* (поршня), *charnière* → *шарнир* (складки), *balancier* → *балансир* (станка-качалки), *bandage* → *бандаж*, *séparateur* → *сепаратор*, *rang* → *ранг*, *tampon* → *тампон*, *étalon* → *эталон*; из английского: *racker* → *накер*, *millidarcy* → *миллидарси*, *cracking* → *крекинг*, *infiltration* → *инфильтрация*, *millipoise* → *миллипуаз*, *fitting* → *фитинг*, *selector* → *селектор*, *timer* → *таймер*, *reforming* → *риформинг*, через французский: *waggon* → *wagon* → *вагон* (*wagon-citerne* → *вагон-цистерна*); из латинского: *potentia* + *metron* *μέτρων* (др. греч) → *потенциометр*, *figura* → *фигура* (выпукло-вогнутая), *evacuatio* → *эвакуация*, *intervallum* → *интервал* (бурения), через немецкий: *factor* → *faktor* → *фактор* (водоцементный), *parum* + *affinus* → *paraffin* → *парафин*, через английский: *inhibere* → *inhibitor* → *ингибитор*, через французский: *injecio* → *injecteur* → *инжектор*, *aureola* → *auréole* → *ореол* (над нефтяными залежами); из греческого: *tektonike* → *тектоника*, *echos* → *эхо*; из немецкого: *klappe* → *клапан*, *teller* → *тарелка* (колонны), *krahn* → *кран*; из итальянского: *passo porto* (*tecnico*) → *паспорт* (технический), *firma* → *фирма*, *paraclase* → *параклаз*; из голландского: *flot* → *флот* и т. д. [Милуд 2014].

Очевидно, что взаимный обмен словами происходит в языковых контактах, т.е. во взаимодействии двух или более языков. В этой связи В. Н. Немченко отмечает «заимствование иноязычных слов характерно для всех языков мира, что связано с постоянно расширяющимися контактами между странами и народами» [Немченко 2008: 572].

Н. С. Валгина считает, что «русский язык всегда был открыт для заимствований, в его лексике большой процент составляют иноязычные слова разного происхождения. Многие из них настолько прижились в русском языке, ассимилировались им, подчинившись русской грамматике (приняли формы словоизменения и создали словообразовательные гнезда), что воспринимаются как вполне русские (*свекла, кровать, деньги*). В разные эпохи приходили к нам разные «чужие» слова. Заимствования были требованием жизни» [Валгина 2003: 108].

Слова заимствуются как устным, так и письменным путём. В большинстве случаев заимст-

ние в терминологии происходит именно письменным путём с помощью публикаций научно-технической информации. Обычно в другой язык переходит как слово, так и понятие, которое оно выражает, например, термин *спектрография* (*масс-спектрография*) от английского *spectrography*, термин *доломит* от французского *dolomite*, термин *коридор* (*трубопроводов*) от немецкого *Korridor* [Милуд 2014].

Заимствования играют особенно существенную роль в период формирования терминологии отрасли знания. По словам Л. Л. Кутиной, «за иностранными элементами стояла подчас более строгая научная организация понятий, регулярность их отношений и противопоставлений, отражающая отношения в системе понятий. С иноязычными словами зачастую приходили на русскую почву не столько понятия, сколько новый принцип их структурной организации» [Кутина 1964, С. 199].

Формирование научной терминологии происходит в определённые периоды развития литературного языка и вследствие появления новых реалий, понятий, законов, явлений и общественных процессов.

Существуют внеязыковые и языковые факторы заимствования. Внеязыковыми факторами являются причины социально-исторического характера — разносторонние связи между народами, т.е. политические, культурные и конечно же торгово-экономические, в том числе и в нефтегазовой промышленности, т.к. нефтегазовая терминология как система развивается в результате деятельности человека и формируется одновременно с экономикой. Е. Ш. Думитру утверждает, что «бурное развитие современной нефтяной промышленности в России и за рубежом, торгово-промышленные связи со многими странами способствуют тому, что в составе русской терминологии нефтедобычи имеется значительный арсенал иноязычной и интернациональной специальной лексики» [Думитру 2009: 46].

В современной научной литературе лингвисты выделяют три основных типа заимствованных слов: варваризмы, экзотизмы и калькирование.

Варваризмы — это иноязычные слова, словосочетания или аббревиатуры, сохранившие все свойства языка-оригинала. Они используются

в художественной и публицистической литературе в качестве средства передачи местного колорита. Интересно отметить, что большинство международных научно-технических, юридических, политических и философских латинских терминов являются варваризмами, например, нефтегазовые термины: *мульда* из немецкого *mulde*, *агломерат* из латинского *agglomerato*, *габарит* из французского *gabarit*, *габбро* из итальянского *gabbro*, *диаграмма* из греческого *dia* + *grapho*, *мастер* (по добыче) из английского *master*;

Экзотизмы — это заимствованные слова, «в значении которых выражаются отличительные черты общественной жизни, быта и нравов того или иного народа, в том числе названия национальных учреждений и организаций, денежных единиц, видов одежды, блюд, должностей и званий, танцев, иностранных инструментов, селений, жилищ и т. п. Такие слова используются в научной, публицистической и художественной литературе при описании жизни того или иного народа» [Милуд 2018: 176].

Анализ словаря показал наличие одного термина-экзотизма *башмак* (*насосно-компрессорных труб, обсадной колонны, с обратным клапаном*) (от тат. *basmaq*). Данное слово обозначает в общелитературном языке род обыкновенной татарской женской обуви [Электронный ресурс: Goldendict Gnu-Linux Убунту версия электронный словарь].

Калькирование играет важную роль в образовании терминологических единиц русского языка. В.И. Кодухов считает, что «калька — слово или выражение, построенное по образцу слова или выражения другого языка, например, *насекомое* (ср. лат. *insecturn*), *небоскреб* (ср. англ. *sky-scraper*), *вольнодумец* (ср. фр. *libre penseur*)» [Кодухов 1987: 195].

С. В. Гринёв-Гриневиц подчёркивает, что при калькировании «заимствуется не материальная форма лексической единицы, а только её структура или значение, например, русское слово *водород* образовано по латинской модели *hydrogen*» [Гринёв-Гриневиц 2008: 155].

Несмотря на тот факт, что лингвисты определяют кальку как «слово или выражение, созданное по иноязычному образцу, но из исконных языковых элементов и представляющее собой *скрытое заимствование*, воспроизводящее внутреннюю структуру иноязычного оригинала»

[Гринёв-Гриневиц 2008: 175], мы рассматриваем калькирование в данной статье как отдельный лексический приём.

Накопленный нами опыт в области нефтегазовой промышленности позволяет выделить несколько групп нефтегазовых терминов с точки зрения происхождения.

1) Заимствованные термины из разных языков, которые составляют большую часть нефтегазовых терминов, например, из французского языка были заимствованы такие термины как *каптаж*, *дренаж*, *каркас*, *пик*, *фильтр* и др.; из немецкого *керна*, *штуцер*, *клинкер*, *анкер* и др.; из латинского *репрессия*, *редуктор*, *оператор* и др.; из греческого *азрация*, *цилиндр*, *анод*, *катион*, *озокерит* и др. и других языков. Немаловажно отметить, что большей частотностью в нефтегазовой промышленности обладают термины англоязычного происхождения. Данные термины в большинстве случаев являются именами существительными, доминируя над другими частями речи, например, *альтитуда*, *инфильтрация*, *превентер*, *фитинг* и др.

Причины появления заимствованных слов в терминологии, по мнению В.П. Даниленко, «заключены... в синхронном зарождении одних и тех же научных направлений в разных странах, в усиливающихся контактах учёных разных стран, в совместной разработке конкретных научных проблем, что требует и сближения (одинаковости) соответствующих терминологий» [Даниленко 1977: 31].

К причинам заимствования в нефтегазовой терминологии можно отнести стремление к модному, более престижному термину, например, *инсталляция* (англ. *installation*) вместо исконно русского термина *установка*, *инжекция* (франц. *injection*) вместо *нагнетание*, *дегидратация* (англ. *dehydration*) вместо *обезвоживание*. В некоторых ситуациях иноязычный термин помогает скрыть прямой смысл понятия: термин *инжиниринг* (англ. *engineering*) вместо *инженерно-консультационные услуги*, *дренаж* (франц. *drainage*) вместо *водоотвод*.

К числу преимуществ слов иноязычного происхождения исследователи относят изолированность иноязычных слов от системы принимающего языка. По словам Е.Ш. Думитру, «слово родного языка ещё должно стать термином, слово иноязыч-

ное часто — готовый термин» [Думитру 2009: 46].

При работе со словарём мы обнаружили, что французский язык тоже заимствовал ряд русских терминов нефтегазовой промышленности, например, *барабан (barabane)*, *бочка (bochka)*, *мазут (mazout)*, *сталь (stal)*.

При анализе нашего словаря терминов нефтегазовой промышленности объёмом в 18077 терминов было обнаружено, что заимствованными терминами являются 7822 лексемы. Данное количество составляет 43.27 % от всего массива нефтегазовых терминов.

2) Термины-эпонимы. Мы рассматриваем передачу иноязычных имен собственных как особый вид заимствования [см. Новинская 2005: 147]., поскольку они достаточно распространены в терминологии нефтегазовой промышленности, называя процессы, устройства, приборы и т.д. по имени учёных, сделавших научное открытие, например, *шкала Реомюра*, *эффект Жамена*, *вискозиметр Скотта*, *число Авогадро*, *замок Цицмана*, *шток Гарбута*, *эффект Зеемана*, *вискозиметр Фабера*, *метод Дэнна* и т.д. Следует отметить, что большинство терминов-эпонимов в области нефтегазовой промышленности имеют форму имя существительное + имя собственное. В ходе анализа были найдены 147 терминов-эпонимов (около 0.81% анализируемых терминов).

3) Гибридные термины, которые состоят, как правило, из иноязычных морфем (корневые или аффиксальные морфемы) вместе с собственно русскими морфемами. Примеры заимствованных морфем: *гидр-о-*, *вибр-о-*, *газ-о-*, *кern-о-*, *терм-о-*, *электр-о-*, *турбо-*, *-аж*, *-ор* и др.

Эти термины широко представлены именами существительными, например, *гидромонитор*, *вибробурение*, *газотурбокомпрессор*, *термоизоляция*, *турбонасос*, *электрогенератор*, *гидроциклон*, *кernо-держатель*, *газонефтеносность*, *виброграф*, *турбобур* и др.

Анализ нефтегазовых терминов, используемых в специальном словаре М.Р. Милуда показал, что общее количество гибридных терминов составляет 1274 специальные лексические единицы (7.04 % от общего количества).

Использование греко-латинских корней является одним из самых продуктивных способов обра-

зования терминов в области нефтегазовой промышленности [Гринёв-Гриневиц 2008: 162]. Наиболее частотными латинскими морфемами, с помощью которых пополняется терминология нефтегазовой промышленности, являются следующие: де- *дезагрегация*, *деэмульгируемость*, *дебитуминизация*, *дедоломитизация*; им- *иммиграция (нефти)*, *иммобилизация*; интер- *интерполяция*; ре- *реагент*, *реконструкция*, *регенерация*; суб- *сублимация*, *субподряд*, *субстанция*; супер- *суперфильтр*; транс- *трансмиссия*, *трансформирование*; ультра- *ультрацентрифуга*, *ультрамилонит*, *ультразвук*. Греческие префиксы представлены следующими элементами: анти- *антикатализатор*, *антивоспламенитель*; диа- *диамагнитность*, *диаморфизм*, *диафрагма*; пара- *парацикличность*, *парафинирование*; эндо- *эндогенность (породы)*, *эндоморфность*.

При анализе словаря было выявлено, что большей частотностью обладают термины, образованные с помощью префикса *дис-*;

4) Калькированные и полукалькированные термины, которые являются терминами, построенными по образцу иностранных терминов по мере появления новых понятий, внедрения новых технологических процессов и оборудования и овладения новыми технологическими процессами. Например, *бетономешалка*, *лёгкая нефть*, *предохранение*, *сверхвысокое давление*, *капиллярная миграция*, *светлый нефтепродукт*, *передняя грань лопасти*, *попутный газ*.

Следует отметить, что вместе с калькированием, смешанное заимствование считается одним из способов образования терминологических единиц русского языка. Исследователи выделяют две разновидности такого заимствования: гибридное заимствование и полузаимствование [Гринёв-Гриневиц 2008: 155]. В качестве примеров полукальки в русской нефтегазовой терминологии приведём термины: *двухвалентный (англ. bivalent)*, *телеуправления (англ. telecontrol)*, *телеизмерение (франц. télémessure)*.

Общий объём калькированных и полукалькированных терминов составил 296 нефтегазовых лексических единиц, что составляет 1,63 % от общего числа нефтегазовых терминов.

Таким образом, большую часть терминов нефтегазовой промышленности составляют за-

имствованные лексические единицы из разных языков, при доминировании терминов из английского языка. Основываясь на приводимых нами данных, можно утверждать, что заимствование в сфере терминологии — продуктивный способ пополнения словарного состава русского языка в этой области, что способствует интернационализации языков науки.

Данная статья была подготовлена с использованием свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 598 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 162–189.
4. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие/ С. В. Гринёв-Гриневиц. — М.: Академия, 2008. — 303 с.
5. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. — М.: Наука, 1977. — 246 с.
6. Думитру Е. Ш. Структурно-семантический анализ русской терминологии нефтедобычи. Дис. канд. филол. наук. — М., 2009. — 156 с.
7. Кодухов В. И. Введение в языкознание. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1987. — 288 с.
8. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). — М.; Л.: Наука, 1964. — 218 с.
9. Милуд М. Р. Русско-Французский словарь терминов нефтегазовой промышленности. — Париж.: Изд-во Publibook, 2014. — 784 с. URL: <http://www.publibook.com/dictionnaire-russe-francais-des-termes-du-petrole-et-du-gaz.html> (время обращения — 26.07.2019).
10. Милуд М. Р. Структурно-семантический анализ лексики нефтегазовой промышленности. — Саарбрюккен, Германия.: Издательство Lap Lambert Academic Publishing, 2015. — 141 с.
11. Милуд М. Р. Полиаспектный лингвистический анализ рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника». Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». — 2018. — вып. 2 (38). — С. 173–180.
12. Немченко В. Н. Введение в языкознание. — М.: Дрофа, 2008. — 704 с.
13. Новинская Н. В. Классификация эпонимических названий по семантическому признаку. Семантические поля // Вестник АГТУ. 2005. вып. 5 (28). С. 147–154.
14. Откупицкиев Ю. В. К истокам слова. — М., 1973. — 250 с.
15. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология, терминологическая деятельность. Изд. 2-е,

стер. — М.: Едиториал УРСС. 2005. — 288 с.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow. (in Russian).
2. Valgina N.S. (2003) *Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. [Active processes in the modern Russian language: Manual for University students]*. Moscow. (in Russian).
3. Vinogradov V.V. (1977) *Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slova [The main types of lexical meanings of the word]*. *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija. [Selected works. Lexicology and lexicography]*. Moscow. pp. 162–189. (in Russian).
4. Grinev-Grinevich S.V. (2008) *Terminovedenie: ucheb. Posobie [Terminology: manual]*. Moscow. (in Russian).
5. Danilenko V.P. (1977) *Russkaia terminologija: Opyt lingvisticheskogo opisaniia [Russian terminology: experience of linguistic description]*. Moscow. (in Russian).
6. Dumitru E.Sh. (2009) *Strukturno-semanticheskii analiz russkoi terminologii nefte dobychi [Structural and semantic analysis of Russian oil production terminology]*. (Candidate's thesis, Philology). Pushkin Institute of Russian language. Moscow. (in Russian).
7. Kodukhov V.I. (2009) *Vvedenie v iazykoznanie [Introduction to linguistics]*. Moscow. (in Russian).
8. Kutina L.L. (1964) *Formirovanie jazyka russkoj nauki: (terminologija matematiki, astronomii, geografii v pervoj treti XVIII veka) [Formation of the language of Russian science: (terminology of mathematics, astronomy, geography in the first third of the 18th century)]*. Moscow. (in Russian).
9. Miloud M.R. (2014) *Russko-Frantsuzskii slovar' terminov neftegazovoi promyshlennosti [Russian-French dictionary of oil and gas industry terms]*. Paris. (in Russian & French).
10. Miloud M.R. (2015) *Strukturno-semanticheskii analiz leksiki neftegazovoi promyshlennosti [Structural and semantic analysis of vocabulary of oil and gas industry]*. Saarbrücken. (in Russian).
11. Miloud M.R. (2018) *Poliaspektnyi lingvisticheskii analiz rasskaza A. P. Chekhova «Smert' chinovnika» [Polyaspect linguistic analysis of the short story «Death of a Government Clerk»]*. *Nauchnyi zhurnal «Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia» [Scientific journal «Modern Linguistic & Methodical-and-didactic Researches»]*. Voronezh. no. 2. pp. 173–180. (in Russian & English).
12. Nemchenko V. N. (2008) *Vvedenie v jazykoznanie [Introduction to linguistics]*. Moscow. (in Russian).
13. Novinskaja N.V. (2005) *Klassifikacija jeponimicheskikh nazvanij po semanticheskomu priznaku. Semanticheskie polja [Classification of eponymic names by semantic basis. Semantic fields]*. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Scientific journal of Astrakhan State Technical University]*. Astrakhan. no. 5 (28). pp. 147–154. (in Russian).
14. Otkupshchikov Iu. V. (1973) *K istokam slova [To the origins of the word]*. Moscow. (in Russian).
15. Superanskaja A.V., Podol'skaia N.V., Vasil'eva N.V. (2005) *Obshchaia terminologija, terminologičeskaja deiatel'nost' [General terminology, terminological activity]*. Moscow. (in Russian).

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ КАК БАЗОВОЕ ПОНЯТИЕ СТИЛИСТИКИ

VICTORIA A. MARYANCHIK
STYLISTIC EFFECT AS A BASIC CONCEPT OF STYLISTICS

В статье анализируется стилистический эффект, определяемый как когнитивная и эмоциональная реакция адресата на форму текста, на его экспрессивную окраску и функциональное значение, т.е. как результат рецептивной речевой деятельности человека и как стилистическая категория. Описывается метод рефлексивных опор как способ определения стилистических эффектов. Предлагается типология стилистических эффектов, построенная по принципу оппозиций.

Ключевые слова: стилистическая категория, стилистический эффект, интерпретация, форма текста.

The stylistic effect is analyzed as the cognitive and emotional recipient's response to the form of the text, expressive color and functional meaning, i.e. as a result of the receptive speech activity of a person and as a stylistic category. The method of reflexive supports is described as a way to determine stylistic effects. The author creates a typology of stylistic effects based on the principle of oppositions.

Keywords: stylistic category, stylistic concept, stylistic effect, interpretation, text form.

**Виктория Анатольевна
Марьянчик**

Доктор филологических наук,
доцент, профессор

► v.marjanchik@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
163002, Россия, г. Архангельск, набережная
Северной Двины, д. 17

Victoria A. Maryanchik

Northern (Arctic) Federal University named
after M. V. Lomonosov

163002, Russia, Arkhangelsk,
embankment Severnaya Dvina, 17

Взгляд на стилистику как на науку о речевых впечатлениях последовательно развивается в динамике от классических толкований до современных определений частных направлений в этой области. См., например, о дискомфортной стилистике как разделе, ориентированном «на идентификацию языковых явлений, вызывающих информационные сбои при восприятии текста реципиентом» [Сорокин 2003: 142]. Попытки определить тот или иной раздел стилистики в логике «от стилистического задания» или «от стилистического значения» в большинстве случаев демонстрируют необходимость расширения или уточнения дефиниции путем выхода на уровень стилистического эффекта. Посмотрим, как определение, соотносимое через отглагольное существительное *использование* со стилистическим заданием, то есть с адресантом, расширяется описанием стилистического эффекта доступности и убедительности, связанного с адресатом текста: «Под законодательной стилистикой понимается система приемов наиболее целесообразного использования языковых средств в нормативных документах... Главное,

что определяет стиль нормативных актов, состоит в том, чтобы обеспечить сочетание ... доступности и убедительности нормативных документов» [Гаско 2009: 33-34]. Таким образом, стилистический эффект как компонент структуры речевого акта, анализируемого в парадигме стилистических учений, мы рассматриваем как базовое понятие стилистики.

Обозначим актуальность научной проблемы:

1) в академических текстах понятие стилистического эффекта отходит на второй план, не рассматривается в ряду стилистических категорий и понятий;

2) в научных работах стилистический эффект обозначен как результат применения конкретных речевых приемов (см. о способах создания стилистического эффекта в [Колесникова 2020: 129-134], [Сигал 2020: 156-158]) и др.), но не становится самостоятельным предметом анализа;

3) для современных стилистических исследований не выработаны четкие ориентиры дефиниции термина «стилистический эффект»;

4) не определен статус стилистического эффекта в оппозициях «языковое – речевое – экстралингвистическое», «эмотивное – когнитивное».

Обратимся к академическому определению стилистического эффекта, которое дано в Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка: «...заложенное в высказывание и реализованное в нем с помощью специальных языковых средств *намерение автора речи (выделение наше – В. М.)* вызвать у адресата определенную эмоциональную реакцию на это высказывание» [Данилевская, 2003: 488]. Смысловой центр дефиниции соотносит категорию с автором высказывания, то есть со стилистическим заданием. Такое определение не сочетается с терминами-атрибутами, предлагаемыми Стилистическим энциклопедическим словарем русского языка в рамках типизации стилистического эффекта: «преднамеренный, ожидаемый» и «спонтанный, неподготовленный».

Иное толкование стилистического эффекта дано в Энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи»: «Впечатление, возникающее у адресата речи в результате восприятия того или иного риторического, в т.ч. – стилисти-

ческого приема» [Сковородников, Копнина 2007: 695]. При таком определении стилистический эффект мотивируется не высказыванием в целом, а конкретным риторическим приемом, который понимается как «способ построения высказывания, основанный на мотивированном целеустановкой говорящего/пишущего и условиями общения ... отклонении от нормы» [Сковородников, Копнина 2007: 598]. Однако стилистическое впечатление вызывают не только «языковые аномалии», отступления от нормы и т.п., но и тексты, которые прагматически ориентированы на узус и норму (законодательные, научные и другие жанры). Считаем, что стилистический эффект обусловлен не отклонением от нормы в результате использования риторического приема или стилистической конвергенции, а целостной формой высказывания.

Смысловой центр анализируемой дефиниции – слово *впечатление*, которое не имеет строгого значения в психологии или лингвистике и означает разные явления: это воздействие (*произвести впечатление*), след в эмоциях и сознании (*находиться под впечатлением*) и оценка такого воздействия – мнение (*поделиться впечатлением*). А.Н. Сковородников и Г.А. Копнина в словарной статье полемизируют с точкой зрения, согласно которой стилистический эффект есть нечто уникальное, принадлежащее только психике, обладающее исключительно эмоциональной природой и, как следствие, не являющееся предметом стилистики. Они считают, что *впечатление* поддается определенной типизации и может быть выявлено в результате контекстологического анализа. Мы придерживаемся такого же взгляда, аргументируя его возможностью стилистической рефлексии, формулировок оценок и мнений по поводу формы высказывания, создания метатекста, который может стать предметом лингвистического анализа с последующей типизацией исследуемого объекта.

Предлагаем следующее определение термина, актуализирующее его интегративную сущность: *стилистический эффект – это когнитивные и эмотивные реакции адресата на форму высказывания, его экспрессивную окраску и функциональное значение.*

Определим природу стилистического эффекта, акцентировав его лингвистическую составляющую. При стилистическом анализе высказывания необходимо разграничивать форму и содержание, понимая их тесную взаимную обусловленность для ряда речевых жанров. Так, художественные тексты реализуют эстетическую функцию, в том числе в результате создания языковых аномалий, нарушения лингвоэтологических норм и других стилистических приемов, что делает нецелесообразным и невозможным разделение содержания и формы. В иных текстах описываемые события, presuppositions и импликации могут вызвать когнитивные и/или эмотивные реакции (осуждение, согласие, возражение, возмущение, тревогу, радость и др.) вне зависимости от формы. Например, заголовок из СМИ: *Надвигается какая-то беда: три возможных сценария развития событий в России на ближайший месяц* (<https://newdaynews.ru/moscow/686436.html>). При восприятии заголовка реакции адресата будут вызваны содержанием, которое передано в основном лексико-семантическими средствами. Форма текста поддерживает эмотивный эффект неопределенным местоимением *какие-то*, но не играет решающей роли: перифраз, сохраняющий содержание, не изменит основного вектора интерпретации. В этом случае восприятие текста анализируется инструментами прагматики, которая изучает правила вывода адресатом прямых и косвенных смыслов с учетом контекста, ситуации, цели коммуникации и т. д.

В структуре стилистического эффекта языковая составляющая более весомая, несмотря на то, что его, наряду со стилистическим заданием, относят к экстралингвистическому плану высказывания. В ходе нашего исследования группе респондентов предлагалось собрать текстотек из высказываний, языковая (речевая) форма которых воспринималась как значимая для интерпретации. Собранные материалы показывают, что эмотивные и когнитивные реакции у адресата вызывает форма не только художественных, но и рекламных, публицистических, развлекательных текстов, текстов коммерческой коммуникации (меню, афиша и пр.), бытовых дискурсов.

Стилистический эффект может быть эксплицитным / вербализированным или имплицитным – осознаваемым, переживаемым. В том и другом случае он имеет субъективный характер, что доказывается рефлексивным экспериментом с любым текстом, в ходе которого респонденты должны заполнить рефлексивные опоры и дать свои комментарии. Приведем примеры рефлексивных опор, используемых нами в эксперименте: «*Форма, стиль текста вызвали (а) такие мысли, как...; (б) такие эмоции, как...*»; «*Когда я читаю этот текст, мне становится ... (смешно, грустно, некомфортно, неприятно, непонятно, другое) из-за слов / грамматических форм / композиции / речевых приемов*». Анализ результатов эксперимента позволяет сделать следующие выводы: 1) реакции на одну речевую форму значительно различаются, ср.: *почему такое* (оказиональный стилистический эффект), *грусть, сожаление* (эмоционально-оценочная рефлексия) и т.д.; в группе рефлексивов выделяются уникальные реакции; 2) большинство рефлексивов можно сгруппировать, выделив стилистические доминанты восприятия (например, комический эффект, адмиративный эффект и др.); базовое разграничение вербальных реакций – на когнитивные и эмотивные. Первый вывод подтверждает субъективность стилистического эффекта, которая обусловлена различным речевым опытом, системой ценностей и индивидуальным стилистическим картированием. Второй вывод предоставляет нам возможность создания классификации, типологии, основанной на лексико-семантических единицах выражения стилистического эффекта, и подтверждает наличие языковой составляющей у рассматриваемой категории.

В рамках статьи предложим открытую типологию стилистического эффекта, определяющую возможность пополнения «карты стилистических впечатлений».

Закрытые типологии, предлагаемые в работах по стилистике, более ориентированы на психологический аспект: состоявшийся – несостоявшийся, преднамеренный – спонтанный эффект. Однако нельзя исключать из такой классификации языкового фактора, поскольку по мере движения от гипосемантической к гиперсемантической вы-

сказывания [Карасик, 2002: 266-269] стилистическое задание становится более выраженным, следовательно, повышаются шансы его адекватного прочтения.

Открытая типология ориентирована на анализ состоявшегося эффекта, который эксплицируется, вербализируется. Данная типология предполагает обобщение рефлексивов, обладающих типовой семантической структурой и определенным репертуаром способов формального воплощения [Шумарина 2011: 71]. Далее систематизируем перечень выделенных рефлексивов в системе стилистических дихотомий.

1. Аналитический – эмотивный стилистический эффект. Первый тип характерен для восприятия, сопровождаемого рациональным определением стиля, жанра, выделением стилистических средств. Второй тип в данной оппозиции соотносится с различными эмоциональными реакциями адресата, например, комический эффект, аксиологический эффект и др.

2. Стилистический эффект разговорности – книжности. Подчеркнем, что данный эффект может возникать вне зависимости от функционального стиля текста. Так, разговорность может ощущаться читателем во фрагменте художественного произведения или в официальном тексте.

3. Гедонистический – аффективный стилистический эффект. Первый тип вызван удовольствием, получаемым от формы текста, в том числе стилистической эмпатией (авторская форма выражения мыслей очень близка адресату). Если форма текста оценивается в категориях прекрасного, то мы выделяем разновидность эффекта – вербально-эстетический. Неприятие формы, резкая негативная оценка определяет второй тип в оппозиции, см. реакции респондентов: *Как так можно писать; Кошмар!; Сначала пусть орфографию подучит*. Крайняя пейоративная реакция на высказывание – инвективный эффект, когда читающий / слушающий чувствует себя оскорбленным словесной формой (при этом высказывание может не содержать инвектив прямой адресации).

4. Аллюзивный – деаналитический стилистический эффект. Первый тип демонстрирует способность адресата к установлению разно-

образных интертекстуальных связей – идиости-левых, жанровых, сюжетных, словесных и др. Аллюзивный эффект включает впечатление пародирования и стилизации текста. Деаналитический эффект вызывают тексты, форма которых на грамматическом, лексическом, пунктуационном или композиционно-жанровом уровне затрудняет восприятие содержания. Таким образом, этот стилистический эффект связан с «закрытостью / открытостью» текста.

5. Стилистический эффект узуральности – окказиональности. Первый тип формируется как реакция на декларативные высказывания, сентенции, стандартизированные жанры (инструкция, служебная записка и др.). Второй тип стилистического эффекта – ощущения оригинальности, необычности текста, которые обусловлены не только формой высказывания, но и речевым опытом адресата. В этот тип входят адмиративный эффект (удивление) и эффект обманутого ожидания. Данная стилистическая оппозиция определяется через принадлежность норме или антинорме.

Перечисленные оппозиции представляют собой систему; они могут быть детализированы, дополнены различными стилистическими впечатлениями. Отметим, что стилистическое задание, значение и эффект могут не совпадать (см. несостоявшийся стилистический эффект), а могут прямо коррелировать, например: ирония автора – ироническая окраска – иронический стилистический эффект.

Таким образом, стилистический эффект обладает метатекстовой природой, поскольку может быть вербализован в форме мнения о тексте. Он занимает определенную область в языковой картине мира, фрагмент которой составляют оценочные жанры, оценочные высказывания и оценочные слова, способные выполнять функции номинации и предикации. Ядерными жанрами вербализации стилистического эффекта являются рецензия, комментарий. Так, в комментариях сайта Стихи.ру мы выделили таксономические, реляционные и характеризующие предикаты, организующие оценочные высказывания: *Идеально четкий стих; у-би-ва-ешь-на-по-вал; оч.; Несколько сыровато; скучно; и др.*

В заключении статьи обозначим основные перспективы исследования.

Когнитивный аспект анализа стилистического эффекта связан с аксиологическим маркированием вербальных фактов в картине мира. Носитель языка фиксирует форму высказывания на нормативной шкале (норма – антинорма) и оценочной шкале (лучше – хуже). Это является результатом соотнесения реального текста с когнитивным вербальным образцом – со стилистическим узусом, функционально-стилевой нормой.

Когнитивный аспект анализа стилистического эффекта связан с прагматической составляющей, с вопросами коммуникативных неудач и ошибок, стратегий и тактик, с проблемами лингвистической экспертизы текстов, содержащих оскорбление, с выявлением причин расхождения полюсов «экстралингвистического единства» – задания и эффекта. На наш взгляд, прагматические рамки более релевантны при анализе текстов, не обладающих свойством художественной фикциональности, так как художественное произведение реализует эстетическую функцию и обращено «в себя».

Лексикографический аспект исследования стилистического эффекта нацелен на выработку рекомендаций по созданию системы собственно стилистических помет, а также на анализ стилистического потенциала других словарных помет. Проблема лексикографической фиксации стилистических, эмотивных коннотаций описана в научной литературе, см. обзор в [Береля 2007]. Однако для стилистической сферы характерна динамика. Так, в современной речи проявляется тенденция к снижению нормативного порога и стилевой гендерной ассимиляции, что обостряет проблему. Так, «мужские» формы и варианты слов переходят в женскую речь. См. в речи девушек: *Я в магаз зашла, на скиддон попала; Здорóво, Кать*. Грубость и сниженная окраска слов перестают осознаваться носителями.

Выводы.

Стилистический эффект имеет экстралингвистический и лингвистический компоненты, складывается из когнитивных и эмотивных реакций адресата на текст, в случае вербализации

формирует метатекст. В структуре стилистического эффекта выделяются два аспекта: когнитивная реакция на форму текста (какие мысли вызывает форма / стиль высказывания), эмотивная реакция на форму текста (какие эмоции вызывает форма / стиль высказывания). Разграничение эмоциональной интерпретации фактов и эмоциональных оценок формы текста может быть неоправданным при анализе восприятия художественных произведений.

При выявлении и анализе стилистического эффекта необходимо применять метод рефлексивного эксперимента. Типология стилистического эффекта создается в результате группировки метарефлексивов, обладающих схожей семантикой. Различные стилистические эффекты можно рассматривать в системе стилистических дихотомий. Стилистический эффект обусловлен индивидуальной картиной мира реципиента и формирует фрагмент языковой картины мира, объединяющий метарефлексивные оценочные жанры, оценочные высказывания и оценочные слова.

Основными аспектами исследования стилистического эффекта являются когнитивный, лексикографический и прагматический.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береля И. В. Многоуровневая системность стилистических норм и проблема типологизации речевых отклонений от них: дисс.... канд. филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 2007. 203 с.
2. Гаско А. В. Законодательная стилистика как средство предотвращения появления пробелов в системе законодательства // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4 (67). С. 33-36
3. Данилевская Н. В. Стилистический эффект // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 488-489.
4. Данилевская Н. В. Стилистическое задание // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Кожинной М. Н. М., 2003. С. 490-492.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса: монография. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
6. Колесникова О. И. Персуазивный текст издательской аннотации: лингвокультурный аспект // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 22. С. 125-138.
7. Сигал К. Я. Дистанцирование компонентов атрибутивных словосочетаний в художественной речи // Научный диалог. 2020. № 6. С. 147-161.
8. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Риторический при-

ем // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 598-602.

9. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Стилистический эффект // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 695-696.

10. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.

11. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы: монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

REFERENCES

1. Berelia I. V. (2007) *Mnogourovnevaia sistemnost' stilisticheskikh norm i problema tipologizatsii rechevykh otklonenii ot nikh [Multilevel system of stylistic norms and the problem of typologization of speech deviations from them]* (Candidate's thesis, Philology). Kuban state University, Krasnodar. (in Russian)

2. Gasko A. V. (2009) *Zakonodatel'naiia stilistika kak sredstvo predotvrashcheniia poiavleniia probelov v sisteme zakonodatel'stva [Legislative style as a means of preventing gaps in the legal system]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: crime and punishment]*, no. 4 (67), pp. 33-36. (in Russian)

3. Danilevskaia N. V. (2003) *Stilisticheskii effekt [Stylistic effect]*. In *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka [Stylistic encyclopedia of the Russian language]*. Moscow, pp. 488-489. (in Russian)

4. Danilevskaia N. V. (2003) *Stilisticheskoe zadanie [Stylistic intent]*. In *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka [Stylistic encyclopedia of the Russian language]*. Moscow, pp. 490-492. (in Russian)

5. Karasik V. I. (2002) *Iazyk sotsial'nogo statusa: monografiia [Language of social status]*. Moscow. (in Russian)

6. Kolesnikova O. I. (2020) *Persuazivnyj tekst izdatel'skoj annotatsii: lingvokul'turnyj aspekt [Persuasive text of the publishing abstract: linguistic and cultural aspect]*. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie [Text. Book. Book publishing industry]*, no. 22, pp. 125-138. (in Russian)

7. Sigal K. Ya. (2020) *Distancirovanie komponentov atributivnyh slovosochetaniy v hudozhestvennoj rechi [The distancing component attributive word combinations in the texts of fiction]*. *Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]*, no. 6, pp. 147-161. (in Russian)

8. Skovorodnikov A. P., Koptina G. A. (2007) *Ritoricheskii priem [Rhetorical method]*. In *Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [Culture of Russian speech: an Encyclopedic dictionary]*. Moscow, pp. 598-602. (in Russian)

9. Skovorodnikov A. P., Koptina G. A. (2007) *Stilisticheskii effekt [Stylistic effect]*. In *Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [Culture of Russian speech: an Encyclopedic dictionary]*. Moscow, pp. 695-696. (in Russian)

10. Sorokin, Yu. A. (2003) *Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury [Translation studies: the status of the translator and psychotherapeutic procedures]*. Moscow. (in Russian)

11. Shumarina M. R. (2011) *Iazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. Metaiazykovaia refleksiiia v proizvedeniiax russkoi prozy [Language in the mirror of a literary text. Metalinguistic reflection in the works of Russian prose]*. Moscow. (in Russian)

[хроники]

XIV Ассамблея Русского мира

Ежегодно накануне Дня народного единства Ассамблеи Фонда «Русский мир» собирают сотни общественных деятелей, филологов, деятелей культуры и науки, которые занимаются преподаванием, поддержкой и продвижением русского языка, истории и культуры России в нашей стране и за рубежом.

3 ноября состоялось торжественное открытие очередной XIV Ассамблеи Русского мира. Ассамблея впервые проводится онлайн, мероприятия проходят несколько дней. Церемония открытия началась в Музее Победы на Поклонной горе с выступления В. А. Никонова, председателя комитета Государственной Думы РФ по образованию

и науке председателя правления фонда «Русский мир», декана факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктора исторических наук.

Во время церемонии прозвучали приветственные слова, которые направили участникам форума Русского мира Президент Российской Федерации В. В. Путин, Председатель Правительства Российской Федерации М. В. Мишустин, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, деятели науки и культуры из России и других стран.

После открытия состоялась панельная дискуссия «Русский мир онлайн».

5 ноября состоялся круглый стол «Как преподавать русский язык в цифровую эпоху?»

Л. А. Золотарева,
И. Г. Андреева

ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ В ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГЕ (на примере YouTube, netology.ru, habr.com)

LIUBOV A. ZOLOTAREVA, IRINA G. ANDREEVA
SPECIFIC FEATURES OF INTERNET MARKETING HEADLINES
(YouTube, netology.ru, habr.com)

Любовь Александровна Золотарева

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка как
иностранного

► 1100569@yandex.ru

Дальневосточный федеральный
университет

690922, Приморский край, г. Владивосток,
кампус ДВФУ, о. Русский, п. Аякс, 10

Ирина Григорьевна Андреева

кандидат экономических наук, доцент,
доцент

► airichka@yandex.ru

Хулунбуирский институт, факультет
экономики и управления

ул. Сюефулу, 83. Хулунбуир, Внутренняя
Монголия, КНР

Zolotareva Liubov Aleksandrovna

Far Eastern Federal University
690922, FEFU Campus, 10 Ajax Bay,
Rusky Island, Vladivostok, Russia

Andreeva Irina Grigorievna

Hulunbuir Institute
Hailar, Inner Mongolia, China

Интернет-ресурсы русского рунета, посвященные маркетингу, представляют собой большой пласт информации, который ставит перед пользователем задачу эффективного поиска необходимого контента. Правильно составленные заголовки помогают достичь этого результата. Заголовки экономического дискурса (по направлению «маркетинг») имеют свои отличительные особенности по сравнению с новостными заголовками, они более конкретны, содержат большое количество терминологической лексики, аббревиатур. Структуры и способы презентации интернет-заголовков отличаются на разных сайтах. Данное исследование посвящено сравнительному анализу заголовков на YouTube, на сайтах «Нетология: университет интернет-профессий», «Хабр» (русскоязычный веб-сайт в формате коллективного блога с элементами новостного сайта). В статье рассматриваются структурные, лексические и прагматические особенности заголовков постов на тему «маркетинг». Период исследования январь-июнь 2020 года.

Ключевые слова: маркетинг; интернет-ресурс; заголовок; гиперзаголовок; YouTube; netology.ru; habr.com.

Internet resources of the Russian Runet devoted to marketing are a large layer of information that sets the user the task of effectively searching for the necessary content. A correctly formatted headings help to achieve this result. Headlines of economic discourse (in the direction of «marketing») have their own distinctive features in comparison with news headlines, they are more specific, contain many terminological vocabularies, abbreviations. The structure and presentation of Internet titles differ from site to site. This research is devoted to a comparative analysis of headlines on YouTube, on the sites «Netology: University of Internet professions», «Habr» (a Russian-language website in the format of a collective blog with elements of a news site). The article discusses the structural, lexical and pragmatic features of the headings of posts on the topic «marketing». The study period is January-June 2020.

Key words: marketing; Internet resource; title; hypertitle; YouTube; netology.ru; habr.com.

Развитие глобальной сети Интернет, появление такой новой сферы деятельности, как интернет-маркетинг, а также современные формы коммуникации с потребителем заставляют по-новому взглянуть на возможности заголовков и их роль в удовлетворении поискового запроса интернет-пользователя. Именно поэтому к составлению заголовков в последнее время стало предъявляться все больше требований, так как заголовки это первое, что видит читатель, который включает личный фильтр поиска нужной информации.

Заглавие является визитной карточкой статьи, новостной информации, видеозаписи. От того, как в нем представлена информация и расставлены акценты, будет зависеть количество обращений к контенту. Учитывая тот факт, что скорость просмотра новостных лент и публикаций в интернете очень высокая, необходимы заголовки, которые смогли бы «зацепить» читателя среди большого количества подобного материала.

В данной статье принято широкое понимание термина заголовок. В связи с тем, что в сетевом пространстве мы имеем дело с гипертекстом, чье строение, функции и жанровые характеристики имеют существенные отличия от традиционных художественных, публицистических и научных текстов, то и понятие заголовка уже не соответствует его традиционному определению. В работах А. Р. Утяшева можно встретить термин **электронный хедлайн**, под которым автор понимает высказывание новостного сайта, представленное в виде короткого новостного сообщения, самостоятельное, выполняющее роль источника гипертекстового перехода на страницу с полным текстом сообщения [Утяшев 2015: 7]. Так как в нашей работе не рассматриваются новостные сайты, то мы будем пользоваться условным рабочим термином **гиперзаголовок**, по аналогии с гипертекстом, но который по своим функциям может быть сопоставим с хедлайном. Таким образом, под **гиперзаголовком** мы понимаем полученный в ходе поискового запроса заголовочный блок интернет-ресурса (поста, видео, подкаста и т. д.) определенного сайта, который представляет собой отсылочное название, характеризующееся свойством интерактивности и мультимедийности, в функции которого входит информирование о содержании, привлечение внимания читателя к предлагаемому контенту и побуждение его к переходу на основной источник информации. Как правило заголовочный блок может состоять из нескольких элементов, в число которых входит изображение (картинка) и текстовый заголовок. Способы реализации такого гиперзаголовка отличаются на разных сайтах. Объектом нашего исследования являются именно текстовые заголовки.

Цель данной статьи заключается в выявлении структурных, семантических и прагматиче-

ских особенностей интернет заголовков раздела «маркетинг» (на примере видеохостинга YouTube, а также сайтов netology.ru, habr.com).

Рассматривая традиционные функции заголовка, в зависимости от материала и подхода ученые выделяют разное их количество: от трех (по Г. О. Винокуру: обозначающая, указательная, рекламная [Винокур, 1969: 132]), до 5 и более составляющих (по В. С. Мужеву: номинативная, информационная, экспрессивно-апеллятивная, рекламная, разделительная [Мужев 1970: 91]). В современной русистике в связи с изменениями в средствах передачи массовой информации, с появлением интернета актуальность исследования данного языкового материала только возрастает. Большинство работ в этой области посвящено описанию новостных заголовков: это исследование О. В. Дедовой и А. Р. Утяшева [Дедова, Утяшев 2014], И. В. Высоцкой и П. Н. Кочеткова [Высоцкая, Кочетков, 2018], С. О. Миловановой [Милованова 2010], А. С. Подваловой и Е. А. Юриной [Подвалова, Юрина 2019], Чжан Юэбо [Чжан Юэбо 2009] и др. Интерес для нас также представляют публикации, посвященные копирайтингу, в которых даются практические рекомендации по созданию заголовков в сети интернет, этому посвящены книги А. Н. Назайкина «Копирайтинг: XXI век» [Назайкин 2017] и «Копирайтинг: 7+» [Назайкин 2017а] и др.

Заголовки в интернете, безусловно, с одной стороны, имеют такие же функции, как и в других средствах массовой информации, но с другой стороны, содержат специфические черты, присущие только данному интернет-дискурсу. Принимая во внимание процесс обучения составлению заголовков в копирайтинге, можно выделить следующие функции заглавия:

- 1) отражение содержания (главная тема, которая будет рассматриваться в посте);
- 2) привлечение внимания (от заголовка зависит, будут смотреть видео или нет, вызовет ли он интерес у читателя);
- 3) продвижение статьи в поиске (возможность быстро найти необходимую информацию на сайте);
- 4) упрощение навигации (связано с наличием дополнительных элементов, подзаголовка,

что помогает пользователю быстрее ориентироваться) [Назайкин 2017].

Большинство исследователей считает, то основной функцией в интернете является именно вторая, так как она определяет, будут ли читать пост или смотреть видео в интернете. И вероятность данного действия оценивается в 70-80 %. С функцией заголовка тесно связаны и его типы:

- 1) фактический (отражает основную информацию);
- 2) образный (игровой) (считается самым креативным, призван вызвать какие-то чувства у читателя, затронуть его эмоции и тем самым побудить к просмотру рекомендуемого материала);
- 3) клишированный (содержит в себе различные типы устойчивых сочетаний, цитаты, прецедентные тексты и различные клише).

Анализ заголовков на YouTube показал, что в данном видеохостинге среди заглавий, полученных по поисковому запросу «маркетинг», встречаются все три типа, а также их комбинации. Сразу оговорим, что приведенные в данной работе примеры сохраняют написание заголовков (заглавные буквы, знаки препинания), как в интернете. Наибольшую частотность, по нашим данным, имеют фактические заголовки (61 %), остальные типы представлены в меньшем количестве: образный (13 %), клишированный (13 %), столько же процентов составляет и комбинированный тип (рис. 1).

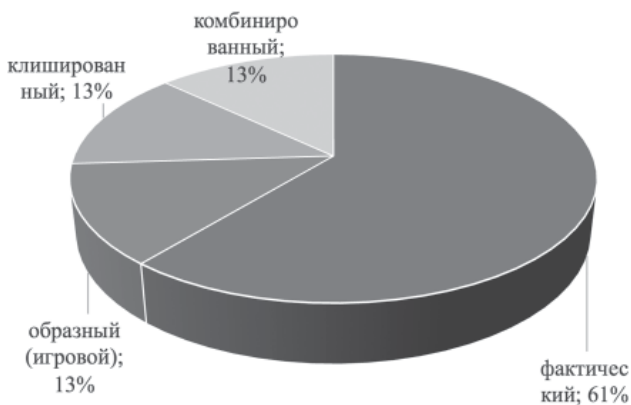

Рисунок 1 - Частотность заголовков на ресурсе YouTube

Большая представленность заголовков первого типа связана прежде всего с тем, что предлагаемый контент (обучающие видеоролики, обзоры, консультации в области маркетинга) непосредственно соотносятся с деловой сферой, для которой характерны более точные формулировки, факты и деловой стиль изложения, например:

- *SMM-словарь: что такое таргетинг, ретаргетинг, CPA, CPM, CTR и другие SMM-термины* DamirKhalilov;

- *Чем digital-маркетинг отличается от интернет-маркетинга?* Кир Уланов.

Игровые заголовки в данной сфере деятельности выглядят не совсем уместными, воспринимаются как слишком эмоциональные, следует отметить, что больше половины из них использует не только разговорную, но и просторечную лексику:

- *Сетевой маркетинг – это обман! Реальная история.* Ирина Шабанова;

- *Как приглашать людей в сетевой маркетинг новичку без результата. Секретная технология! МЛМ Ирина Козуб. Лидер Проекта Профессия 21 века;*

- *Сетевой маркетинг Лохотрон и Пирамиды | Jeunesse Global развод* Станислав Белко.

Клишированные заголовки на YouTube очень четко отражают направленность видеоматериалов и способа подачи на определенную целевую аудиторию. Наиболее частотным являются устойчивые сочетания, отражающие сему «простота»:

- *МАРКЕТИНГ – ЭТО ПРОСТО. Маркетинг простыми словами.* Александр Белгороков;

- *Интернет-маркетинг простыми словами.* Loftblog;

- *Что такое SMM? Просто о сложном.*

Близок к данным сочетаниям и фразеологизм *на пальцах* со значением «доходчиво, доступно»: *На пальцах что такое маркетинг? Основы маркетинга. Маркетинг для начинающих. Деревенский маркетолог.* Данный пример очень показателен, так как в нем акцентируется предполагаемый адресат *начинающий*. В качестве варианта выступает конструкция *для новичков: Маркетинг для новичков. Основы.* Лексема *новичок* довольно частотна и в некоторых случаях соседствует с лек-

семой основы. Начальные знания или начало работы в области маркетинга также дублируют следующие устойчивые сочетания:

- **с нуля:** *Маркетинг с нуля #1: Маркетинговые связки. Шаблоны для выбора стратегии. Evklead* (в наших примерах встречаются бизнес с нуля, маркетинг с нуля, обучение с нуля, продвижение с нуля);

- **первые шаги:** *Первые шаги начинающего интернет-маркетолога WAYUP* Андрей Гаврилов.

Возможно также эксплицитное употребление лексемы «начало»: *Маркетолог 80 уровня – Начало: что делает маркетолог? DigitalСир – блог о маркетинге Дениса Ворошилова.*

В одной плоскости с приведенными устойчивыми сочетаниями лежат и фразеологизмы, выражающие семы «результат», «полнота»:

- **от А до Я:** *Аркадий Шаров. Сетевой маркетинг от А до Я. КАНАЛ СЕТЕВИКА. TINKLININKO KANALAS;*

- **под ключ:** *Отдел интернет маркетинга. Интернет маркетинг под ключ. Контроль удаленных сотрудников. Антон Ельницкий.*

Это же значение характерно для конструкций «за + сколько времени» (*Продвижение с нуля или «Весь» маркетинг за 2 часа B2BMarket*) и «от...до» (*Тренд-маркетинг от производителя до потребителя / Вебинар*). В первом примере лексема «весь» также усиливает общее значение полноты и охвата.

Таким образом, все вышеприведенные заголовки показывают, что данный контент ориентирован в большинстве случаев на обучение новичков, на тех, кто хочет разобраться в основах маркетинга или в какой-то из его областей. Данная направленность обучения активизирует употребление следующих синтаксических конструкций:

- ряды номинативных предложений: *100 инструментов digital-маркетинга. Tilda. Ingate. Трансформатор;*

- «что – (не) что»: *ЧУМА 21 ВЕКА – ВИРУСНЫЙ МАРКЕТИНГ Dmitry Ko; Маркетинг это не креатив. Бизнес, очнись! IN-SKALE;*

- «что как что»: *Stories как мощный инструмент маркетинга. Skillbox;*

- конструкции с включением адресата, «что для кого / чего»: *Эмэйл-маркетинг для начинающих (картинка E-mail-маркетинг для начинающих) Skillbox; Маркетинг для фотографа-3. Здесь Свет; Три главных показателя в маркетинге: знать и считать (№39) IN-SKALE / маркетинг для бизнеса;*

- конструкции с включением адресанта (спикера, автора, приглашенного лектора):

- а) «что от кого»: *Маркетинг от эксперта Часть 3. Светлана Замечник; Гринвей маркетинг план. Greenway маркетинг план от Елены Полянской;* б) «кто: что»: *Павел Гуров: лекция по SMM (продвижение и таргетинг в Instagram, VKontakte, Youtube, FaceBook) Академия re: Store; Александр Федотов и Дмитрий Лисицкий: outbound или inbound маркетинг – как бизнесу выжить сегодня. Цифровое консалтинговое агентство «Ольшанский и Партнеры».*

Вопросительные предложения с собственно вопросительными местоимениями, хотя и составляют лишь 10 % от общего числа предложений, тем не менее являются показательными для данного типа заголовков: *Как легко продать свой товар и заработать? Маркетинг с нуля pink uido; Как зарабатывать в интернете новичку? // Интернет-маркетинг с Марией Солодар; Владислав Бермуда. Что такое кросс-маркетинг? Как продавать в 10 раз дороже, не теряя клиентов?*

В целом следует отметить, что конструкции с вопросительным словом «как» употребляются в два раза чаще, чем со словом «что». Остальные вопросительные слова встречаются крайне редко: *Почему Вам все отказывают? Сетевой маркетинг без отказов. Как подключать много людей в MLM. Дмитрий Тишанский.* Из этого можно сделать вывод, что авторы акцентируют внимание больше на способе, процессе, технологии работы в области маркетинга.

Сравнение заголовков на YouTube и на сайтах www.netology.ru и www.habr.com показало, что заглавия постов на образовательных интернет-порталах принадлежат практически к одному типу – информативному. Интересен тот факт, что на сайтах [netology.ru](http://www.netology.ru) и [habr.com](http://www.habr.com) количество вопросительных предложений в заголовках рез-

ко возрастает и составляет 60% и 50% от общей суммы рассматриваемых нами. Функции вопросительных заголовков расширяются, в их число входят:

А) консультационно-обзорная:

- Кто такие инфлюенсеры и на какие типы их делят: классификация Александры Барсенковой;
- Как устроена игровая практика на курсе «Head of SMM: управление SMM-отделом» Александра Диаса, Светлана Третьяк;

Б) рекомендательная:

- Как правильно заполнить карточку товара в интернет-магазине: полезные советы. Мария Парыгина;

В) функция информирования о событиях, которые произошли в прошлом или происходят в настоящем:

- Как я делал подкаст «Обсудили.медиа» и что из этого вышло. Константин Ермолкевич;
- Как и почему мы перезапустили курс «Landing Page» Наталья Киналь;

Г) функция прогнозирования:

- Covid-19: что будет с бизнесом в России [и когда всё это закончится] Clickru.

С точки зрения отражения содержания (первой общей функции) заголовки могут быть разделены на однонаправленные и комплексные. Термин «однонаправленные», используемый нами вслед за Е. А. Лазаревой [Лазарева 1989], представляется нам более отражающим суть данного явления нежели термин «односложный», широко употребляемый некоторыми исследователями и копирайтерами. Однонаправленные заголовки отражают какой-то один смысловой элемент, в качестве которого может выступать тема, основная мысль, идея, разбор ситуации, мнение автора и т. д. В комплексном заголовке есть отсылка к нескольким смысловым компонентам текста. Анализ материала на YouTube позволяет выдвинуть предположение, что количество комплексных заголовков (57%) превышает количество однонаправленных (47%), и связано это, в первую очередь, с повышением информативности предлагаемого к просмотру контента, с наличием дополнительного развертывания, вынесения подзаголовков в основную позицию. Данные приемы помогают авторам не только логически структури-

ровать свой пост, но и показать эту структуру зрителю или читателю.

Сравните, однонаправленный заголовок:

- Как зарабатывать в интернете новичку? //

Интернет-маркетинг с Марией Солодар;

и комплексный:

- Как найти клиентов начинающему? Маркетинг без бюджета. Бизнес с нуля как продавать через интернет. Деревенский Маркетолог.

Большой интерес представляет оформление комплексных заголовков и используемые в них знаки препинания. Исследуемый материал на ресурсе YouTube показал, что заголовок чаще всего представлен простыми, короткими, часто номинативными предложениями, которые отделяются друг от друга точкой либо просто пробелом:

- Как найти партнеров в сетевой маркетинг без приглашений. Рекрутирование. Холодные контакты. Дмитрий Тишанский;

- Презентация New Millenium понятный всем маркетинг план. Александр Пигарев.

Комплексные заголовки на сайтах netology.ru и habr.com часто используют двоеточие, левая часть конструкции выражает основную тему, а правая раскрывает содержание статьи (то есть практически является подзаголовком):

- Крауд-продюсер: что делает, сколько зарабатывает и как им стать;

- Кейс: увеличить LTV на 18% через супердинамический email-контент.

Соотношение номинативных заголовков и предикативных на данных платформах составляет 1:5, то есть количество предикативных заголовков значительно превышает этот тип на YouTube. Кроме того, для данных сайтов характерно и частотное употребление отглагольных существительных в номинативных предложениях:

- [Инструкция] Создание гугл-тестов (гугл-форм) Фондамакин Дмитрий@defond);

- Проведение исследований в условиях глобальной паники: какие факторы важно учитывать. Лера Курмак.

Таким образом, при помощи предикативных конструкций и существительных со значением процесса заголовки активизируют обучающую функцию, не просто информирования и накопле-

ния знаний, но и побуждения к действию. Такие заголовки, безусловно, являются полноинформативными.

Функция отражения содержания связана и с продвижением статьи в поиске, поэтому необходимо остановиться на лексическом составе заголовков и словообразовательных особенностях некоторых слов из разряда терминов. Так как поисковый запрос содержал слово «маркетинг», то результаты на видеохостинге YouTube сразу выдали 95% заголовков контента с включением данной лексемы, в 100 заголовках встретилось более 115 употреблений *маркетинга*, при этом следует отметить, что некоторые заглавия упоминали их по 3 раза: *Вся правда о сетевом маркетинге. Как работает сетевой маркетинг. Проблемы сетевого маркетинга. Тот самый Матвей Северянин.*

Из однокоренных слов встретились только *маркетолог* и *маркетинговый*.

Из 115 примеров 12 – это *интернет-маркетинг*, 3 – *digital-маркетинг*, например:

- *Как работает Digital-маркетинг «Приват-Банк» Владимир Соболев;*
- *Практики Диджитализации #3 Академия интернет-маркетинга WebPromoExperts.*

Возможно также написание данного слова полностью на английском языке: *Продвижение стартапа без бюджета. Эффективная маркетинговая стратегия. Тренды (DIGITAL-MARKETING ЗА НОЛЬ РУБЛЕЙ)* Максим Спиридонов.

Отсутствие написания слова *digital* русскими буквами показывает, что оно является недавним заимствованием и еще не обрусело, в отличие от слова *интернет*. Наличие большого количества сложносоставных слов, включающих слово «маркетинг» можно рассматривать как тенденцию в области словообразования терминов: *Email-маркетинг, кросс-маркетинг, квиз-маркетинг, тренд-маркетинг, крауд-маркетинг, CROWD1-MARKETING, маркетинг-план.*

Являясь калькой с английского языка, где данный термин представляет собой сочетание прилагательного и существительного, в русском языке неизменяемое прилагательное становится частью сложносоставного слова, что и выражается в его написании через дефис, хотя при поисковом

запросе в Яндексе можно встретить и раздельное написание данных терминов. Безусловно, данная тенденция характерна не только для новообразований со словом *маркетинг*, но и для многих других терминов данной области, например: *интернет-маркетолог, инфо-бизнесмен.*

Сайты *netology.ru* и *habr.com* также отражают эту тенденцию: *крауд-продюсер, email-рассылка, онлайн-марафон, гугл-тесты, гугл-формы.*

Еще один вид сложносоставных слов представлен сложением аббревиатуры и слова: *SMM-словарь, SMM-специалист, SMM-отдел, AMP-письмо, RFM-анализ, B2B-блог.*

Процесс обрусения термина прослеживается не только на способе его написания (транслитерация русскими буквами, включение дефиса), но и в приобретении словом морфологических характеристик, свойственных определенной части речи в русском языке, например, род, число и падеж существительных: *автобренды, инфлюенсеры, онбординг, квизы, хабравебинар, маркетинг стартапов, в Яндекс.Директе, с помощью Яндекс.Метрики.* Некоторые термины в процессе вхождения в язык приобретают характерные для русских слов аффиксы: *диджитализация, SMMишки.*

В области маркетинга, безусловно, очень актуальна тенденция употребления иноязычной терминологической лексики, доля которой составляет около 30% от общего числа слов в заголовках. Использование иностранных аналогов типа *тренд (тенденция, направление), квиз (опросник)* и других служат для активного привлечения внимания читателей, однако в некоторых случаях чрезмерное употребление терминов может либо оттолкнуть потенциального пользователя, либо служить в качестве своеобразного фильтра, ограничивающего потенциальную аудиторию: *Маркетинг-план Pride International (Прайд), приложение «Прорыв» X-Marketing Academy.*

Сочетаемость слова *маркетинг* в заголовках на YouTube позволяет отследить определенные тенденции в области наполнения содержания сайта и направленности его на адресата. Учитывая валентность и частотность (дана в скобках) лексики *маркетинг (М)*, можно выделить следующие группы:

- по каналу распространения: *интернет-*

маркетинг (12); digital-маркетинг (3) или цифровой; персонализированный или персональный М; сетевой (15); сарафанный М;

- по способу коммуникации: email-маркетинг; квиз-маркетинг; крауд-маркетинг; кросс-маркетинг; партизанский; вирусный М;

- по финансовой основе: безбюджетный М; М с нуля (3); М без бюджета (3);

- по качественным характеристикам и отношению: цепляющий М; магнит М; М без отказов; М на результат; инновационный М;

- по ситуации: антикризисный М;

- по направленности на клиента (с указанием отрасли): М для ресторанов; М для фотографа (3); М в fashion;

- по отношению к религии: халяльный; харамный М;

- маркетинг как процесс: М стартапов; дефицитный М; М отношений.

Тематически в группу «Маркетинг» входят также следующие лексемы: маркетинг план (5), стратегии, показатели в маркетинге, контроль, маркетинговые связи, инструмент, фишки маркетинга, методы продвижения, тренд(ы) (7), бренд, брендинг, клиент, партнер, бизнес, малый бизнес, бизнес-прорыв, нетворкинг и др.

Отдельно хотелось бы сказать о тематической группе «Сетевой маркетинг», так как она является наиболее представленной на данном сайте. В ее состав входят как нейтральные выражения: *Лидеры. Том Шрайтер. Сетевой маркетинг. Мамы зарабатывают здесь; Аркадий Шаров. Сетевой маркетинг от А до Я. КАНАЛ СЕТЕВИКА. TINKLININKO KANALAS;* так и отрицательно окрашенные:

- *Как нас дураят. СЕТЕВОЙ МАРКЕТИНГ (Теория заговора, 2014) Dobrovit;*

- *Разоблачение сетевого бизнеса. Развод в сетевом маркетинге. Сетевой маркетинг и лохи. Лялин Андрей Сетевой бизнес через интернет.*

Соотношение нейтральных и эмоционально окрашенных заголовков с отрицательной оценкой 1:1. Данный факт говорит о том, что у пользователей российского интернета сложилось неоднозначное отношение к сетевому маркетингу. На сайтах netology.ru и habr.com данный тип не рассматривается.

Обучающий характер контента на YouTube

проявляется в активизации тематической группы «обучение»: обучение (2), обучиться, онлайн-школа, академия, курс (7), спецкурс, лекция (2), урок, введение в курс, введение в Емейл-маркетинг, основы маркетинга (2), презентация.

Анализ лексики в заголовках на netology.ru позволяет сделать вывод о том, что тема обучения так же актуальна, как и на YouTube, хоть и представлена имплицитно в рекомендациях и советах по применению знаний на практике. Это отражается не только в использовании большого количества глагольной лексики (*Как обучать и развивать SMM-специалистов: опыт Skyeng*), но и в активизации значения «помощь»: существительное *помощь* встречается в 10%, глагол *помогать* в 8% заголовков, например:

- *20 расширений для браузера Chrome в помощь маркетологу. Алла Чернец;*

- *12 советов, которые помогут найти тему для статьи. Юлия Шеронова.*

Для этих же целей служат лексемы *вопросы и ответы: Зачем бизнесу рассылки во ВКонтакте: отвечаем на частые вопросы. Алена Еруманд.*

Таким образом, использование слов перечисленных выше групп вместе с хештегом #маркетинг помогает не только улучшить качество поиска информации, но выявить тенденции в области обучения данному виду деятельности посредством интернета.

Еще одна функция заголовков связана с привлечением внимания. Кроме описанных ранее языковых средств особенностью заголовков на вышеперечисленных сайтах является также использование цифр, которые настраивают пользователей на конкретную, фактическую информацию. В нашем материале встретились следующие сочетания с числительными:

- *2 главных правила нетворкинга;*
- *4 шага к увеличению LTV продукта;*
- *5 СПОСОБОВ, КАК РАСКРУТИТЬ ИНСТАГРАМ;*

- *5 неочевидных нюансов рекламного кабинета Facebook;*

- *6 лекций TED для начинающих авторов;*

- *7 трендов маркетинга для бизнес-прорыва*

в 2019;

- 7 бесплатных аналогов Screaming Frog и Netpeak Spider;
- Как вывести сайт под запад в ТОП10;
- 11 лайфхаков интернет-маркетинга;
- 12 советов, которые помогут найти тему для статьи;
- 20 расширений для браузера Chrome;
- Top-100 самых быстрорастущих и падающих товаров в период карантина;
- 100 инструментов digital-маркетинга и др.

Наиболее частотными являются, на наш взгляд, цифры 5 и 7. Для заголовков научных статей данная тенденция не характерна.

Еще одним способом привлечения внимания на YouTube можно считать употребление в заголовках противопоставления:

- Платно и бесплатно;
- 5 Лучших и Худших методов;
- Делать больше на меньшем;
- Плюсы и минусы маркетинга.

На других анализируемых сайтах этот прием не встречается.

Что касается гиперзаголовков, то способ их представления отличается на разных сайтах. Так, гиперзаголовков на netology.ru в исследуемом нами разделе «Маркетинг | Медиа Нетологии: университет профессий» представляет собой картинку, поверх которой наложен текст, включающий дату поста, рубрики (или области) исследования и собственно название поста, фамилия автора отсутствует. Разнообразие шрифтов также не наблюдается, все надписи выполнены по шаблону. Соотношение текста и картинки не рассматривается в данной статье, хотя можно отметить, что изображение всегда тематически или ассоциативно связано с текстом (рис. 2).

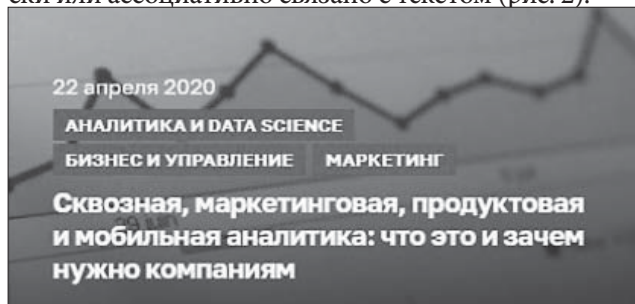

Рисунок 2 - Текст-заголовок на netology.ru

Гиперзаголовки на habr.com представлены двумя способами: в разделе «Маркетинг» в рубрике «Новости» они даются списком без авторов, но с указанием на дату публикации поста и коли-

Рисунок 3- Текст-заголовков на habr.com (Маркетинг. Новости)

чество комментариев к нему (рис.3).

В рубрике «Статьи» можно отметить стандартное представление поста, которое включает аватар и никнейм автора, дату публикации поста, заголовок, подзаголовок, введение статьи, где раскрывается ее основная тема, картинку и ссылку «Читать дальше». Приводятся также статистические данные о просмотре и популярности данной статьи на сайте, включающие голосование, количество закладок, общее количество просмотров

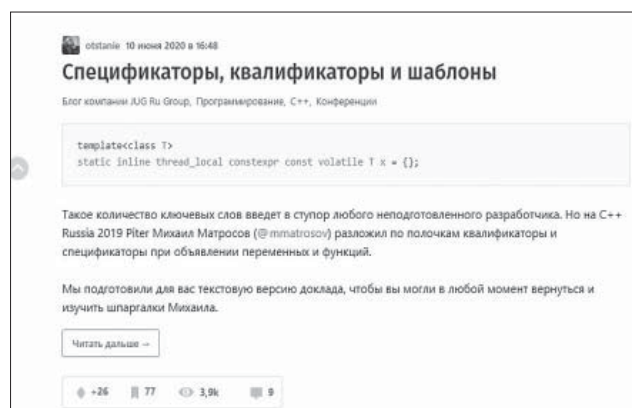

Рисунок 4 - Текст-заголовков на habr.com (Маркетинг. Статьи)

и комментарии (рис. 4).

Представленные на видеохостинге YouTube гиперзаголовки дублируются на картинке слева. Заголовок поста включает название, под которым приведены авторы (может быть никнейм или на-

звание организации), количество просмотров, дата публикации. Далее находится вступление, раскрывающее содержание данного контента. Название поста может быть продолжено при помощи подзаголовка. Креолизованный текст на картинке содержит кроме названия поста, имя его автора, фотографию, а также соответствующую теме картинку. В некоторых креолизованных текстах расширяется или уточняется информация о содержи-

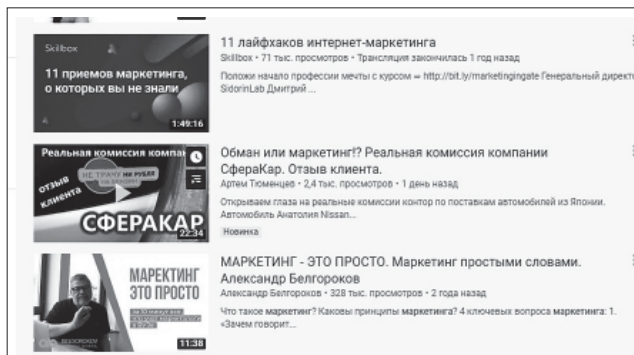

Рисунок 5 - Текст-заголовки на YouTube (#Маркетинг)

мом поста (рис. 5).

Таким образом, в результате исследования мы пришли к выводу, что YouTube располагает большим разнообразием заголовков и наличием экспрессивных средств. Контент раздела «маркетинг», который включает лекции и видеобзоры, на данном видеохостинге в большей степени служит образовательным целям и направлен на начинающих. Соответствующий раздел на netology.ru и habr.com отличается практическими рекомендациями, советами, ответами на возможные вопросы пользователей, что выражается в преобладающем количестве вопросительных глагольных предложений, отсутствии экспрессивной лексики. Общим для данных сайтов является частотное использование цифр, названий компаний и экономических терминов. Наибольшей популярностью пользуются темы, посвященные интернет-маркетингу, остальные сферы представлены фрагментарно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Просвещение, 1959. 221 с.
2. Высоцкая И.В., Кочетков П.Н. Заголовок интернет-новости как когнитивная модель ситуации // Вестник Ново-

сибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018 (6). С. 89-96.

3. Дедова О.В., Утяшев А.Р. Хедлайны в электронном новостном дискурсе // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. М., МАКС Пресс, 2014. Вып.10. С. 120-126.

4. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 96 с.

5. Милованова С.О. Газетный заголовок как средство актуализации смысла // Известия Тульского Государственного Университета. Гуманитарные Науки. 2010 №1. С. 368-372.

6. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. 1970. Вып. 55. Вопросы романогерманской филологии. С. 86-94.

7. Назайкин А.Н. Копирайтинг: XXI век. Как создавать современные тексты. М.: КДУ, 2017. 316 с.

8. Назайкин А.Н. Копирайтинг: 7+. М.: КДУ, 2017. 316 с.

9. Подвалова А.С., Юрина Е.А. Функции и структурные типы новостных заголовков в современной французской прессе [Электронный ресурс] // Огарев-online: электронный журнал / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. 2019. № 6 (125). URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/funkcii-i-strukturnye-tipy-novostnyx-zagolovkov-v-sovremennoj-francuzskoj-pressе> (дата обращения: 20.06.2020).

10. Утяшев А.Р. Формальные и семантические аспекты гипертекстуальности новостных сообщений в рунете. Автореф. дис. ... на соискание степени канд. филол. наук. М., МГУ, 2015. 22 с.

11. Чжан Юэбо. Заголовок в газетном тексте как самостоятельная речевая единица, тесно связанная с его содержанием // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2009, № 4. С. 136-139.

12. Habr.com [Электронный ресурс] URL: <https://habr.com/ru/flows/marketing/> (дата обращения: 20.06.2020).

13. YouTube. Маркетинг [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/results?search_query=маркетинг (дата обращения: 20.06.2020).

14. Netology.ru [Электронный ресурс] URL: <https://netology.ru/blog/category/marketing> (дата обращения: 20.06.2020).

REFERENCES

1. Vinokur G. O. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1959. 221 p.
2. Vysotskaya I. V., Kochetkov P. N. Internet news headline as a cognitive model of the situation. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk state University]. 2018, no. 6, pp. 89-96. (in Russian)
3. Dedova O. V., Utyashev A. R. Headlines in electronic news discourse. Yazyk, literatura, kultura: Aktualnye problemy izucheniya i prepodavaniya: Sbornik nauchnyh i nauchno-metodicheskikh statej [Language, literature, culture: Actual problems of studying and teaching: Collection of scientific and methodological articles]. Moscow: MAKS Press Publ., 2014, no.10, pp. 120 - 126. (in Russian)

4. Lazareva E. A. Zagolovok v gazete [Headline in the newspaper]. Sverdlovsk: Ural university Publ., 1989. 96 p.

5. Milovanova S. O. Newspaper headline as a means of updating the meaning. *Izvestiya Tulsogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki* [Bulletin of Tula State University. Humanitarian sciences], 2010, no 1, pp. 368-372. (in Russian)

6. Muzhev V. S. About header features. *Uchenye zapiski MGPIIY im. M. Toreza* [Scientific notes MGPII named after M. Toreza]. *Voprosy` romano-germanskoj filologii* [Questions of Romano-Germanic Philology], 1970, no. 55, pp. 86–94. (in Russian)

7. Nazajkin A. N. Kopirajting: XXI vek. Kak sozdavat sovremennye teksty [Copywriting: XXI century. How to create modern texts]. Moscow, KDU Publ., 2017. 316 p.

8. Nazajkin A. N. Kopirajting: 7+ [Copywriting: 7+]. Moscow: KDU Publ., 2017. 316 p.

9. Podvalova A. S., Yurina E. A. Functions and Structural Types of News Headlines in the Modern French Press. *Ogarev-online*. 2019, vol.125, no. 6. Available at: [http://journal.mrsu.ru/arts/funkcii-i-strukturnye-tipy-novostnyx-zagolokov-v-sovremennoj-](http://journal.mrsu.ru/arts/funkcii-i-strukturnye-tipy-novostnyx-zagolokov-v-sovremennoj-francuzskoj-presse)

[francuzskoj-presse](http://journal.mrsu.ru/arts/funkcii-i-strukturnye-tipy-novostnyx-zagolokov-v-sovremennoj-francuzskoj-presse) (Accessed 20 June 2020). (in Russian)

10. Utyashev A. R. Formalnye i semanticheskie aspekty gipertekstualnosti novostnyh soobshhenij v runete [Formal and semantic aspects of hypertextuality of news messages in RuNet]. *Avtoref. dis. ... na soiskanie stepeni kand. filol. nauk*. Moscow, MGU Publ., 2015, 22 p. (in Russian)

11. Chzhan Yuebo. The headline in a newspaper text as an independent speech unit, closely related to its content. *Vestnik RUDN, Voprosy` obrazovaniya: yazyki i specialnost* [RUDN University Bulletin, Education: languages and specialty], 2009, no. 4, pp. 136-139. (in Russian)

12. Habr.com Available at: <https://habr.com/ru/flows/marketing> (Accessed 20 June 2020) (in Russian)

13. YouTube. Available at https://www.youtube.com/results?search_query=маркетинг (Accessed 20 June 2020) (in Russian)

14. Netology.ru. Available at: <https://netology.ru/blog/category/marketing> (Accessed 20 June 2020) (in Russian)

[хроники]

Год без Л. А. Вербицкой

4 ноября исполняется год со дня смерти выдающегося ученого-филолога, академика, профессора Людмилы Алексеевны Вербицкой.

Ровно год назад ушёл из жизни человек, без которого невозможно представить современную филологическую науку. Человек, ставший настоящим символом речевой грамотности, примером внимательного и бережного отношения к родному языку, гуманитарный политик, которого уважали и ценили самые разные представители академической школы зарубежья вне зависимости от их политических взглядов.

Биография Людмилы Алексеевны неразрывно связана с Ленинградским государственным университетом. Она прошла путь от лаборанта до ректора, долгие годы возглавляла кафедру фонетики и методики преподавания иностранных языков, а затем кафедру общего языкознания. Она внесла существенный вклад в филологическую науку, подготовив свыше 300 научных и учебно-методических работ в области русского и общего языкознания, фонетики, фонологии и методики преподавания русского языка. Её труды, посвященные проблемам современного произношения, заложили основы нового, перспективного направления в языкознании «Произносительная норма и интерференция на фонетическом уровне».

Яркий учёный, Л.А. Вербицкая была и талант-

ливым организатором образования. По ее инициативе в структуре Санкт-Петербургского университета появились 2 новых факультета (международных отношений и медицинский), она стояла у истоков создания фонда «Русский мир», провела значимые реформы в Российской академии образования. Участие Людмилы Алексеевны дало мощнейший импульс профессиональному движению русистов: было образовано Российское общество преподавателей русского языка и литературы, существенно расширился формат деятельности и география Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Многое из того, что мы делаем сейчас и будем делать завтра – развитие идей Людмилы Алексеевны Вербицкой. Её работы продолжают изучать и цитировать молодые филологи, проводятся конференции, посвященные ее памяти. Только что увидело свет электронное издание знаменитого словаря-справочника под редакцией Л.А. Вербицкой, впервые размещенное СПбГУ в открытом доступе в сети интернет. Само название справочника — «Давайте говорить правильно» — стало своеобразным творческим заветом Людмилы Алексеевны Вербицкой всем нам и будущим поколениям носителей языка.

Ассоциация преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ» чтит светлую память Людмилы Алексеевны Вербицкой.

ЗАМЕТКА КАК ЖАНР НАУЧНОГО ТЕКСТА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ПО ГЕОЛОГИИ

NADEZHDA A. IVANOVA
A NOTE AS A GENRE OF SCIENTIFIC TEXTS
OF THE LATE 19TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURY
ON THE MATERIAL OF GEOLOGY ARTICLES

**Надежда Алексеевна
Иванова**

Магистр, аспирант

► nadyahellnyak@gmail.com

Санкт-Петербургский Горный
университет

199106, Санкт-Петербург
Васильевский остров, 21 линия д. 2

Nadezhda A. Ivanova

Saint-Petersburg Mining University

199106, Saint-Petersburg,
2 Vasilievsky island, line 21

В статье речь идёт о заметке как жанре научного текста конца XIX — начала XX вв. Исследование выполнено на материале заметок по геологии Е. С. Фёдорова, И. В. Мушкетова, П. С. Назарова, А. П. Карпинского, В. А. Обручева. Выделены жанрообразующие черты заметки: относительная краткость, оперативность, конкретная тематика, четкая структура, отражающая исследование объекта учёным. Языковые средства в научных текстах характеризуются опорой на моделирование научной картины мира (термины, описание исследования ученого, объективное изложение событий). Повествование от 1-го лица в заметке рассматривается в качестве характерной особенности научного текста анализируемого периода.

Ключевые слова: заметка; жанр; научный стиль; лингвостилистический анализ.

The article is devoted to a note as a genre of scientific texts of the late 19th century – early 20th century on the material of geology articles. The study is based on the material from the notes by Y.S. Fedorov, I.V. Mushketov, P.S. Nazarov, V.A. Obruchev. The article highlights genre-forming features of a note: relative brevity, promptness, specific topic, clear structure, reflecting the object research conducted by scientist. Linguistic means in scientific texts are characterized by having the modeling of the scientific picture of the world (terms, description of the scientist's research, unbiased presentation of events) in its basis. The first person narrative is seen as a typical feature of a scientific text of the analyzed period.

Keywords: note; genre; scientific genre; linguo-stylistic analysis.

Научный стиль представляет «научную сферу общения и речевой деятельности, связанной с реализацией науки как формы общественного сознания» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006: 242]. Формирование научного стиля в русском языке принято отсчитывать с середины XVIII века. В это время происходит стремительное развитие науки в России. На научный прогресс повлияли реформы Петра I, открытие Академии Наук, университета, основание научных обществ. Ещё в начале XVIII века большинство научных изданий

печаталось на иностранных языках, к середине столетия появляется больше переводных трудов и, наконец, оригинальных текстов. Большой вклад в развитие научного стиля русского языка внёс М. В. Ломоносов, разработавший теорию «трёх штилей», согласно которой научный стиль назывался «средним штилем». Особенности научного стиля в XX веке стали объектом изучения в работах Ю. С. Сорокина, Л. Л. Кутиной, О. А. Лаптевой, А. В. Степанова, М. Н. Кожиной, Т. Б. Трошевой.

В отечественной лингвистике М. Н. Кожиной было предложено выделение двух периодов в развитии научного стиля на основании, с одной стороны, истории развития науки и, с другой — стилистики текста [Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. 1994: 85]. Первый период (2-я половина XVIII — 60-е гг. XIX вв.) отличается рецептуарным изложением: в XVIII веке научный текст — «беллетризованное повествование на естественные темы» [Степанов 1966: 83], в практике научного исследования господствует наблюдение, в изложении — описание. К середине XIX века актуальной становится задача анализа накопленного материала, что определяет доминирующее положение жанра рассуждения, подтверждая положение о том, что «стиль мышления зависит от состояния науки» [Трошева 2000: 48]. В это же время нарастает интерес к науке в обществе, требуя от учёных популярного изложения знаний, осознанию ими необходимости «общедоступности» в представлении научных открытий [Сорокин 1972: 186].

В статье рассмотрен 1-й этап II периода развития научного стиля (60-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в.). Этот период характеризуется большим количеством научных открытий, процессом дифференциации наук, отработкой научной терминологии. Все отмеченные обстоятельства приводят к жанровым изменениям: во 2-й половине XIX века доминирующими становятся научные заметки, которые и являются предметом нашего рассмотрения.

Мы обратились к рассмотрению заметок по геологии, опубликованных во II период развития научного стиля. Были отобраны заметки, посвящённые геологии, относящиеся к концу 1880-х

гг.: «Заметка о Кунгурских пещерах» Е. С. Фёдорова (1883), «Заметка о нахождении меловых и валунных отложений в приуральской части Северной Сибири» Е. С. Фёдорова (1887), «Заметка о девонских отложениях оз. Колтубана в Южном Урале» П. С. Назарова (1886), «Заметка о нижнесилурийских отложениях Царства Польского» А. П. Карпинского (1886), «Заметка о нефрите и жадеите с Восточного Памира» И. В. Мушкетова (1889). К ним примыкают и «Заметки сибирского геолога» В. А. Обручева, изданные в 1953 году, однако описывающие экспедиции, проходившие в 1880–1890-х гг. Помимо указанных было обнаружено большое количество опубликованных в научных журналах заметок на тему геологии, что станет предметом количественного анализа. Отметим, что к жанру заметки обращался и Д. И. Менделеев: «Заметка о теплоте горения углеводородов» (1882), «Предварительная заметка об определении высот дифференциальным барометром» (1873).

Формирование геологии как науки в России началось во 2-й половине XVIII века, что было обусловлено открытием множества месторождений и развитием горнозаводской промышленности. Приказом Екатерины II было основано первое Горное училище в 1773 г. в Петербурге. Эта дата стала днем рождения всего высшего технического образования Российской империи. Геологи, чьи заметки рассматриваются в статье, были выпускниками и профессорами этого учебного заведения.

Цель статьи — выявить жанрообразующие характеристики заметки как научного текста. В исследовании применяется лингвостилистический метод анализа текста, при котором определяется стилевая организация текста, выявляются языковые, речевые функционально-стилевые и стилистические средства [Сердобинцев, Кадькалова, Кан 1980: 63].

Жанр «заметка», который определяется как «Краткая запись о чем-л.» [МАС 1981: 543]. В настоящее время широко распространён в журналистике, чаще всего это газетные заметки.

Обратимся к количественному анализу с целью проследить частотность употребления заметок в научных текстах и, в частности, в текстах по геологии. Заметки в НКРЯ относятся к периоду

с 1901 г. по настоящее время. Данные из корпуса русского языка приведены в таблицах.

Таблица 1. Частотность употребления заметок по тематике текста

Естественные науки	2261
Прикладные науки	7832
Гуманитарные науки	10849

Таблица 2. Частотность употребления заметок в естественных науках

Геология	96
Химия	321
Физика	106
Природа	1212

Данные таблицы демонстрируют частотность употребления заметок в нехудожественных текстах. За всё время нами было выявлено 25285 заметок. Число заметок по геологии — 96, из них 56 заметок относятся к периоду с 1901 по 1927 год, т.е. больше половины публикаций, что свидетельствует о высокой частотности употребления этого жанра в текстах по геологии в конце XIX — начале XX вв.

Из-за неполноты представления в Национальном корпусе научных текстов XIX века было принято решение обратиться к количественному анализу на базе каталога Российской Национальной Библиотеки (РНБ). Одним из критериев анализа был поиск заметок по геологии, опубликованных с 1860-го по 1930-й год. Всего за этот период было обнаружено 1485 заметок по естественным наукам. Из них 79 — по геологии, что составляет 5% от общего количества.

Таким образом, на основании проведённого количественного анализа можно сделать вывод о том, что в научной сфере конца XIX — начала XX вв. обращение к жанру заметки было распространённым явлением. Это могло быть связано с характером науки рассматриваемого периода, ориентированной на накопление научных фактов: на наблюдение и описание. Отметим также, с одной стороны, высокий уровень культуры ли-

тературной речи учёных, с другой — динамические процессы в формировании научного стиля, что привело исследователей языка этого времени к заявлению о том, что сложно «проследить грань между беллетристическим и научным произведением» [Лаптева 1968: 133]. В изучаемый период нормы научной речи ещё не были столь чётко проявлены.

Выделим основные особенности заметок конца XIX — начала XX вв.

I. Жанрообразующие характеристики

1. Небольшой объём. Объём каждой заметки составляет не более 25 страниц.

2. Оперативность. Заметки были написаны вскоре после экспедиций, вероятно, для документирования первых результатов. Например, заметка Е. С. Фёдорова «Заметка о нахождении валунных отложений в приуральской части Северной Сибири» начинается следующим образом: «**В этом году** мне в качестве геолога Северной Экспедиции, уже четвертое лето снаряжающейся Горным Ведомством для исследования Северного Урала, пришлось осмотреть довольно значительную площадь прилегающей к Уралу части Сибирской равнины в пределах от 62-63° сев. шир.» [Фёдоров 1887: 1]. Данная заметка была написана в том же году, в котором проходила экспедиция, что свидетельствует об оперативности в качестве одного из критериев заметки как жанра.

3. Конкретная тематика. Предметом описания заметок является природный объект (пещера, озеро, нефрит и жадеит, меловые и валунные отложения).

4. Последовательность изложения материала.

Каждая изученная заметка обладает чёткой структурой изложения материалов исследования:

- **сначала** исследователь описывает **опыт своих прошлых работ**:

«Несколько лет тому назад мною были описаны образцы нефрита из долины Яркенда...» [Мушкетов, 1889: 1]; «В мае 1888 г. я закончил начатое в 1886 г. геологическое исследование Закаспийской области и вернулся в Петербург для составления полного отчета о работах, которые вел под руководством профессора Горного инсти-

туда И. В. Мушкетова» [Обручев 1953: 5].

- **затем** даётся **обзор исследований предшественников**:

«К одним из наиболее замечательных результатов исследований А. О. Михальского в ЮЗ части Царства Польского относится открытие в Сандомирском или Келецком крае нижнесилурийских осадков, <...>» [Карпинский 1886: 1]; «Как известно, последняя пещера привлекала много наблюдателей, оставивших её описания, начиная с середины прошлого столетия до настоящего времени. Первым посетившим и описавшим пещеру считается Strahlenberg» [Фёдоров 1883: 1]; «Названными учёными были описаны совершенно обособленные отложения девонской системы, обнажающейся в берегах этого озера, <...>» [Назаров 1886: 1];

- **далее** в некоторых изученных заметках приводятся **обстоятельства отправления в экспедицию**:

«В конце лета 1888 г. проф. И. В. Мушкетов, который, очевидно, был доволен моей работой на Закаспийской ж. д., предложил мне занять только что учрежденную министерством должность штатного геолога Иркутского горного управления» [Обручев 1953: 6]; «Для осмотра нефритовых копей г. Громбчевский должен был предпринять продолжительную и полную лишений экскурсий в сторону от его прямого пути и преодолеть большие затруднения» [Мушкетов 1889: 2];

- **в основной части заметки** даётся **описание природных объектов**:

Например, Е. С. Фёдоров в «Заметке о Кунгурских пещерах» сначала описывает местность, где расположена пещера, затем возвышенности, где проходят разветвления пещеры, далее ледяную пещеру и её конкретные параметры (процессы, проходящие в пещере, горные породы, причины охлаждения пещеры). П. С. Назаров в «Заметке о девонских отложениях оз. Колтубана в Южном Урале» также начинает основную часть исследования с описания местности: холмов вокруг озера, образующих девонские отложения, приводится подробное описание каждого берега озера. И. В. Мушкетов в «Заметке о нефрите и жадеите с Восточного Памира» также начинает с описа-

ния местности: реки, ущелья, далее переходит к описанию нефрита, в первую очередь, описывая его наружный вид, а во-вторых, его внутреннюю структуру;

- **в заключительной части** приводятся сделанные **выводы**;

- во многих заметках в конце дана аннотация на французском языке;

- большинство заметок по геологии сопровождаются иллюстративными материалами.

II. Языковые средства

1. Термины, терминологические словосочетания, обеспечивающие достоверность изложения материала исследования, соотнесение научной информации с известными в изучаемый период в науке данными и обозначение новых выводов или закономерностей:

«Породу эту трудно подвести под строго определённый **петрографический термин** и, пожалуй, ближе всего её назвать **глинистым сланцем**» [Фёдоров 1887: 11]; «В виду проявления интенсивной **дислокации** в области залегания нефритов, как в Раскем-дарье, так и Шахидулле, мне кажется, первичное и массовое превращение **пироксеновых пород** в **роговообманковые** обязано главным образом **динамометаморфизму**» [Мушкетов 1889: 12].

2. Повествование от первого лица. Данное повествование используется во всех рассмотренных заметках:

«**Как я сказал выше**, пещера встречает путешественника во льде и снеге, <...>» [Фёдоров 1883: 8]; «В виду интереса, представляемого известняками оз. Колтубана, **я воспользовался** представившимся мне прошлым летом случаем посетить Колтубан, имея целью выяснить горизонты названных известняков и собрать возможно полную коллекцию ископаемых из различных отделов этих отложений» [Назаров 1886: 2]; «Мне пришлось искать себе службу на каком-либо руднике или прииске, подобно 36 товарищам по выпуску 1886 г., избравшим своей специальностью не геологию, а горное дело» [Обручев 1953: 6]; «Некоторые интересные подробности о способе добывания нефритовых валунов любезно **сообщил мне** А. Н. Куропаткин, слышавший их лично от кашгарцев»

[Мушкетов 1889: 8]; «В виду той важности, какую вопрос этот имеет в научном отношении и по отношению к геологической картографии Келецкого края, **я решаюсь** теперь же указать на нижеследующее обстоятельство» [Карпинский 1886: 2].

Учёный-исследователь ярко вербализирован в научном тексте. При повествовании от 1-го лица учёный выступает центром изображения и точкой отсчета, структура описания строится вокруг него. На основании данного наблюдения, заметки также можно отнести к «эго-документам» (термин, введённый в 1950-е гг. культурологом Жаном Прессером), в которых исследователь представлен одновременно и пишущим, и присутствующим [Кравцов 2016: 4]. Эго-документы характеризуются наличием прямого авторского высказывания, достоверностью фактов и подвижностью границ жанров.

3. Включение адресата в процесс исследования:

«Проползши несколько шагов в постепенно расширяющейся щели, **мы вступаем** в обледенелый грот, из которого, снова проползши по тесным и низким коридорам, **мы проходим** через ряд других гротов, зал или камер, промерзших и покрытых густым слоем снега и льда» [Фёдоров 1883: 7].

Роль наблюдателя, «очевидца» событий обеспечивает подвижность излагаемых фактов. Следует отметить, что все глаголы, с которыми употребляется форма 1-го лица множественного числа, обозначают перемещение в пространстве (вступаем, проходим). Позднее данная форма употребления местоимения «мы», обозначающая включение адресата в исследование, ушла в область ментальной деятельности: рассмотрим, приведём.

4. Авторские отступления

В приведённых заметках научное изложение соседствует с описанием быта и жизни учёного. Исследователь может рассказать историю о своём дедушке, выразить благодарность в конце заметки, поделиться личными переживаниями, рассказать о болезни или подробностях своего общения с руководством:

«Мой почтенный дедушка, Андрей Григорьевич Пиликин, отличающийся редкой наблюда-

тельностью, <...>» [Фёдоров 1883: 5]; «Считаю долгом выразить в конце своего маленького труда искреннюю благодарность И. В. Мушкетову, с величайшею готовностью дававшему мне литературные указания и взявшему на себя труд просмотреть изложенного в рукописи» [Фёдоров 1883: 25]; «Я, конечно, согласился, хотя, заняв ее, должен был отказаться от надежды вернуться в близком будущем к исследованиям в Средней Азии» [Обручев 1953: 6]; «Пройдя спуск, я почувствовал полное изнеможение, ноги тряслись и подкашивались, я чувствовал головокружение и тошноту, а вскоре началась рвота желчью» [Мушкетов 1889: 3]; «В Иркутске во второй половине октября я явился к начальнику Восточно-Сибирского горного управления, горному инженеру Л. А. Карпинскому (родственнику А. П. Карпинского, моего учителя по Горному институту)» [Обручев 1953: 6].

Личная манера изложения в научных текстах привносит художественный элемент в повествование. Автор, который делится с читателем личными подробностями при проведении исследования, повышает уровень достоверности текста в глазах адресата.

5. Афористичность

«Краткость приводит к афористичности языковых средств» [Смулаковская 2006: 21]. В статье Д. А. Щукиной «Научная публицистика как отражение идиостиля ученого» [Щукина 2018] приведён подробный анализ тропов из «Заметки о Кунгурской пещере» (*геологический орган, наподобие челюстей*). Большое число тропов наблюдается в заметке И. В. Мушкетова «О нефрите и жадеите с Восточного Памира»: *мы умирали от жажды, двигаясь черепашиным шагом, самые варварские понуждения, громадные глыбы нефрита, «нефрит оказался настолько твёрдым, что я не мог отбить от него ни кусочка», «геологический молоток крошился как стекло».*

Афористичность является одним из признаков личного стиля автора.

Таким образом, на основании проведённого анализа, можно сделать вывод, что заметка как жанр научного текста была широко распространена в конце XIX — начале XX вв. Количественный анализ заметок в корпусе русского языка

и электронном каталоге РНБ (79 — заметок по геологии в период с 1860 по 1930 гг.) выявил частотность обращения исследователей к данному жанру. Это указывает на то, что этот жанр был принят в научной сфере в период с 1860 по 1930 гг. Цель автора-учёного — информировать научное сообщество о результатах исследования. Были выявлены жанрообразующие характеристики заметки: небольшой объём, оперативность, конкретная тематика (описание природного объекта), чёткая структура изложения материалов исследования. Были описаны языковые средства, используемые в текстах заметок по геологии. С одной стороны, широкое употребление терминов и терминологических словосочетаний которые обеспечивают достоверность изложения материалов исследования: в текстах заметок моделируется объективная научная картина мира (или её фрагмент). Но, с другой стороны, учёный-исследователь ярко вербализирован в тексте. Вербализация достигается повествованием от 1-го лица; построением структуры повествования вокруг автора; включением читателя (специалиста-геолога) в свой круг. Также характерной чертой идиостиля исследователей-учёных является беллетризованность изложения, достигаемая включением в научный текст тропов. Беллетризованность выступает как личная черта автора.

Выделенные в результате анализа характеристики заметок конца XIX — начала XX вв. позволяют рассматривать заметки как жанр, соединяющий черты научных и беллетристических текстов, что было определено, как мы указывали, высоким интересом к науке в обществе в то время и что в какой-то степени характерно и для настоящего времени.

ИСТОЧНИКИ

1. *Карпинский А. П.* Заметка о нижнесилурийских отложениях Царства Польского. Спб.: тип. А.Якобсона, 1886.
2. *Мушкетов И. В.* Заметка о нефрите и жадеите с Восточного Памира. Спб.: Тип. А.С. Суворина, 1889.
3. *Назаров П. С.* Заметка о девонских отложениях оз. Колтубана в Южном Урале. Спб.: тип. А.Якобсона, 1886.
4. *Обручев В. А.* Заметки сибирского геолога // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 2. М., 1953.
5. *Фёдоров Е. С.* Заметка о Кунгурских пещерах. Спб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1883.

6. *Фёдоров Е. С.* Заметка о нахождении меловых и валунных отложений в приуральской части Северной Сибири. Спб.: тип. А.Якобсона, 1887.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравцов А. Н.* Эго-документы эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949-1974). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2016.
2. *Лаптева О. А.* Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
3. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorgo.ru
4. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. / Под ред. М.Н.Кожинной. Т.1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Ч.1. - 1994. - 301 с. Пермь, 1994.
5. *Сердобинцев Н. Я., Кадькалова Э. П., Кан Ю. Н.* Лингвистический и стилистический анализ текста. Саратов, 1980.
6. Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). В 4-х т. М., 1981–1984.
7. *Смулаковская Р. Л.* Заметка как фрагментарный жанр (некоторые типичные средства моделирования) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2008. № 2 (8). С. 20-23.
8. *Сорокин Ю. С.* Язык науки и литературный язык // Художественное и научное творчество. Л., 1972. С. 178-193.
9. *Степанов А. В.* Проблемы стиля научно-популярной литературы // Вопросы стилистики. М., 1966. С. 83-87.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006.
11. *Трошева Т. Б.* Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII - XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2000.
12. *Шукина Д. А.* Научная публицистика как отражение идиостиля ученого // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. СПб., 2018. №6. С. 1320-1325.

REFERENCES

1. Kravtsov A.N. (2016) Ego-dokumenty russkoi emigratsii XX veka: na material publikatsii zhurnala "Vozrozhdenie" (Parizh, 1949-1974) [Ego documents of the Russian emigration: on the material of magazine "Vozrozhdenie" publications (Paris, 1949-1974)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Author's abstract of candidate of philological sciences dissertation]. Moscow. (In Russian)
2. Lapteva O.A. (1968) Vnutristilevaya evolyutsiya sovremennoi russkoi nauchnoi prozy [Intra-style evolution of the modern Russian scientific prose]. In Razvitiye funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo yazyka [Development of functional styles in the modern Russian literary language]. Moscow (In Russian)
3. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National

Corpus]. Available at: ruscopora.ru

4. Oчерки po istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII-XIX vv. pod red. M.N. Kozhinoi (1994) [Essays on history of the Russian scientific style of the 18th-19th century edited by M.N. Kozhina]. Perm. (in Russian)

5. Serdobintsev N.Y., Kad'kalova E.P., Kan Y.N. (1980) Lingvisticheskii i stilisticheskii analiz teksta [Linguistic and stylistic text analysis]. Saratov. (In Russian)

6. Shchukina D.A. (2018) Nauchnaya publitsistika kak otrazheniye idiosilya uchenogo [Scientific journalism as scientist's idiostyle reflection]. In Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v Rossii [The dynamics of the language and cultural processes in Russia], no 6, pp 1320-1325. Saint-Petersburg. (In Russian)

7. Slovar' russkogo yazyka pod red. A.P. Evgen'voi (MAS). (1981-1984) [Russian language dictionary edited by A.P. Evgen'eva (MAS)]. Moscow. (In Russian)

8. Smulakovskaya R.L. (2008) Zаметка kak fragmentarnyi zhanr (nekotorye tipichnye sredstva modelirovaniya [A note as a fragmentary genre (some typical constituents of the model)]. In Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. [Science Journal of Volgograd State University.

Linguistics] No 2 (8), pp 20-23. Volgograd. (In Russian)

9. Sorokin Y.S. (1972) Yazyk nauki i literaturnyi yazyk [The language of science and literary language]. In Hudozhestvennoye i nauchnoye tvorchestvo [Fiction and scientific writing]. Leningrad, 1972, pp 178-193. (In Russian)

10. Stepanov A.V. (1966) Problemy stilya nauchno-populyarnoi literatury [Stylistic issues of popular scientific literature]. In Voprosy stilistiki [Questions of stylistics]. Moscow. (In Russian)

11. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka pod red. M.N. Kozhinoi (2006) [Stylistic Encyclopedical Dictionary of the Russian language edited by M.N. Kozhina]. Moscow. (In Russian)

12. Trosheva T.B. (2000) Formirovaniye rassuzhdeniya v protsesse razvitiya nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII-XX vv. (sopostavitel'no s drugimi funktsional'nymi raznovidnostyami) [Development of discourse in the course of scientific style evolution in the Russian literary language of the 18th-20th century (comparing to other functional types)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Author's abstract of candidate of philological sciences dissertation]. Ekaterinburg. (In Russian)

[хроники]

В. И. Толстой. Чтение в цифровую эпоху

(Начало на с. 20)

то сегодня нужно подумать о том, что есть два принципиально отличающихся друг от друга способа, два разных метода чтения. Это как будто бы даже два разных явления, просто называющихся пока одним и тем же словом, потому что есть, сохраняется еще чтение фундаментальное, глубокое, неспешное. Это такой диалог читающего с пишущим, читателя и автора, где идёт глубокое погружение в художественный текст и создание каких-то миров во время этого чтения. И чтение совсем другое – чтение поверхностное, необходимое просто для того, чтобы быстро получить какую-то информацию.

Если мы не хотим себя обеднять, если мы хотим оставаться людьми творческими, интересными, интеллектуальными, мы не должны подменять одно другим. Мы должны пользоваться тем, что дают современные технологии. Нужно, конечно, ориентироваться во всех новинках цифрового пространства, но при этом, если есть желание, быть, если хотите, особенным – это тоже становится признаком некоей, в самом лучшем смысле этого слова, элитарности.

Как хорошее высококачественное образование, так и умение, искусство читать по-настоящему делают тебя даже в конкурентной современной среде человеком более успешным, умеющим и знающим больше, способным не только на воспроизведение информации, но и на творчество, на способность что-то придумывать, созидать, фантазировать, изображать.

Поэтому мне кажется, что это будет существовать еще долгие-долгие-долгие годы, десятилетия и столетия вместе. Книга умрёт только вместе с самим человечеством. Я очень надеюсь, что это не грозит ни одному, ни другому.

И конечно, очень важно каждой нации, каждому языку, каждому этносу сохранить свой язык, свои лучшие произведения, которые писались и копились, накапливались десятилетиями, столетиями. Только на этой основе можно продолжать развиваться. Только сохранив прошлое, можно смотреть в будущее. Это прямо касается и русского языка, и Русского мира. Если мы хотим сохранить Русский мир, мы должны сохранять русский язык и всё лучшее, что на нём когда-либо было написано.

«ГОРОДА И ВЕСИ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

ALEKSANDR V. SAVCHENKO, KHMELEVSKI S. MIKHAIL
RUSSIAN TOPONIMICAL PHRASEOLOGY
FROM THE CONCEPTUAL AND LINGUACULTURAL POINT OF VIEW

Александр Викторович Савченко

Кандидат филологических наук,
ассистент-профессор
► savchenko75@mail.ru

Факультет славянских языков
и литератур Государственного
политического университета (Чжэнчжи)

ул. Чжинань, 64, сек. 2, 116, Вэньшань,
Тайбэй, Тайвань

Михаил Сергеевич Хмелевский

Кандидат филологических наук, доцент
► chmelevskij@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

Aleksandr V. Savchenko
Faculty of Slavic languages and literatures,
National Chengchi University

No.64 Sec.2, Zhinan Rd., 116, Wenshan,
Taipei, Taiwan

Khmelevski S. Mikhail
Saint Petersburg State University

199034, St. Petersburg,
Universitetskaya emb., 11

В настоящей статье представлен обзор наиболее частотных фразем, в т.ч. устойчивых сравнений в современном русском языке, содержащих топонимы, которые по той или иной причине стали своего рода этносимволами в русской культуре. Факт их употребления в живой речи зачастую обусловлен устоявшимся у носителя русского менталитета исторически и традиционно закрепившимися в языке ассоциациями, представлениями и символикой. Во многом это отразилось в устойчивых сравнениях, метафорах, устойчивых выражениях и языковых штампах, а также во фразеологии и современной разговорной речи. Многие из рассматриваемых топонимов являются этносимволами, и их употребление выходит далеко за рамки исключительно географической науки. Такие наименования, как, например, Москва, Киев, Тмутаракань, Урюпинск или Иваново, Тверь, Рязань и т.д., а также регионы, напр., Урал или Камчатка и даже названия стран, напр. Польша, Бразилия и многие другие давно уже получили нарицательное значение и вызывают определенный, зачастую стереотипный, но устойчивый в русском сознании ассоциативный ряд. Они также нередко выступают и в качестве ключевого компонента фразеологических единиц. Данной теме посвящена настоящая статья, где затронутая проблематика освещена в научно-публицистическом стиле и может представлять интерес не только для филолога-русиста, но и иностранного студента, изучающего русский язык и русскую культуру.

Ключевые слова: фразеология, паремология, идиоматика, культурология, концептуальная топонимика, русский язык, топоним, ойконим

Given article represents an overview of the most commonly used idioms, phraseological units, stable comparisons in modern Russian, containing toponyms that for one reason or another have become a kind of ethnic symbols in Russian culture. The fact of their use in everyday live speech is often determined by associations, imaginations and symbolics historically and traditionally entrenched in the bearer of the Russian mentality and fixed in the language. This is largely reflected in stable comparisons, stable expressions, metaphors and language cliché, as well as in phraseology and modern colloquial language. Many of analyzed toponyms are traditional ethnic symbols, and their use goes far beyond purely geographical science. Such nominations as, for instance, Moscow, Kiev, Tmutarakan, Uryupinsk, or Ivamovo, Tver, Ryazan etc., as well as regions, for example, Ural or Kamchatka, and even the names of the countries, e.g. Poland, Brazil and many others have long been given a common noun meaning and evoke a certain, as a rule stereotypical, but stable associative row in Russian consciousness. They often also act as a part of a key component of the phraseological units. The article is devoted to this question, where given problem is represented in popular science style and could bring interest not only to a philologist-Russianist, but also to a foreign student studying Russian language and culture.

Keywords: phraseology, paremiology, idiomatic, cultural studies, conceptual toponymy, the Russian language, toponym, oikonym

Различные типы топонимов, в том числе и ойконимы, а именно названия городов, регионов, стран, встречающиеся в основе метафорической модели устойчивых языковых единиц, формируют большую группу фразеологизмов (фразеологических единиц, ФЕ) и паремий. Эти ФЕ различны как по своей тематике, значению, стилистике, так и по лингвистической природе своего происхождения. Их объединяют только метафорическая и структурно-семантическая модели, в основу которых положен тот или иной топоним, выступающий в качестве основного компонента с определенным семантическим и ассоциативным наполнением. Во фразеологии он зачастую, помимо географической соотнесенности, приобретает метафорическое значение, порой теряя непосредственную связь с самим населенным пунктом, как, например: *сирота казанская, рязанская баба, Москва слезам не верит, язык до Киева доведет, в Багдаде всё спокойно, ехать в Тулу со своим самоваром, сидеть на Камчатке* и многие другие, которые будут более детально рассмотрены в настоящей статье.

Среди обозначенных языковых единиц встречаются как «классические» ФЕ, давно зафиксированные фразеологическими словарями, так и фразеологизированные выражения-неологизмы, часто возникающие на основе различных прецедентных текстов: это могут быть, например, строки из популярных песен, узнаваемые цитаты из художественной литературы, ставшие расхожими фразы из популярных кинофильмов, песен или даже фрагменты из анекдотов, а также цитаты (в первую очередь – фразеологические кальки) из произведений мировой, в основном европейской культуры, которые были перенесены на русскую языковую почву (в оригинальной или трансформированной форме) либо по-своему интерпретированы и трансформированы русским сознанием.

При анализе основы метафорической модели указанных ФЕ в большинстве фразеологизмов с компонентом-топонимом мы находим как реальные названия населенных пунктов, городов, стран, континентов (*Северная Пальмира, ты что – с Урала?, открыть Америку* и т.п.), так и «мифические», вымышленные топонимы, среди которых встречаются также и звукоподражательные (иногда с намеком на реально существующий город), имеющие как правило ирони-

ческий характер и отличающиеся повышенной экспрессией (*Мухоморанск, Засранск – Москвабад, Ебург* и т.п.). Экспрессивность – это характерное свойство как фразеологизмов вообще, так и фразем, ФЕ с ойконимами в частности. Как отмечает А. В. Уразметова, для подобного рода устойчивых единиц характерно определенное метасемиотическое свойство, а именно отсутствие стилистической нейтральности. Их предпочтительное употребление в ряде случаев вместо соответствующих синонимических свободных словосочетаний свидетельствует о том, что они несут в себе несомненную экспрессивную окрашенность, то есть не только обозначают явление как таковое, но до какой-то степени выражают отношение к нему говорящего [Уразметова 2009: 422], а также порождают определенный ассоциативный ряд в сознании носителя русского менталитета и культуры.

Рассматривая некоторые отличительные черты структурно-семантической модели данных единиц, по частиречной составляющей их можно разделить на две группы: 1) с компонентом-существительным (собственно топонимом, например: *ехать в Тулу со своим самоваром*) и 2) исконно притяжательным прилагательным, перешедшим во фразеологии в разряд качественных, образованным от топонима (например: *Курск – курский соловей*: а) «обладающий красивым голосом», б) иронично: «выходец из Курской области», *Белгород – устар. белгородский кисель* «хитрый, ловкий обман» и т.п.).

Говоря о механизме возникновения топонимических фразеологизмов в целом, согласимся с мнением Т. В. Федотовой, которая отмечает, что процесс метафоризации в области топонимических наименований заключается в переходе апеллиатива в оним, причем апеллиатив, чаще всего не имеющий экспрессивной окрашенности, онимизируясь и становясь метафорой, приобретает экспрессивно-эмоциональную окраску, отражающую субъективные признаки географического объекта, пропущенные через субъективное восприятие объекта человеком [Федотова 2008: 48].

Как правило, ФЕ, основой метафорической модели которых является топоним, фиксируют определенные исторические, культурологические и социальные реалии, особенности национальных черт характера и его специфику. В них в определенной степени отражаются традиции и обычаи того или иного народа. По справедливо-

музамечанию Г. Р. Захаркиной, топонимы обладают множеством ассоциаций (историко-культурных, литературных), которые знакомы любому носителю языка [Захарина 2008: 25].

Рассмотрим наиболее иллюстративные и частотные в языке фраземы и фразеологические единицы, распределив их на группы: 1) фраземы и фразеологизмы, в которых ключевым по значению компонентом является непосредственно сам топоним, 2) устойчивые языковые единицы (resp. устойчивые сочетания), где в качестве базового компонента выступает прилагательное, образованное от топонима, а также 3) ФЕ и фраземы с квазитопонимами (т.е. нереальными, вымышленными топонимами), которые как правило также вызывают определенный ряд образных ассоциаций эмоционально-экспрессивного характера.

Отдельную группу фразеологизированных выражений с компонентом-топонимом составляют также единицы перифрастического характера, а также особые устойчивые (resp. фразеологизированные) выражения, обозначающие определенные реалии и как правило представляющие собой концептуальные (или же в определенной степени стереотипные) понятия в русской культуре (*тульский самовар, тульский пряник, оренбургский пуховый платок, астраханские арбузы, алтайский мед, вологодское кружево* и т.п.).

Проанализируем конкретные примеры в соответствии с предлагаемой здесь нами классификацией: а) по признаку реальности – нереальности топонима; б) по источнику происхождения; в) по структурно-семантической модели.

1. К топонимическим ФЕ относятся единицы, в основе метафорической модели которых использованы реальные названия местности (города, страны и т.п.). К наиболее частотным отнесем такие «традиционные» ФЕ и паремии, как: *ездить в Тулу со своим самоваром, язык до Киева доведет, в огороде бузина, а в Киеве дядька, Москва не сразу строилась, Москва слезам не верит, ехать в Москву разгонять тоску, муж в Тверь, жена в дверь, ехать в Москву через Владивосток* (реже: *через Тамбов*), т.е. – «добираться окольными путями» и мн. др. Достаточно большое количество подобных ФЕ, например, *один глаз на нас другой на Арзамас* – «о раскосом человеке», *до Москвы не перевешаешь* – «очень много», *Москва бьет с носка (а Питер бока powyтер)* – пословица, в которой нашли отражение исторические реалии (опреде-

ленные правила проведения борцовских поединков [БМС 2005: 448]) и др., которые вышли на периферию и являются устаревшими, малоупотребительными или стилистически маркированными.

Историческим и культурологическим контекстом мотивированы и такие топонимические ФЕ, как *как швед под Полтавой* – «погибнуть, пропасть неизвестно где» или менее частотное *пропал как француз в Москве* – «сгореть, бесследно исчезнуть» [Кузнецова 1998: 23].

Некоторые ФЕ, еще относительно недавно считавшиеся неологизмами, с течением времени могут утрачивать свою актуальность (например, в виду увеличивающегося временного отступа с момента данного события), а следовательно, постепенно теряют актуальность и выходят из активного употребления, как это, в частности, произошло с выражением *ежик из Чернобыля* (см. также далее – *чернобыльский ежик*) – «о лысом человеке, лысине», которое по-прежнему фиксируется словарями, но практически не встречается в разговорной и письменной речи.

Помимо упоминаний русских топонимов (resp. связанных с русской историей и культурой), в языке – во фразеологии и паремииологии – встречаются также и иностранные топонимы. Это как правило популярные и хорошо известные в европейской мифологии и истории города, места, регионы и т.п. Назовем, в частности, расхожие выражения *все дороги ведут в Рим* – «то или иное действие приводит к определенному результату, в определенное место», *быть в Риме и не видеть папы (римского)* – «не увидеть самого главного где-л.», *как фанера над Парижем (пролететь)* – «об упущенной возможности, оказаться не у дел, потерпеть неудачу», *отправиться в Мекку* – «уйти/уехать в место, о котором человек давно мечтал». Примечательно разговорное шутовское устойчивое сочетание *я в этом не Копенгаген (а скорее Осло)*: оно демонстрирует еще один способ образования подобных устойчивых экспрессивных единиц, несущих в себе повышенный заряд иронии, шутки, а иногда даже сарказма. Он заключается в фонетическом обыгрывании определенного топонима, как правило с отсылкой к конкретному подразумеваемому и намеренно искаженному слову. В данном случае «Копенгаген» созвучно «компетентен» – осведомлен; Осло созвучно «осёл» – тупица [Белянин, Бутенко 1994: 181].

Среди топонимических ФЕ в русском языке наиболее часто встречается топоним *Москва* (что вполне объяснимо с историко-культурологической точки зрения: важность города в русской истории, его роль как столицы, важного политического, религиозного, делового, культурного центра страны) в качестве компонента русских ФЕ, паремий и различных по происхождению и значению устойчивых сочетаний, объединяет которые один общий категориальный признак – узнаваемость в обиходной речи и частотность их употребления. В этом смысле приведем лишь несколько примеров: *Москва слезам не верит; Москва не сразу строилась; не слишком частотные сегодня выражения в Москве рубят, а в Киеве щепки летят; Москва далека, а сердцу близка; один в Москве, а второй в Вологде; Москва от копеечной свечки сгорела; говорят, в Москве кур доят* (о сплетнях) и многие другие.

Шутливо-ироничным фразеологизмом-присловьем является и разговорное выражение *Москва – Воронеж, фиг (хрен) догонишь* (, *а догонишь – фиг (хрен) возьмешь*) в значении «невозможно догнать к-л или ч-л». Популярности фразы отчасти способствовал фильм «Хочу в тюрьму» (реж. А. Сурикова, 1998 г.), где ее можно услышать в речи одного из героев. Заметим, что в основе образа – не просто названия двух городов, а отсылка к маршруту некогда популярного поезда, на котором жители глубинки приезжали в столицу за покупками.

Назовем также популярные и частотные в речи топонимические ФЕ, в которых в качестве ключевых компонентов выступают такие топонимы-названия регионов, стран и континентов, как *на Камчатке (сидеть)* – «в школе на задней парте», *открыть Америку* – «сказать о том, что давно известно», *смешить Европу* – «вызывать насмешки своими действиями или поведением», *пустите Дуньку в Европу* – «о восторженном отношении и невежестве в приличном месте» (фраза из пьесы К.А. Тренева «Любовь Яровая»), *как до Китая пешком* (чаще вульг. *раком*) – «очень далеко» и др. Выражение *в Греции всё есть* – перифраз из рассказа А.П. Чехова «Свадьба»: *Это в России нищего нету, а в Греции всё есть* – «всё и с излишком» [БСРНС 2008: 151]. Концептуальная и ставшая прецедентной благодаря пьесе А.П. Чехова «Три сестры» фраза *В Москву, в Москву!* в ироническом смысле часто употребляется

в разговорной речи в значении «желание, нереальная мечта уехать от надоевшей бытовой, провинциальной, мещанской суеты и повседневного однообразия». Ср. пример из разговорной речи: *Как мне здесь всё надоело и всё достало! – В Москву, в Москву!* – т.е. что-л. изменить обстановку, причем без соотнесения с конкретным городом. В качестве аналогичного случая употребления прецедентного топонима можно привести и такую крылатую фразу из текста комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», как *В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов*, где лексема *Саратов* в разговорной речи выступает уже не как имя собственное, а как нарицательное в значении «скрыться, уехать далеко, в провинцию, чтобы уединиться и обрести покой, убежать от суеты». Крылатой стала еще одна фраза из этой же пьесы – *французик из Бордо* [БСРП 2007: 704; БМС 2005: 725], однако она уже постепенно выходит на периферию употребления.

Некоторые выражения пришли в обиходный язык и просторечие из текстов и высказываний современных авторов, как, например, в случае с расхожим шутливо-ироничным выражением: *Не ту страну назвали Гондурасом*, которую впервые произнес музыкант, радио- и телеведущий шоумен Н. Фоменко. Название страны – *Гондурас* – в русском жаргоне нередко обыгрывается по созвучию для эвфимизации в ситуации, не позволяющей употребить пейоративное слово или фразу, которые фонетически ассоциируются с табуизированной или жаргонной лексикой (*кондом, гондон*) [ССЛЖ 2014]. Ему же принадлежит авторство и другой ставшей распространенной фразы: *Лучше колымить (калымить) в Гондурасе, чем гондурасить на Колыме*, где помимо названия страны обыгрывается русский регион – *Колыма*, который известен своим суровым климатом и тяжелым трудом заключенных.

Ряд ФЕ с топонимическим компонентом дают почву для жаргонного употребления. Так, например, одним из наиболее употребительных является ФЕ *ехать (поехать, съездить) в Ригу* – «рвота, тошнота в результате чрезмерного употребления алкогольных напитков». В данном случае выбор топонима обусловлен исключительно фонетическим созвучием слов *Рига* и «рвать» (жарг. *рыгать*), а не ассоциацией с конкретным городом [БМС 2005: 596].

Как показывают примеры, связанные с художественной литературой и часто даже не со-

относимые в сознании носителя языка с определенным источником, но вошедшие во фразеологический фонд, подобные фраземы как правило имеют цитатную соотнесенность: *Я вам не скажу за всю Одессу* – строчка из популярной песни (широко известна в исполнении М. Бернеса; *Париж стоит мессы (обедни)* – фраза, приписываемая Г. Наваррскому [БМС 2005: 517]. «Песенное» происхождение имеет и фраза *Было дело под Полтавой!*, которое в современном узусе употребляется, когда шутливо, в ироническом контексте говорится о каком-л. случае или приключении. Исконно сама строчка была взята из зачина старинной солдатской песни XIX в. [БМС 2005: 178-179].

С этой же точки зрения примечательной стала и крылатая фраза *увидеть Париж и умереть*. Ее «прообразом» послужила другое крылатое выражение, менее частотное, но фиксируемое в словарях – *увидеть Неаполь и умереть* (итал. *Vide Napule e po' tuogre*) [Серов 2005: 665]. При этом принято считать, что это итальянское выражение «пришло на смену» более древнему выражению *увидеть Рим и умереть*. Вероятнее всего, что в языковом обиходе Неаполь на Париж заменил И. Эренбург в своей книге «Мой Париж».

В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» встречается выражение, также ставшее расхожим в обиходной речи, – *как в лучших домах Филадельфии*, построенное по модели: «фраза «*как в лучших домах*» + название города в Род. падеже»: *как в лучших домах... Филадельфии ... Лондона ...* Тот или иной топоним в данном случае выступает уже не в значении конкретного населенного пункта, а в качестве любого элитного, богатого и дорогого места, что обыгрывается в ставшей крылатой фразе из кинофильма «Люди и манекены» (1974-75, реж. В. Храмов): *как в лучших домах Лондона и Парижа*.

Комический эффект может также создаваться и с помощью сочетания высокого и низкого стилей, где в качестве низкого выступают названия провинциальных городов (как реальных, так и вымышленных), например: *как в лучших домах Конотопа / Крыжополя* (оксюмороны, созданные путем сочетания *как в лучших домах* и названий мелких населенных пунктов в Сумской и Винницкой обл., фонетически ассоциируемых в русском сознании с пейоративной лексикой) [Елистратов 2002]. Аналогичное явление наблюдается и в полном варианте устойчивой фразы,

обычно усеченной до устойчивого сравнения *как в Париже: У нас как в Париже, только дома пониже да асфальт пожиже*, или название повести известного украинского писателя О. Ф. Черногуза «Аристократ из Вапнярки», где комический эффект строится уже на самом названии-оксюморе – *аристократ* и *Вапнярка* (захолустный городок в Винницкой области) [Савченко, Хмелевский 2018: 59].

Популяризации отдельных топонимических ФЕ способствует также и массовая культура, в первую очередь – кинематограф и музыкальное творчество (песни). Ярким примером может служить фильм «Москва слезам не верит» и исполняемая в нем песня, где есть строчка: «*Москва не сразу строилась*» (автор текста Ю. Визбор). ФЕ *увидеть Париж и умереть* тоже дала название популярному в 90-е гг. XX в. фильму режиссера А. Прошкина. Крылатая фраза *в Багдаде всё спокойно* – «ничего не происходит где-л.» – также вошла в языковой обиход и фразеологический фонд из кинематографа («Волшебная лампа Аладдина» (1966), реж. Б. Рыцарев [БМС 2005: 40]).

Шутливо-ироничная фраза *какие люди в Голливуде*, часто используемая при (неожиданной) встрече и ставшая устойчивой и широкоупотребительной языковой единицей, восходит к одноименной песне на стихи Л. Рубальской [Серов 2005: 287]. Образ *Голливуда*, равно как и *Парижа*, стереотипно закреплен в русском сознании как престижное, элитное место, где живут богатые успешные люди, известные актеры и знаменитые режиссеры (с той ассоциативной разницей в русской культуре, что *Париж* заключает в себе сему «богемной жизни, центра искусства, моды, идеала красоты», тогда как *Голливуд* вызывает представления об успешности, популярности, гламура и светского лоска).

Список топонимов, вошедших в язык и фразеологизированных благодаря массовой культуре, также можно продолжить названием страны *Бразилия*, которое стало расхожим в разговорной речи уже не как имя собственное после выхода фильма «Здравствуйте, я ваша тетья» (1975, реж. В. Титов), вошедшего в классику отечественного кинематографа. Фраза (*я*) *из Бразилии, где много-много диких обезьян* получила в разговорном языке значение «издалека, из далекого места; из малоизвестной экзотической страны». В связи

с эти нельзя не упомянуть и еще одну часто цитируемую для создания в речи комического эффекта фразу из русской кинематографической классики: *Ты что, с Урала?* – «о глупости, непонимании, провинциальности». Она стала популярной благодаря фильму «Самая обаятельная и привлекательная» (1985, реж. Г. Бежанов). В продолжение списка прецедентных выражений, вошедших в язык благодаря массовой культуре, нельзя не упомянуть и часто цитируемый фрагмент диалога – *Будете у нас на Колыме – милости просим! – Нет, уж лучше вы к нам* – в повседневной разговорной речи это шутливо-ироничное выражение употребляется в значении «приглашение в гости», но нередко с подтекстом – хоть и в гостеприимную, но далекую местность. Данная ставшая крылатой фраза вошла в активный речевой обиход из фильма «Бриллиантовая рука» (1968, реж. А. Гайдай). Примечательно, что нередко ее употребляют в искаженном виде: *Приезжайте к нам на Колыму!*, при этом в обоих случаях ответ подразумевается один и тот же: *Уж лучше вы к нам...*

Довольно большое количество крылатых выражений, содержащих топонимы, дает детская литература, в частности – стихи для детей. Одной из наиболее употребительных фраз стала цитата из стихотворения К.И. Чуковского «Бармалей» (1925): *Как я рад, как я рад, что поеду в Ленинград*, а также различные ее варианты, в частности: *Как я рад, как я рад, что я еду в Ленинград; Как я рад, как я рад, что мы едем в Ленинград* и т.п. В разговорной речи выражение обычно используется в значениях: 1) о предстоящей поездке куда-л.; 2) о радости, причем уже без соотнесения с определенным городом [Белянин, Бутенко 1994: 72].

Еще одним известным и популярным детским писателем, произведения которого дали значительное количество прецедентных текстов, является С. Я. Маршак. Приведем одну из его «топонимических» крылатых фраз из стихотворения «Вот такой рассеянный...» (1928): *Это что за остановка – Бологое или Поповка* – эта цитата также нередко используется в обиходном языке как шутивная форма вопроса без соотнесения с реально существующими населенными пунктами, а именно о непонимании места нахождения говорящего при езде на транспорте, в путешествии и т.д. [Серов 2005: 732].

Фразеологизированными выражениями (но не ФЕ в их «классическом» понимании) стали и крылатые фразы из прецедентных текстов типа: *от Москвы до самых до окраин* («Песня о Родине» на слова В. Лебедева-Кумача из кинофильма «Цирк» (1937), реж. Г. Александров), *Ташкент – город хлебный* (название романа А. С. Неверова; фраза стала популярна благодаря снятому по мотивам этого произведения художественного фильма; 1968 г., реж. Ш. Аббасов), *Вас вызывает Таймыр* (также по названию кинофильма) – приглашение подойти (обычно к телефону) [Белянин, Бутенко 1994: 29].

В ряде случаев для образования топонимических ФЕ используются уже готовые фразеологические модели. Ярким примером подобного явления можно считать варианты топонимических ФЕ, где в качестве ключевого компонента использованы названия стран: *курица – не птица, Болгария (Венгрия / Монголия / ГДР / Польша / Румыния / Чехословакия) не за граница*, построенные на основе ФЕ *курица – не птица, баба не человек* [Белянин, Бутенко 1994: 83], в семантике которых заложено ассоциативное противопоставление «близкое – далекое, социалистические – капиталистические страны». В настоящее время это довольно продуктивная модель, дающая целый ряд выражений-неологизмов, куда, в зависимости от темы и контекста, может быть «вставлена» любая страна, сравни, например: *курица – не птица, Белоруссия / Украина / Черногория* (и т.п.) *не за граница*.

1. Отдельная большая группа разнородных по своему характеру и происхождению единиц, которые могут быть отнесены к фразеологизмам в самом широком смысле – это «стереотипные фразеологизмы» городов, построенные по модели: *(название города) + главный «стереотипный признак»*. Среди наиболее употребительных фразеологизированных, ставших крылатыми словосочетаниями, приведем, например, такие, как: *[Киев] – мать городов русских, [Москва] – город* (вариант: *порт*) *пяти морей, [Петербург] – культурная/северная* (тж. *криминальная*) *столица, [Петербург] – Северная Венеция / Северная Пальмира, Одесса – южная Пальмира, Одесса-мама, а Ростов-папа* (по происхождению – из уголовного жаргона), *Самара-городок* (из популярной песни), *Москва – третий Рим* (, *а четвертому не бывать*) (ставшая расхожей фраза – цитата теологической и политической концепции, изложенной, в частности,

в посланиях игумена Филофея к Великому князю Василию Ивановичу) и т. п.

2. Топонимические ФЕ также включают в свой состав единицы, содержащие в своей метафорической модели названия вымышленных местностей (городов, стран и т. п.), в т. ч. устойчивые выражения со звукоподражательным компонентом-кваситопонимом, хорошо узнаваемым носителем русской культуры и несущим в себе ярко выраженную и при этом понятную экспрессивно-эмоциональную окраску. Характерным примером этому служит квазитопоним *Нью-Васюки*, получивший распространение в современном разговорном русском языке благодаря произведению И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», созданный по ассоциации с названием города Нью-Йорка, т. е. сочетания компонентов *Нью* и названия вымышленной деревни *Васюки*. Квазитопоним *Нью-Васюки* создан на основе оригинальной цитаты из романа: «*Васюки переименовываються в Нью-Москву, а Москва – в Старые Васюки*». На контрастном обыгрывании «высокого» и «низкого», т. е. при соединении компонентов *Нью* и *Васюки* возникает оксюморон как средство создания комического эффекта, который посредством влияния литературы прочно закрепился в русском языковом сознании и в обиходной разговорной речи, став фразеологизмом. В художественном произведении он используется не как географическое наименование, а исключительно в ироническом метафорическом значении «провинциальный населенный пункт, неожиданно ставший центром мира».

Сюда же отнесем также и такие вымышленные пейоративные квазитопонимы, как, например, *Задрыпинск*, *Усть-Пердюшинск (Усть-Пердюиск)*, *Засранск*, *Мухосранск* и т. п., созданные в основном по принципу фонетического сходства с реальным и стереотипно воспринимаемыми в сознании говорящего топонимами: *Урюпинск*, *Усть-Каменогорск*, *Усть-Илимск*, *Усть-Луга*, *Саранск* и т. д. В обиходном языке жителей крупных городов России они заключают в себе ассоциативное представление о некоем абстрактном провинциальном и удаленном от центра страны (столицы) городе, о захолустье, глухомани с семантическим оттенком «необразованности, дикости, глуши» без географической соотнесенности к определенному месту [Уразметова 2011: 161]. Прозрачная

мотивировка данных лексем вызывает в сознании соответствующие коннотации и ассоциативные параллели с глубокой провинцией и глупым, неотесанным человеком, не умеющим вести себя в приличном обществе с определенными устойчивыми поведенческой культуры. Употребление данных квазитопонимов в конструкциях в сочетании с глаголами *жить в*, *приехать из*, *уехать в* и т. п. нельзя назвать чистыми фразеологизмами, однако их определенная степень фразеологизации подтверждается узнаваемостью и частотностью употребления в обиходно-разговорном языке.

3. Отдельную многочисленную группу составляют ФЕ, а также фразеологизированные или метафорические выражения с прилагательным, образованным от топонима, которое в данных устойчивых сочетаниях употребляется в качественном значении.

Фразеологические (resp. фразеологизированные) единицы со стержневым компонентом-топонимом (в нашем случае названием города – ойконимом), выраженным именем прилагательным, образованные по модели: *название города / региона / страны* и т. п. с суффиксом *-ск- / -цк-* + *соответствующая реалья*, также считаем необходимым хотя бы частично включить в рассматриваемую здесь тематику с точки зрения их узнаваемости обычным носителем русского языка. Даже если они и не являются фразеологизмами в традиционном научном понимании, они все же представляют собой устойчивые сочетания (с компонентом-топонимом), которые в сознании носителя русского менталитета вызывают не только определенные ассоциации с каким-либо конкретным населенным пунктом или регионом, но и получают те или иные качественные характеристики предмета, явления, человека и т. п. К таким единицам относятся как «классические», традиционные фразеологизмы, давно фиксируемые фразеологическими словарями, как, например: *коломенская верста*, *сирота казанская*, *тульский самовар*, *курский соловей*, *японский городовой*, *китайская грамота*, *тамбовский волк тебе товарищ*, как *рязанская баба*, *сибирский валенок*, *гамбургский счет (по гамбургскому счету)* и др., так и относительно новые обороты, причем фонд подобных лексических единиц постоянно пополняется за счет ФЕ-неологизмов, прецедентных текстов, крылатых фраз, прочих устойчивых (resp. фразеологизиро-

ванных) выражений, имеющих цитатную соотнесенность, как, например, выражение: *сказки венского леса* (калька из немецкого языка *Geschichten aus dem Wienerwald*, вальс И. Штрауса, соч. 325, 1868 год). Или: *как денди лондонский одет* (ирон. об элегантно обедом мужчине). Оно часто используется в языке в шутовском контексте, когда говорящий не доверяет полученной информации: *Это всё сказки венского леса* (т.е. «неправда»). Можно вспомнить и выражение *китайское предупреждение / последнее китайское предупреждение*, связанное с историческими особенностями и непростыми внешнеполитическими отношениями Китая, Тайваня и США, часто используется в значении «бесполезная угроза; угрозы, которые не могут быть исполнены» [Серов 2005: 526] и многие другие подобные выражения, в т.ч. неологизмы.

Особо можно выделить топонимические ФЕ библейского происхождения и ФЕ мифологемы, активно употребляющиеся в речи, как, например, *Троянский конь* – «хитрая ловушка, замаскированный обман», *олимпийские игры*, *Александр Македонский* (по происхождению из греческой Македонии, в разговорном языке употребляется в отношении любого храброго, смелого и отважного человека), *Вавилонское столпотворение*, или же такие терминологизированные метафоры, как *Папа Римский*, *Нюрнбергский процесс*, *Гаагские соглашения*, *Гаагский трибунал (Гаагский суд)* и многие другие [Басик 2006: 41], а также шире – фразеологизированная метафора *Пражская весна* – «наступление долгожданной свободы после авторитарного режима» или понятие *стокгольмский синдром*, ставшее медицинским термином не только в отечественной, но и в европейской психологии, который описывает состояние, когда жертва проявляет симпатию к агрессору. Возникновение данного выражения связано с событиями 1973 г. в Стокгольме – захватом заложников, которые впоследствии стали проявлять жалость к террористам.

Большую часть единиц рассматриваемого типа составляют устойчивые сочетания, которые формально не являются фразеологизмами в прямом смысле слова, однако в их внутренней форме заключена концептуальная культурологическая информация и / или «реалии-стереотипы».

Рассмотрим наиболее известные и употребительные из обозначенных выше выражений. Сначала приведем «классические» ФЕ.

Примеры фразеологизмов с компонентом прилагательным, образованным от топонима:

Гамбургский счет ← *Гамбург* – «об оценке ч-л. без скидок и уступок, с предельной требовательностью» [БМС 2005: 681; БСРП 2007: 651]. Обычно выражение употребляется в форме (*судить о ч-л по гамбургскому счету*) [Серов 2005: 506]. Считается, что данное выражение из обихода борцов, раз в год выступавших на закрытых от широкой публики соревнованиях в одном из трактиров Гамбурга, стало в русском языке крылатым благодаря вышедшему в 1928 г. сборнику критических статей В.Б. Шкловского «Гамбургский счет» [БМС 2005: 681].

Сирота казанская ← Казань: а) «круглая сирота, ребенок, у которого умерли оба родителя», б) «говорится о человеке, прикидывающемся несчастным, чтобы разжалобить кого-либо»: *Нечего бедниться! Подумаешь, сирота казанская! Так мы вам и поверили.* (Ф.К. Сологуб). Происхождение данного выражения имеет две трактовки: 1) татарские мирзы (князья) после покорения Казанского царства Иваном Грозным, жалуясь на свою горькую участь, в челобитных называли себя сиротами, 2) после завоевания Казани появилось много нищенствовавших детей, родители которых погибли при осаде Казани [Вальтер, Мокиенко 2007: 402]. В современном разговорном языке исконное осмысление этого метафорического сочетания почти утрачено, однако его употребление поддерживается народной этимологией – Казанский вокзал в Москве, на который прибывают жители из Татарстана, Башкирии, Чувашии и других отдаленных регионов в поисках заработка, вынужденные первое время ночевать в залах ожидания, поэтому в современном восприятии выражение *сирота казанская* приобрело новый семантический оттенок: «человек, которому некуда идти, негде остановиться в большом городе, в котором у него нет ни родственников, ни знакомых».

Как рязанская баба (вырядиться, разодеться) – «о невежественной, очень пестро и безвкусно одетой женщине» [БСРНС 2008: 25], причем так говорится не только в отношении женщины, но даже и мужчины. А также ФЕ *баба рязанская* – о неловкой, рассеянной, глупой женщине [БСРП 2007: 21]. Основой данного фразеологизма послужило противопоставление излишней вычурности и понятия о скромности. По утверждению В.М. Мокиенко, это выражение появилось в XIV

в., когда Москва стала торговым центром, куда приезжали торговать женщины из маленьких городков (не только из Рязани) и для привлечения покупателей они надевали пестрые одежды и ярко красились [БМС 2005: 37].

Китайская грамота ← *Китай* – о чем-то абсолютно непонятном, бессмысленном, неизвестном [БСРП 2007: 160; БСРНС 2008: 150]. Образ основан на традиционном восприятии русскими культуры Китая и Востока в целом как чего-то экзотического и непонятного (в первую очередь, китайской письменности, иероглифов).

Японский гордодвой ← *Япония* – образовано на фонетическом сходстве слова *японский* с русским субстандартным словом, а точнее – с начальными буквами обценной лексемы на «ё» [Белянин, Бутенко 1994: 183]; выражение выполняет роль восклицания, выражающего досаду, раздражение, негодование [БСРП 2008: 156].

Итак, мы привели лишь некоторые наиболее иллюстративные примеры, которые могут выступить в качестве наглядного языкового материала по рассматриваемой тематике. Можно, таким образом, отметить, что ФЕ и разнородные по своему характеру устойчивые (фразеологизированные) единицы, содержащие топонимы, составляют значительный пласт широкоупотребительных и активно используемых в повседневной речи лексических средств современного русского языка в силу того, что в сознании русского менталитета они вызывают тот или иной ассоциативный ряд, сформированный и закрепленный в нем в силу экстралингвистических, а именно культурологических, исторических и других факторов, рассмотренных в настоящей статье. Подобные единицы могут отражать различные национальные и интернациональные исторические и культурные реалии (как, например, топонимы-библейзмы); нередко они построены по определенной уже существующей фразеологической модели с заменой исходного ключевого компонента-топонима. В качестве основы метафорической модели также широко используются звукоподражательные топонимы и топонимы, созданные по модели реальных, но являющиеся вымышленными (квазитопонимы).

Источниками анализируемых устойчивых сочетаний являются как традиционные фразеологические единицы и паремии, так и многочисленные неологизмы, возникающие, главным образом, на основе прецедентных феноменов (цитат из ли-

тературных произведений, песен, фильмов, наименований определенных явлений действительности, связанных с тем или иным топонимом).

В языке данные единицы способны нести определенные коннотации, вызывать в сознании носителя языка конкретные ассоциации, способствовать созданию ярких экспрессивных образов, вносить в речь различные стилистические контрасты, выражать те или иные эмоции, могут иметь ту или иную экспрессивную окраску или создавать комический эффект в разговорной речи.

По-прежнему открытым остается вопрос, какие из рассмотренных единиц можно отнести к ФЕ в их традиционном научно-терминологическом понимании, а какие выходят за его рамки и относятся к широкой сфере экспрессивно-выразительных, метафорических средств языка (в т.ч. устной разговорной речи). Нам также представляется, что подобные достаточно разнородные единицы требуют более четкой терминологической дефиниции, детального анализа, теоретического и лексикографического описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басик С. Н. Общая топонимика // Учебное пособие для студентов географического факультета: БГУ. – Минск, 2006. – 197 с.
2. Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М.: ПАИМС, 1994. – 192 с.
3. БМС 2005: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ; Люкс, 2005. – 926 с.
4. БСРНС: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: Олма Медиа Групп, 2008. – 800 с.
5. БСРП: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. Вальтер Г., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М., Олма Медиа Групп, 2007. – 701 с.
7. Захарина Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом-топонимом в английском, русском и татарском языках // Вестник ВятГУ. – Киров, 2008. – №2. – С. 23–25. /.
8. Савченко А. В., Хмелевский М. С. «Над кем смеетесь?», или о специфике создания комического в украинском языке (на примере романа О. Черногуза «Аристократ из Валпьярки») // Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. Językoznawstwo: Akademia Humanistyczno-ekonomiczna. – Łódź, 2018. – S. 57–73.
9. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 852 с.

10. Кузнецова И. В. Русские устойчивые сравнения: идеография, ареалы, этимология: спецсеминар по фразеологии. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 1998. – С. 23.

11. ССЛЖ: Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-195-2.htm#zag-1103> (дата обращения: 30.07.2020).

12. Уразметова А. В. Английские и французские ойконимические фразеологизмы // Вестник Башкирского университета. Т. 14. №2. – Уфа, 2009. – С. 421–424.

13. Уразметова А. В. Каламбур как стилистический прием при образовании фразеологизмов с топонимами (на материале английского и французского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. №. 10 (225). Вып. 52. – Челябинск, 2011. – С. 159–161.

14. Федотова Т. В. Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008, № 2. – Воронеж: ВГУ. – С. 48–51.

REFERENCES

1. Basik S. N. (2006) Obshaiya toponimika [General toponymy]. In: *Ucebnoe posobie dlia studentov geograficheskogo fakulteta BGU [Study guide for students of the geographical faculty of Belorussian state University]*. Minsk. (in Russian).

2. Belianin V. P., Buteenko I. A. (1994) Zhivaiya rech [Colloquial speech]. In: *Slovar' razgovornykh vyrazhenii [Dictionary of spoken phrases]*. Moscow. (in Russian).

3. BMS: Birich A. K., Mokienko V. M., Stepanova E. A. (2005) Russkaya phraseologia. Istoriko-etimologicheskii slovar' [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow. (in Russian).

4. BSRNS: Mokienko V. M., Nikitina T. G. (2008) Bolshoi slovar russkikh narodnykh sravnenii [Large dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow. (in Russian).

5. BSRP: Mokienko V. M., Nikitina T. G. (2007) Bolshoi slovar' russkikh pogovorok [Large dictionary of Russian proverbs]. Moscow. (in Russian).

6. Walter H., Mokienko V. M. (2007) Bolshoi slovar' russkikh prozvisch [Large dictionary of Russian nicknames]. Moscow. (in Russian).

7. Zaharina G. R. (2008) Frazеологические единицы с компонентом-топонимом в английском и татарском языках [Praseological units with toponimy components in English and Tatarian languages]. In: *Vestnik ViatGU [Bulletin of Viatski state university]*. pp. 23-23. Kirov. (in Russian).

8. Savchenko A. V., Khmelevskii M. S. (2018) 'Nad kem smees?', ili o specifikе sozdania komicheskogo v ukrainskomazyke (na primere romana O. Chernoguza 'Aristokrat iz Vapniarki' ['Who are You laughing at?', or about specific of comic effect in Ukrainian language (on the example of the roman O. Chernoguz 'Aristocrat from Vapnyarka')]. In: *Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. Językoznawstwo [Modern linguistic researches, problems and analyses]*. pp. 57-73. Łódź, Poland. (in Russian).

9. Serov V. V. (2005) Encyklopedicheski slovar' krylatykh slov i vyrazhenii [Encyclopaedical dictionary of winged words and expressions]. Moscow. (in Russian).

10. Kuznetsova I. V. (1998) Russkie ustoychivye sravnenia; ideografya, arealy, etimologiya [Russian comparatives in phraseology, areals, etymology]. Cheboksary. p. 23. (in Russian).

11. SSLZH: Slovar' sovremennoi leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of Russian lexic, jargon and slang]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-195-2.htm#zag-1103>. (date of application 30.07.2020).

12. Urazmetova A. V. (2009) Anglijskie i francuzskie oikonimicheskie frazeologizmy [English and French oiconomical praseologismes]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkirian university]*. Vol. 1. № 2. pp. 421-424. Ufa. (in Russian).

13. Urazmetova A. V. (2011) Kalambur kak stilisticheskii priem pri obrazovanii frazeologizmov s toponimami (na materiale anglijskogo i francuzskogoazykov) [A pun as a stulistic device of creation of phraseologismes with toponimic components (on the material of English and French languages)]. In: *Vestnik Cheliyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk state university]*. № 10 (225). Vol. 52. pp. 159-161. Chelyabinsk. (in Russian).

14. Fedotova T. V. (2008) Specifika metaforicheskikh toponimov v aspekte vospriatiya mira cheloveka [Specific of the metaphorical toponyms in the aspect of human perception of the world]. In: *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya [Bulletin of Voronezh state university: Linguistics and intercultural communication]*. № 2. pp. 48-51. Voronezh. (in Russian).

РУССКИЙ ЯЗЫК НА МАРКАХ МИРА

OLGA N. BONDAREVA, IGOR V. MALTSEV
RUSSIAN LANGUAGE ON STAMPS OF THE WORLD

Статья посвящена рассмотрению надписей на русском языке на зарубежных почтовых марках. Почтовая марка является синкретической единицей, где представлены различные знаки и элементы знаковых систем. Почтовая марка исследуется в статье как вариант поликодового текста, где иллюстративная часть и вербальный текст обнаруживают смысловое слияние в выражении определённой идеи. Наличие в оформлении марок текстов на русском языке определяет внимание к их тематике, принципам самого отбора таких текстов зарубежными авторами как к области интереса к русскому языку и русской культуре, что создает возможность использовать лингвострановедческий потенциал таких марок в преподавании русского языка с вниманием к его статусу как языка международного.

Ключевые слова: почтовая марка, русский язык, кириллица, семиотика, знак, поликодовость, коммеморатив.

The article is devoted to the consideration of inscriptions in Russian on foreign postage stamps. A postage stamp is a syncretic unit that represents various signs and elements of sign systems. The postage stamp in article is studied as a variant of the polycode text, where the illustrative part and the verbal text reveal a semantic fusion in the expression of a certain idea. The presence in the design of stamps of texts in Russian determines the attention to their subject matter, the principles of the selection of such texts by foreign authors as to the field of interest in the Russian language and Russian culture, which creates an opportunity to use the linguistic and cultural potential of such stamps in teaching Russian with attention to its status as international language.

Key words: postage stamp, Russian, Cyrillic, semiotics, sign, polycode, commemorative.

**Ольга Николаевна
Бондарева**

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы

► Bondareva_ON@pers.spmi.ru

**Игорь Викторович
Мальцев**

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы

► Maltsev_IV@pers.spmi.ru

Санкт-Петербургский горный
университет

21-я линия В.О., д.2
Санкт-Петербург, 199106, Россия

*Olga N. Bondareva,
Igor V. Maltsev*

Saint-Petersburg Mining university
2, 21st Line, St. Petersburg, 199106, Russia

Авторы статьи исходят из положения, что почтовая марка является синкретическим образованием, где помимо чисто утилитарной функции – являться свидетельством (знаком) уплаты почтовых сборов, проявляются функции языкового знака (наличие текста) и функции воздействия через изображение (наличие рисунка). Сочетание вербальной и визуальной информации создаёт эффект полимодального восприятия. Существует достаточно устоявшееся мнение, что основная сфера употребления поликодового текста – это средства массовой информации и реклама. Жизнь современного общества, действительно, фиксируется в определённых пространственно-временных параметрах именно при помощи сочетания изображения и слова. Включаясь в указанную сферу и выполняя свои функции, почтовая марка является неопределимым источником знаний по страноведению и лингвокультурологии.

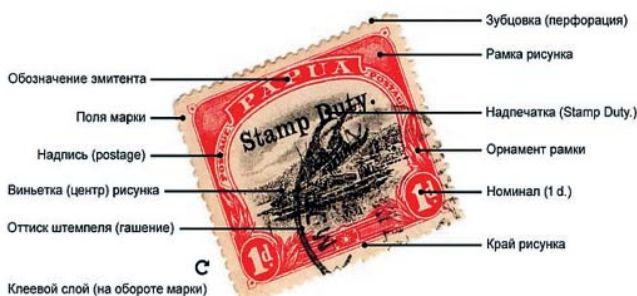
Комплексный подход к исследованию свойств и использования почтовой марки требует некоторого экскурса в историю, рассмотрения технической стороны её устройства, учёта привязки выпуска марки к определённой дате или событию (коммеморативы), осмысления марки как экспонента определённой знаковой системы или носителя подобных экспонентов в качестве элементов дизайна.

Понятно, что описание почтовых марок – это глобальная задача, требующая невероятных временных и физических затрат. Авторы сузили область своего анализа до рассмотрения почтовых марок, выпущенных зарубежными почтовыми администрациями и имеющих в своём оформлении надписи на русском языке. Представляется, что работа с такими марками может внести определённый вклад в изучение культурных и языковых особенностей России.

В августе 1839 года, благодаря инициативе общественника и реформатора Ролланда Хилла, Великобритания выпустила первый в мире знак почтовой оплаты – почтовую марку – небольшой бумажный прямоугольник с изображением профиля молодой английской королевы Виктории с одной стороны и клеевым слоем с другой.

Утилитарно – почтовая марка – специальный знак почтовой оплаты, выпускаемый почтовыми ведомствами и обладающий определённой номинальной стоимостью. «Помимо номинала, на марках может указываться наименование почтовой администрации, их выпустившей; зачастую на ней изображены различные символы, декоративные элементы и рисунки» [Почтовая марка].

Термину «почтовая марка», признакам почтовых марок и предъявляемым к ним обязательным требованиям посвящена статья №8 Всемирной почтовой конвенции (ред. 2004 г.) – международно-правового соглашения о порядке международных почтовых связей, заключённого впервые в 1874 году в Берне между государствами-членами Всемирного почтового союза (ВПС).

Различных размеров (до А4), форм (геометрические фигуры, контуры карт страны, форма флоры и фауны), изготовленные из различных материалов (дерево, шелк, драгоценные металлы, пластик, папирус, фарфор и др.) и в разных техниках (полиграфия, оттиск, чеканка, вышивка, роспись) – марки несут на себе культурный код нации, государства, истории, времени, языка, людей и событий.

Известная формула болгарского государственного деятеля Георгия М. Димитрова (1882-1949) «Марка – это визитная карточка страны» в первую очередь отражает эту миссию филателистической миниатюры. Такое государственно-политическое представительство марка осуществляет с помощью характерной символики и эмблематики, надписи – названия страны, алфавита и языка.

Почтовые администрации разных стран выпускают марки не только стандартные, для оплаты отправок, но и художественные, предназначенные в т.ч. и для коллекционирования. В большинстве случаев они являются коммеморативами – почтовыми марками, выпущенными в ознаменование события, знаменательной даты, юбилея выдающейся личности или события, факта. Коммеморативы посвящены значимым событиям и фактам как страны эмитента, так и других стран и всемирного значения. В отличие от стандартных марок, коммеморативные представляют собой художественную миниатюру и текст, отражающие событие, в память о котором они выпущены. О важной функции коммеморативов очень точно высказалась современная исследовательница М. Л. Шуб: «Когда общество или отдельная группа принимает решение о сохранении в коллективной па-

мнати того или иного события или личности, они одновременно принимают решение о формировании определенных ценностных ориентаций и моделей поведения у своих современников и потомков» [Шуб 2016: 80].

Для отображения информации на марке используется не только какое-либо изображение. Большинство почтовых марок содержат разнообразные текстовые элементы: служебные (название государства, вид почтовой марки, имена художника и гравёра марки, год её издания и др.) и обусловленные сюжетом (имя изображённого лица, годы его жизни, название и географическое местоположение изображённого события, здания, предмета, животного, растения, лозунг или призыв). Бывают марки, где сам текст является элементом рисунка или даже заменяет последний полностью.

Почтовые марки многих стран содержат надписи не только в рисунке, но и на полях (промежутках между рисунком и зубцовкой), чаще всего на нижнем поле, а также на купонах.¹

Еще одним элементом, содержащим текст, являются надпечатки – когда на уже готовых к запуску в обращение почтовых марках дополнительно печатается текст (или реже – несложное графическое изображение).

Язык надписей на знаках почтовой оплаты регулируется статьёй 8 Всемирной почтовой конвенции, в которой в пункте 3.1 сказано, что в качестве атрибута суверенитета почтовые марки должны содержать написанное латинскими буквами название государства или территории, субъектом которой является выпускающая почтовая администрация. Россия, как страна учредитель Всемирного почтового союза, до 1991 года была освобождена от соблюдения этого правила.

Если исходить из понимания языка как первичной, естественной знаковой системы, то почтовые марки являются своего рода надстроечным по отношению к языку явлением, содержащим какие-либо изображения и элементы текста на том или ином языке или изображения букв различных алфавитов, что возвращает нас

к восприятию почтовой марки как языкового явления. Практически все марки – это комбинация текста и изображения. Таким образом, марки можно рассматривать как поликодовый текст.

С точки зрения семиотики почтовая марка является необычайно интересным феноменом, так как её появление было абсолютно утилитарным: быть материальным знаком, свидетельствовать об уплате своеобразной пошлины за доставку почтового отправления. Но почтовая марка стала также носителем дополнительной информации, отраженной в виде рисунка и текста.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой слову *марка* уделена довольно большая словарная статья, где, прежде всего, этому слову даётся интересующее нас толкование «1. Знак оплаты почтовых, гербовых и некоторых других сборов в виде маленькой бумажки с обозначением цены и, обычно, с каким-л. изображением. *Почтовая марка. Гербовая марка. Страховая марка.*». Далее идут пункты 2, 3 и 4, где это слово толкуется как значок, жетон для последующей оплаты (2), знак, клеймо на товарах (3), сорт, тип изделия, качество товара (4).

Эти значения представляются в отдельных словарных статьях, где слово толкуется как денежная единица некоторых стран и «крупный пограничный административный округ во главе с маркграфом во Франкском государстве в 8–9 вв.». [Словарь русского языка 1986].

Следует отметить, что в наиболее популярном словаре – словаре С. И. Ожегова (Ожегов) – толкование слова *марка* даётся в одной словарной статье, что говорит о признании автором только многозначности этого слова и отсутствия омонимических образований. Неоднозначное трактование лексемы *марка* связано с тем, что в пучке сем, образующих смысловое восприятие этого слова, обязательно содержится сема *знак* в своём изначальном понимании как «внешнее обнаружение, признак чего-н.» [Ожегов 1987].

Ещё раз обратимся к словарю С. И. Ожегова и посмотрим на первое определение, данное

в статье, посвящённой лексеме *знак*.

ЗНАК, -а, м. 1. Метка, предмет, к-рым обозначается, выражается что-н.

В качестве одного из примеров употребления лексемы *знак* читаем: «З. почтовой оплаты (марка)». Здесь толкование «знак почтовой оплаты» даётся в первом же определении словарной статьи, посвящённой заглавному (заголовочному) слову *знак*, что говорит о популярности этого терминологического образования как синонима словосочетания почтовая марка. О возможной синонимической связи слов *знак* и *марка* в специальном употреблении, касающемся почтовых отправок, также свидетельствует название почтовой марки в ряде славянских и балтийских языков:

-- пощенска марка -болгарский;

znaczek pocztowy - польский, слово *znaczek* в употреблении вне словосочетания имеет значение печать (определённый знак);

pastmarka – латышский;

pašto ženklas – литовский, слово *ženklas* в употреблении вне словосочетания имеет значение *отметка*, т.е. мы имеем дело с почтовой отметкой (синоним слову *знак* в расширительном понимании);

поштанска марка – сербский;

rečiatka – словацкий, мы опять встречаем слово *печать*;

žig – словенский, также это слово имеет значение *печать*, как в польском и словацком;

поштова марка – украинский;

poštanska marka – хорватский.

Исходя из приведённых примеров можно добавить в синонимический ряд *знак* – *марка* (синонимические связи проявляются в семантическом поле, связанном с почтовыми отправлениями) слово *печать*, учитывая, конечно, многозначность этой лексемы.

Итак, почтовая марка неоспоримо является элементом человеческой культуры, цивилизации, особым общекультурным знаком.

При рассмотрении почтовых марок как экспонентов знаков реальных предметов, событий и явлений мы находим воплощение всех выделяемых на сегодняшний день типов знаков и знаковых систем, кроме естественных.

Искусственно созданные знаки-признаки, которые вызывают в сознании людей определённые ассоциации, связанные с личным опытом в познании действительности, можно соотнести с функциональными знаками. Такие функциональные знаки-признаки, как изображение на марке ракеты, спутника, какого-то механизма или его части обязательно вызовут определённые ассоциации и извлекут из долгосрочной памяти соответствующую информацию.

Скульптуры, портреты, разнообразную символику на марках можно соотнести с другой искусственной знаковой системой – системой иконических знаков. Диапазон охвата действительности здесь очень широк: от изображения предметов искусства до воспроизведения знаков дорожного движения, что также не редкость на почтовых марках.

При оформлении марок не обходятся и без конвенциональных знаков. Чаще всего это условное обозначение национальных денежных единиц или евро.

Языковая и общая культура начинает работать гораздо продуктивнее, когда у языка появляется возможность кодировать с помощью системы определённых, теперь уже письменных, знаков, устную речь. Различные языки идут к созданию или получению письменности разными путями, что также отражается на дизайне марок – выбор того или иного типа письма, предпочтение графемам определённого языка.

Оформители почтовых марок, как нам кажется, и сегодня, наряду с алфавитным и иероглифическим письмом, используют предметное и рисуночное письмо, вернее, его элементы.

При создании почтовой марки, вероятно, многое зависит от вкуса и целей дизайнера, соответствия шрифта общей тематике, рисунку и орнаменту.

Мы сфокусировали своё внимание на почтовых марках, которые имеют надписи на русском языке и выпущены зарубежными странами. Материалом для исследования послужила личная семейная коллекция О.Н. Бондаревой, которая собиралась более 50 лет. Был проанализирован 721 знак почтовой оплаты: марки

(марки, блоки и листы), конверты и почтовые карточки. Рассмотрим некоторые тематические группы иностранных почтовых марок, содержащих текст на русском языке.

Весьма популярной в нашей стране и мире является такая область тематического коллекционирования как «Россика», к которой относятся почтовые марки и другие филателистические материалы, изображающие людей или события, относящиеся к России, территорию нашей страны, репродукции картин российских художников, хранящихся в российских или зарубежных музеях, и т. д.

Первой иностранной маркой с надписью на русском языке была марка, выпущенная в Болгарии в 1929 году с портретом русского императора Александра II и надписью «Царь-освободитель».

Иконы – первые изображения, которые несли русский (церковнославянский) язык в мир в своих надписаниях имен Бога, Богородицы и святых

или фрагментов текстов на свитках. Изначально надписи делали на греческом языке, но, с развитием иконописания на Руси, они стали делаться на церковно-славянском. Так, иконы стали вестниками русского языка на территории Османской империи, когда покоренным христианским славянским народам было запрещено писать иконы и они получали их из России. Изображения православных икон на марках составляет весьма весомую часть в почтовых эмиссиях разных стран, в т.ч. мусульманских или буддистских. Примером может послужить марка Болгарии с изображением иконы Св. Кирилла и Мефодия – создателей славянской азбуки.

Марка с изображением Владимирской иконы Божией Матери, собором Василия Блаженного в Москве и фрагментом текста на церковно-славянском языке

демонстрируют две ветви христианства – западного католицизма и восточного православия.

Как отмечает типографика, в отличие от церковно-славянской азбуки, современный вариант русской кириллицы имеет следующие особенности:

- не очень умелый, с точки зрения современных дизайнеров, шрифт, отразивший вмешательство Петра Великого в создание гражданского алфавита, который взял за основу западноевропейскую форму графем, что нарушило общую пропорциональность кириллических знаков;

- наличие большего числа горизонтальных чем вертикальных линий (по сравнению, например, с английским вариантом латиницы);

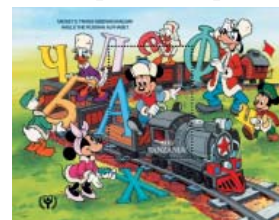
- буквы «ю», «ж» и «щ» после петровской реформы стали неформатными в соотношении с другими буквами, которые практически совпали по формату с графемами латиницы;

- в русском языке имеются буквы, лишённые аналогов в латинице, так как они отражают звуки и комбинации звуков, уникальные для русского языка (ж, ц, ч, ш, щ, ё, ы, э, ю, я), и знаки (ъ, ь). Все эти особенности и составляют своеобразие русского варианта кириллицы как эксплицитного элемента лингвокультурологии и часто учитываются иностранными дизайнерами марок при использовании букв русского алфавита.

Марки с буквами русского алфавита призваны продемонстрировать уникальность его графики. Интересно, что на почтовом блоке Танзании 1991 года из серии «Микки Маус в разных странах», где популярные герои мультфильма студии Уолта Диснея везут (в оригинале тащат) русский алфавит по транссибирской магистрали на платформах

все буквы, за исключением А, уникальны для русского алфавита. Видимо, буква А как раз и изображена, чтобы подчеркнуть, что это

буквы, а не какие-то странные значки.

Символом IV Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы МАПРЯЛ, который проходил 13-18 августа 1979 года в Берлине, также стал русский алфавит. Знаменательно, что этот конгресс, темой которого стала «Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения», впервые проходил в Германии. В нем принимало участие 1860 делегатов из 65 стран мира. В ознаменование столь значительного события почтовой администрацией ГДР были выпущены почтовая марка, почтовый конверт первого дня и было сделано специальное гашение (единственные, посвященные конгрессу МАПРЯЛ).

Самые оригинальные, на взгляд художника, буквы русского алфавита «Ж» и «Я» изображены на марке Монако, посвященной 50-летию Организации Объединенных Наций и демонстрирующей буквы алфавитов стран-членов и символическое изображение взявших за руки человечков – символа дружбы и сотрудничества.

Русский язык в странах Европы считается языком Востока, что демонстрирует марка Франции с русской буквой «Й», изображенной рядом с китайским иероглифом, буквами арабского и турецкого алфавита. Она была выпущена по случаю 200-летнего юбилея Парижской Школы восточных языков (фр. École des langues orientales) – будущего Национального института языков и цивилизаций Востока (INALCO) (Сорбонна, Париж), где находится одна из самых больших и значительных кафедр русского языка во Франции.

Эта же оригинальная буква «Й» была выбрана в качестве символа года культуры Испании

в России.

Отдельного внимания заслуживают марки, посвященные русской литературе: выдающимся поэ-

там, писателям и их произведениям. На них часто можно видеть имена и фамилии, обложки изданий с названиями или фрагменты текстов. Примером может служить марка ООН 2015 года – всемирного года поэзии, со строками из стихотворения графа Алексея Толстого «Весна».

Актуальные события международного масштаба всегда находят отражение в филателии:

на марках, конвертах и почтовых штемпелях. Как правило на них изображены флаги стран-участниц, эмблема мероприятия и символы города (страны) проведения. Тексты содержат название события, название места проведения и его дату (год).

Одними из ярких международных событий, которые были запечатлены в международной филателии, стали XXII летние Олимпийские игры в Москве в 1980 году, XII Международный фести-

валь молодежи и студентов в Москве в 1985 году, XXII зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году, Чемпионат мира по футболу в городах России в 2018 году.

Сохранение исторической памяти – одна из важных функций филателии: исторические события, деятели, памятные даты, фотографии и документы, произведения изобразительного искусства и литературы – все это живым и образным языком графического и лингвистического текста повествует грядущим поколениям о том, что следует сохранять в памяти навсегда.

Марка Израиля иллюстрирует трагические события холокоста Второй мировой войны картиной советского художника еврейского происхождения Иосифа Кузьковского «Бабий яр». На полях на английском, иврите и русском помещён текст названия серии картин художника «Последний путь».

Тесно связана с историей дипломатия, и это хорошо иллюстрирует марка ГДР, посвященная 25-летию Потсдамских соглашений, на полях которой надпись на четырех языках (русском, английском, французском и немецком) «Потсдамское соглашение».

Дипломатические функции выполняют совместные выпуски России и зарубежных стран,

посвященные перекрестным годам культуры или годовщинам установления дипломатических отношений. На них присутствуют флаги государств, тексты на языках стран, а также их культурные символы.

Но, пожалуй, самым часто повторяемым русским словом на марках зарубежных стран является слово «МИР», которое выступает универсальным культурным концептом.

В анализируемой коллекции тематическая подборка марок со словом «мир» составляет 24 единицы. Наибольшее количество их было выпущено после

Второй мировой войны. Это стало свидетельством всемирного значения русского слова МИР.

Согласно этимологическому словарю Макса Фасмера, слово МИР, прежде всего в значении *мирного времени отсутствия войны*, имеет старославянское, т.е. не заимствованное происхождение и не имеет аналогов в других языках.

Таким образом, мир стал нести миру русское слово МИР. В XX в., подводя итоги тысячелетию русской культуры, выдающийся учёный Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906-1999) ставил вопросы перед своими соотечественниками: «Что мы сделали не только для себя, но и для всего мира и мировой культуры, для человечества и человечности? /.../ Служили ли мы прошедшую тысячу лет делу мира – мира во всех его смыслах: миру – «тишине», «спокойствию», «мирному времени», и миру – «вселенной»,.. «земному шару», и миру «человечеству»? [Лихачёв, 1985: 148].

Словно в ответ на его вопросы на рубеже второго и третьего тысячелетия рядом

стран были выпущены почтовые знаки с изображением космической станции, парусного судна, глубоководного аппарата, на которых гордо красовалось, написанное на кириллице, русское слово МИР. Было очевидно, что Россия в своих созидательных устремлениях отправила свои корабли в космическое и океанское пространство с мирной миссией.

В данной статье авторы сделали попытку взглянуть на почтовую марку как на синкретическое явление, имеющее в своём содержании рисунок и текст. Важно, чтобы и рисунок, и сопровождающий его текст передавали одну и ту же мысль, взаимодополняли друг друга. Самый простой способ этого добиться — подобрать иллюстрацию, полностью

соответствующую слову (одному из слов в тексте или единственному слову), что мы и видим на примере тематической группы марок, объединяющим текстом для которой стало слово «мир». Учитывая омонимический ряд, создаваемый двумя различными лексемами *мир*, представляется возможным сделать вывод о наличии явления поликодовости. Это положение можно проиллюстрировать следующей цитатой: «Изображения и слова в поликодовом сообщении не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл» [Анисимова 2003: 11].

В своей статье «Синтез текста и изображения в художественной литературе» Е.Г. Кузнецова пишет о том, что существует принципиальное различие между поликодовыми текстами и иллюстрированными текстами. Автор отмечает что при совмещении языковой и иконической семиотических систем, поликодовые тексты имеют иную природу: «...специфика таких текстов обусловлена не столько особенностями этих составляющих, сколько синергетическим эффектом их взаимодействия» [Кузнецова 2017: 33].

Почтовые марки несут значительный заряд информации как раз в силу не простой иллюстративности, а по причине именно глубокой внутренней целостности, предполагающей, что отсутствие или изменение одной из составляющих приведет к нарушению общей гармонии произведения.

Рассмотренные тематические группы марок, прежде всего, объединяет общая составляющая – элементы текста на русском языке или элементы русского алфавита – буквы. Зарубежное происхождение таких марок только повышает их лингвокультурологическую ценность, так как само появление конкретных марок и определённых тематических групп является сигналом того, что наиболее интересно для зарубежного зрителя/читателя в нашем языке и в нашей культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

Купон — часть марочного листа, отделённая от почтовых марок перфорацией или узким белым полем у беззубцовых марок. Купон не является знаком почтовой оплаты, не имеет номинала и слова «Почта».

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Academia, 2003.
2. Лихачёв Д.С. Тысячелетие письменной культуры восточного славянства и мир (1982) // Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л., 1985.
3. Кузнецова Е.Г. Синтез текста и изображения в художественной литературе // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/01/18802> (дата обращения: 14.09.2020).
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987.
5. Почтовая марка. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Почтовая_марка
6. Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. Яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т. 2. К – О. 1986.
7. Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий, №3 (36), 2016. С. 80-87

REFERENCES

1. Anisimova E. E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovanny'x tekstov): ucheb. posobie dlya stud. [Text linguistics and cross-cultural communication (based on creolized texts): study guide for students]*. Moscow (in Russian)
2. Pochtovaya marka [Stamp]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pochtovaya_marka (in Russian)
3. Lixachyov D. S. (1985) *Ty'syacheletie pis'mennoj kul'tury' vostochnogo slavyanstva i mir (1982) [Millennium of written culture of the Eastern Slavs and the world]* In: *Proshloe – budushhemu. Stat'i i ocherki [Past to future. Articles and essays.]*. Leningrad (in Russian)
4. Kuznezova E. G. (2017) *Sintez teksta i izobrazheniya v xudozhestvennoj literature [The synthesis of text and image in fiction]* In: *Gumanitarny'e nauchny'e issledovaniya [Humanitarian scientific researches]*, №12. (in Russian)
5. Ozhegov S. I. (1987) *Slovar' russkogo yazy'ka [Dictionary of the Russian language]* / pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Yu. Shvedovoj. – 18-e izd., stereotip. Moscow (in Russian)
6. *Slovar' russkogo yazy'ka: V 4-x t. (1986) [Dictionary of the Russian language]* / AN SSSR, In-t rus. Yaz.; Pod red. A.P. Evgen'evoj. – 3-e izd., stereotip. Moscow (in Russian) T. 2. K – O.
7. Shub M. L. (2016) *Sovremenny'e kommemorativny'e praktiki: obrazovatel'ny'j i vospitatel'ny'j potencial [Modern commemorative practices: educational and educational potential]* In: *Chelyabinskij humanitarij [Chelyabinsk Humanities center]*, №3 (36), pp. 80-87 (in Russian)

НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА КАК КЛЮЧ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»

ELENA V. POGADAY

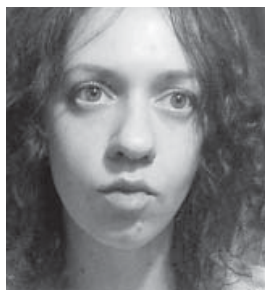
NARRATIVE STRUCTURE AS A KEY TO THE INTERPRETATION OF A.P. CHEKHOV'S "THE BLACK MONK"

В работе рассматривается нарративная структура рассказа «Черный монах» А.П. Чехова. Анализ фокализации в структуре рассказа позволяет увидеть закономерности в распределении точек зрения повествователя и персонажа в тексте, указать взаимосвязь их распределения и композиции (сцепления событий текста). Автор выявляет специфические черты риторического оформления эпизодов рассказа, которые тоже оказываются обусловленными жанровыми отсылками, задействованными автором.

Ключевые слова: А.П.Чехов, нарративная структура, фокализация, интерференция

The work examines the narrative structure of the story "The Black Monk" by A.P. Chekhov. Analysis of focalization in the structure of the story allows to see the patterns in the distribution of the points of view of the narrator and the character in the text, to indicate the relationship between their distribution and composition (linkage of events in the text). The author reveals specific features of the rhetorical design of episodes of the story, which also turn out to be conditioned by genre references used by the author.

Key words: A.P. Chekhov, narrative structure, focalization, interference

**Елена Владимировна
Погадай**

Старший преподаватель кафедры
русского языка и культуры речи

► eldragileva@gmail.com

Ростовский государственный
экономический университет

344002, Ростов-на-Дону, Б. Садовая ул., 69

Pogaday Elena Vladimirovna

Rostov State University of Economics

69 Bolshaya Sadovaya st.,
Rostov-on-Don, 344002

Рассказ А.П. Чехова «Черный монах» (1893 г.) обычно рассматривается в современном чеховедении как своеобразный художественный отклик «писателя-реалиста» на декадентские настроения, бывшие модными в среде литераторов, художников, поэтов конца 19 века. Подтверждением тому служат работы А. Степанова, Р.Г. Назирова, А.А. Смирнова, А.М. Камчатнова, В.А. Логинова, И.Н. Сухих и др., в которых рассказ А.П. Чехова рассматривается, в т.ч., как текст, высмеивающий романтически-символистскую форму повествования.

«Черный монах», с одной стороны, кажется произведением типично чеховским, с другой, – сама романтическая тональность рассказа кажется крайне нетипичной для писателя. И.Н. Сухих подчеркивает, что «сама «идеологическая» форма повести провоцирует на то, что основной различных концептуальных суждений о ней оказываются прежде все-

го прямые высказывания персонажей», в то время как внутренней сложной композиционной и мотивной организации текста не уделялось должного внимания [Сухих 1983: 110].

Цель данного исследования – с помощью нарративного анализа попытаться понять, насколько имманентен рассказу приписываемый ему иронический пафос. Представляется продуктивным рассмотреть чеховский рассказ как текст переходный, оформляющий и концентрирующий в себе весь комплекс центральных мотивов поэтики А. П. Чехова «позднего» периода. К моменту создания «Черного монаха» А. П. Чеховым были написаны «Палата №6», «В ссылке», сборник «В сумерках», «Дуэль», «Попрыгунья», «Рассказ неизвестного человека» и т. д. Тематически «Черный монах» тесно связан со всеми этими произведениями. Параллельная работа над «Островом Сахалином», очевидно, также влияла на процесс создания «Черного монаха». Явные тематические и текстологические переклички рассказа с другими чеховскими произведениями конца 80-х – начала 90-х гг. заставляют искать некую систему координат, которая позволила бы увидеть в тексте рассказа не только бросающиеся в глаза отличия от традиционной поэтики писателя, но и наметить точки сближения внутри художественных систем «раннего» и «позднего» Чехова. Крайне важным здесь является наблюдение А. П. Чудакова о том, что эволюция художественного метода Чехова напрямую связана с постепенным замещением субъективной точки зрения повествователя объективной. При этом исследователь отмечает, что сама «субъективность» раннего Чехова во многом является авторской «маской»: «...все его высказывания, афоризмы подаются с явной комической установкой. Этой цели служит и просторечная лексика, и обыгрывание научных терминов, и комическое употребление славянизмов, и фамильярные обращения к читателю. Рассказчик обо всем сообщает «с ужимкой», с неизменным расчетом на юмористический эффект» [Чудаков 1971: 20]. А. П. Чудаков убедительно доказывает, что подобная «псевдосубъективная» позиция, занимаемая в тексте повествователем, в целом характерна для современной А. П. Чехову юмористической

литературы (газетных жанров – очерков, юморесок, анекдотов). Т.о. напрашивается вывод о том, что «субъективность» ранних рассказов Чехова не является субъективностью в прямом смысле слова, скорее, это своеобразная «ширма», скрывающая действительную авторскую позицию в тексте. Авторская позиция в «Черном монахе» тем более примечательна, т.к. «автор» здесь абсолютно не соотносим с привычным чеховским «повествователем». Об этом же косвенно пишет Р. Г. Назиров: «Чехов подбирает самые избитые, самые плоские штампы литературной традиции и эти лексические штампы оформляет с помощью гелертерской фразеологии и неумеренного гиперболизма восхвалений» [Назиров 2005: 53].

Практически не пересекающиеся интерпретации рассматриваемого рассказа указывают на его особое значение в рамках чеховской художественной системы. Сам автор говорил о рассказе как об «истории болезни»: «В последнем (в явн<арской> книжке) напечатан мой рассказ «Черный монах». Это рассказ медицинский, *historia morbi*. Трактуются в нем мания величия» [Чехов 1977: 262].

Несмотря на такую явно артикулированную авторскую позицию, интерпретация «Черного монаха» как символистско-романтического текста становится возможной, в первую очередь, благодаря характеру конфликта, заключенного в типично романтических оппозициях «гений vs. обыватель», «духовная» жизнь и «скучная» история. При этом, очевидно, такой квазиромантический конфликт у Чехова претерпевает важную аксиологическую трансформацию: писатель, в отличие от своих предшественников (Гофмана, Новалиса, Байрона, Лермонтова) интерпретирует эту оппозицию иронически, лишая ее собственно романтического значения. Однако само присутствие в тексте этой оппозиции реализовано строго выверенной композиционной структурой чеховского рассказа. В основе композиции здесь трехчастная структура (экспозиция – кульминация – низвержение). Именно такой тип композиции представлен в наиболее известных чеховских рассказах: «Ионыч», «Невеста», «Попрыгунья», «Скучная история», «Дом с мезонином» и т. д.

«Черный монах» композиционно следует

уже установившейся чеховской архитектонике рассказа: есть экспозиция, в которой представлен главный персонаж – Коврин, Таня Песоцкая и ее отец, есть переломный момент (кульминация) – исцеление Коврина и, наконец, финал («крушение всех надежд»). Необычность чеховского сюжета, его отличие от других рассказов этого же периода (и позднее пьес) связана с финалом, окрашенным нотами истинного трагизма и мистики.

Рассказ включает 9 глав, каждая из которых представляет собой сцепление ряда эпизодов (или нарративных событий). События текста можно разделить на две условные группы: события, происшедшие до свадьбы Коврина и Тани, и события, случившиеся после свадьбы (причем композиция здесь «зеркальная»: события «до кульминации» фактически полностью дублируются во второй части произведения). В трактовке понятия «событие текста» и «эпизод», мы будем следовать концепции В. И. Тюпы. Выделение эпизода в рассматриваемом тексте определяется исследователем как «словесное обозначение а) артикулирующего переноса в пространстве диегезиса, б) артикулирующего переноса во времени диегезиса, в) появления или исчезновения в диегетическом поле повествования персонажа или единой группы персонажей» [Тюпа 2001: 28].

В экспозиции рассказа говорится, что Коврин приезжает в имение Песоцких в начале мая. Внутреннее переживание героем поездки («...ехать по мягкой весенней дороге в покойной рессорной коляске было истинным наслаждением...» [Чехов 1985: 226]) передано традиционной для чеховского повествования несобственно-прямой речью, инкорпорирующей внутренний монолог персонажа в речь повествователя и, тем самым, осуществляющей незаметный переход от внешних речевых границ к внутренним.

Значимым представляется сцепление данного эпизода со следующим, описывающим дом и сад в имении Песоцких, в котором также последовательно осуществляется сближение точек зрения повествователя и героя. Не случайна последовательность «фокусировки» точки зрения Коврина: *угрюмый парк-вода-фруктовый сад-цветы-причудливые деревья-движение-люди*. По-

степенное сужение точки зрения от панорамы к фиксации конкретных составляющих сада и от антропоморфного описания парка к обезличенному описанию людей работает здесь как прием «романтической» поэтики с ее обожествлением природы и презрением ко всему низменному, составляющему человеческую жизнь. Здесь же наличие модальных маркеров – «даже в дурную погоду», «особенно в ранние часы» [Чехов 1985: 226] выполняет функцию хронологического раздвижения границ описываемого. Повествователь производит в данном случае обратное «расширение» описываемого, используя абсолютное настоящее время (в котором описываемые события имперфектизируются, становясь, за счет этого, словно бы постоянными). Этот процесс обратного расширения точки зрения (от «нулевой фокализации» в зачине к незаметному включению в нейтральное повествование внутренней речи главного героя и затем, вновь, расширяясь до квазиобъективного взгляда) является еще одним механизмом, позволяющим включить в повествование элементы романтического двоемирия. За счет такой удвоенной интерференции точка зрения Коврина оказывается внеположенной собственно ему самому как герою повествования. Т.е. традиционный чеховский прием объективизации повествования (с типичной «нулевой фокализацией») в данном случае работает в системе координат романтической традиции «высокого безумия», подразумевающего «расщепление» сознания героя.

Приезд Коврина и последующие события зафиксированы во времени, каждому из событий текста отведен определенный хронологический отрезок: «Коврин приехал... в десятом часу», «после полуночи отправился с ней в сад» [Чехов 1985: 227], после трех часов Таню сменяет Егор Семеныч. Зато топография пространства здесь максимално стерта: «дым заменяет облака, когда их нет»; «весь сад утонул в дыму» [Чехов 1985: 228]. Семантически значимым в данном предложении представляется сочетание глагола «утонул в дыму» (семантика глагола здесь включает понятие о «погружении», «ниже», в то время как «дым» связан с пространственным «верхом» – небом, облаками, парением в воздухе). Столкнове-

ние взаимоисключающих значений в «характерологии» чеховского сада наделяет описываемое, вполне реальное, на первый взгляд, пространство сада качеством эфемерности/фантастичности. Закрытие ряда этих мини-эпизодов (с максимально «запротокольным» временем действия и минимально «действительным» пространством) происходит «внутри» сознания Коврина за счет постоянного переключения точки зрения нарратора с внешних границ на внутренние и включением идиллических мотивов в представление героя об окружающем мире: «... эти мелочи опять напомнили Коврину его детство и юность. Прекрасное настоящее и просыпавшиеся в нем впечатления прошлого сливались вместе; от них в душе было тесно, но хорошо...» [Чехов 1985: 231] Обращает на себя внимание исключение категории будущего из комплекса внутренних переживаний времени главного героя.

Ряд последующих эпизодов текста (исполнение серенады Брага и первая встреча с монахом) также имеет внутреннюю логику. Мелодия становится внешним импульсом, провоцирующим безумие Коврина. Здесь интересна параллель между чеховским текстом и тургеневскими «темными» рассказами – «Кларой Милич» и «Тремя встречами», в которых музыка также выполняет функцию «спускового крючка», провоцирующего «обратное» разворачивание сюжета уже не в виде последовательности внешних событий, а в виде сцеплений описаний снов, видений и т. д. «Музыкальный» эпизод в тексте рассказа оформлен по всем правилам романтической поэтики: «*девушка, больная воображением*», «*таинственные звуки*», гармония, которая «*непонятна и потому обратно улетает в небеса*» [Чехов 1985: 233]. Риторическое оформление эпизода отчетливо эвфонично и явно указывает на его родственность романтическим новеллам 19 века. Упоминание о том, что в данный момент у Коврина «*слипались глаза*» «дискредитирует» действительность происходящего, узаконивая в мотивной структуре повествования то самое романтическое «двоемирие», которое было подготовлено рядом предыдущих эпизодов.

Важным представляется также сама разница риторического оформления рассматриваемых

эпизодов. Если приезд Коврина к Песоцким, его увлечение Таней переданы средствами типично романтической риторики, то совсем иначе выглядят диалоги Коврина с черным монахом (и именно здесь, в экспозиции, мы наблюдали «растворенную» несобственно-прямую речь Коврина в речи повествователя). Разговоры с черным монахом имеют крайне рационализированную, подчеркнута диалогическую форму, здесь нет романтической неясности, как нет и даже потенциально возможного слияния голоса Коврина с голосом повествователя (в этом смысле эти диалоги кажутся близкими диалогам героев «Палаты №6» – повести, композиционно и тематически близкой рассматриваемому нами рассказу). В этом разговоре двух Я героя нет места «нулевой фокализации»: объективный повествователь самоустраняется, а диегетический способ развертывания повествования сменяется миметическим (и сам антураж диалогов кажется подчеркнута перформативным). В заключительной части (после «исцеления») перед нами вновь повествование в «нулевой фокализации»: «*Живя у тестя в деревне, он пил много молока, работал только два часа в сутки, не пил вина и не курил*» [Чехов 1985: 250]. «Риторика», характерная для речей монаха, дублируется в обвинении, которое Коврин предъявляет Тане («*Как счастливы Будда и Магомет или Шекспир, что добрые родственники и доктора не лечили их от экстаза и вдохновения!*») [Чехов 1985: 251]). Последняя глава рассказа написана с точки зрения остраненного повествователя. Граница между голосом персонажа и голосом нарратора здесь неизбежна, ничто ее не нарушает. Как нам представляется, именно это колебание «границ» повествования в пределах рассказа, с одной стороны, создает возможности множественной интерпретации (в том числе интерпретации в пределах жанра и даже стиля), а с другой стороны напрямую согласуется с авторским замыслом репрезентации «истории болезни». Строгое разграничение точек зрения повествователя и персонажа, остраненный взгляд на события, переживаемые героем после его «исцеления», лишь в финале сменяются едва заметным совмещением внешней точки зрения повествователя и внутренней – героя: «*Он звал*

Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна. Он видел на полу около своего лица большую лужу крови и не мог уже от слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо» [Чехов 1985: 257]. Переход от остраненного наблюдения к неожиданной интерференции (и затем – в последнем абзаце, вновь возвращение к позиции стороннего наблюдателя) оказывает очень сильный эффект на читателя, позволяет добиться наивысшего накала трагичности.

Исходя этих наблюдений, можно прийти к следующим выводам: в тексте рассказа задействованы некоторые внешние признаки романтической поэтики, которые взаимодействуют с типично чеховской композиционной схемой. Нам представляется, что включение в текст романтических приемов имеет целью не только и не столько их остранение, но в большей степени является механизмом, осуществляющим постоянную интерференцию точек зрения повествователя и главного героя произведения. Именно схема взаимодействия этих точек зрения должна быть принципиальным пунктом в анализе чеховского текста. Методология, позволяющая анализировать степени «присутствия» в тексте повествователя и различать диегетические/экзегетические эпизоды чеховского повествования, делает возможным расширить диапазон возможных интерпретаций текста, избежать однозначного толкования авторской позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назиров Р. Г. Чехов против романтической традиции (К истории одного сюжета) // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сборник статей. Уфа, 2005. С. 42–57.
2. Сухих И. Н. Загадочный «Черный монах» // Вопросы литературы. 1983. № 6. С. 109–125
3. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь, 2001.
4. Чехов А. П. Письмо Меньшикову М. О., 15 января 1894 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / Ред. тома А. И. Ревякин. М., 1977. Т. 5. С. 261–262.

5. Чехов А. П. Черный монах // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / Ред. тома К. Н. Ломунов. М., 1985. Т. 8. С. 226–257.

6. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971.

REFERENCES

1. Nazirov R. G. (2005) Chekhov protiv romanticheskoi traditsii (K istorii odnogo siuzheta) [Chekhov against the romantic tradition]. In: *Russkaia klassicheskaia literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniia raznykh let: sbornik statei [Russian classical literature: comparatively historical approach. Studies of different years]*. Ufa, pp. 42–57. (in Russian)
2. Sukhikh I. N. (1983) Zagadochnyi «Chernyi monakh» [Mysterious black monk. *Voprosy literatury [Literature Issues]*. no.6, pp. 109–125 (in Russian)
3. Tiupa V. I. (2001) *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa («Arkhieriei» A. P. Chekhova) [Narratology as an analyst of narrative discourse (“The Bishop” by A. P. Chekhov)]*. Tver. (in Russian)
4. Chekhov A. P. (1977) Pis'mo Men'shikovu M. O., 15 ianvaria 1894 g. Melikhovo [A letter to the Menshikov, January 15, 1893]. In: *Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Collected Works and Letters]*, in 30 vols., vol. 5, pp. 261–262. (in Russian)
5. Chekhov A. P. (1985) Chernyi monakh [The Black Monck]. In: *Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Collected Works and Letters]*, in 30 vols., vol. 8, pp. 226–257. (in Russian)
6. Chudakov A. P. (1971) *Poetika Chekhova [Chekhov's poetics]*. Moscow. (in Russian)

РЕЧЕВОЙ ОБЛИК ПЕРСОНАЖА В КОНТЕКСТЕ РЕФЛЕКСИИ 90-Х (на материале романа «Дождь в Париже» Р. Сенчина)

IRINA M. VOZNESENSKAYA

THE CHARACTER'S SPEECH IN THE CONTEXT OF HIS REFLECTIONS ON THE 90S
(based on the novel "Rain in Paris" by R. Senchin)

В статье выявляются языковые черты, характеризующие главного героя как личность эпохи перемен конца 80-х – 90-х годов. В качестве составляющих речевого облика персонажа рассматриваются языковые явления, маркированные отнесенностью к действительности этого времени, а также речевые доминанты, отражающие ценностные представления и особенности эмоционального мира героя в сложный, переходный период жизни страны. Выявленные речевые характеристики анализируются в контексте специфики идиостиля Р.Сенчина и поэтики его произведений, ориентированных на достоверность и искренность изображения.

Ключевые слова: художественный текст, язык современной литературы, Роман Сенчин, идиостиль, дискурс 90-х, речевой портрет персонажа.

The article reveals the linguistic features that characterize the protagonist as a personality of the period of the late 80s - 90s. Considered linguistic phenomena are marked by the relevance to the reality of this time, speech dominants reflect the value ideas and features of the hero's emotional world in a difficult, transitional period of the country's life. The revealed speech characteristics are analyzed in the context of the specificity of R. Senchin's idiostyle and poetics of his works, focused on the reliability and sincerity of the image.

Keywords: the literary text, language of modern literature, Roman Senchin, author's style, discourse of the 90s, speech portrait of a character.

**Ирина Михайловна
Вознесенская**

Кандидат филологических наук, доцент

► i.voznesenskaya@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11.

Irina M. Voznesenskaya
Saint Petersburg State University

199034, St. Petersburg,
Universitetskaya emb., 11

Роман Сенчин – прозаик, литературный критик, автор романов «Нубук», «Ёлтышевы» (финалист «Национального бестселлера»), «Зона затопления» (премия «Большая книга»), сборников короткой прозы («Афинские ночи») и публицистики. В 2020 году вышла книга «Петербургские повести». В настоящее время Р.Сенчин живет в Екатеринбурге. Роман «Дождь в Париже» вышел в 2019 году¹, был в шортлисте «Большой книги», представлен как для творчества Р.Сенчина, так и для современной российской прозы в целом.

Название романа «Дождь в Париже» вызывает у читателя определенные ассоциации, настраивая восприятие на романтические и импрессионистические ожидания, которые, однако, оказываются обманчивыми и не оправдываются. Действие романа приходится на конец 80-х – 90-е

годы, герой романа Андрей Топкин живет в Кызыле, в Туве, и в Париж он приезжает с туристической группой на несколько дней. Оказавшись вдали от дома и привычной среды, в состоянии тоскливого одиночества в дождливо-стылом городе герой поддается потоку охвативших его воспоминаний и размышлений о своей сорокалетней жизни. Активируя работу памяти, возвращаясь к событиям детства, юности, Андрей Топкин погружается в мир прошедших лет, связанных с поисками своего места и самого себя в условиях новой, меняющейся российской действительности конца 80-х - начала 90-х годов.

Специалисты относят творчество Романа Сенчина к той прозе современных авторов, которую обозначили как «новый реализм», «неореализм», называя в этом отношении, в частности, имена С. Шаргунова, Г. Садулаева, З. Прилепина, А. Снегирева и целого ряда других [Черняк 2019: 123]. Появление писателей, поэтике которых свойственна ориентация на традиции русской реалистической литературы, было альтернативным ответом на утвердившиеся в 90-е годы в литературе России постмодернистские тенденции.

Свои основные художественные принципы Р. Сенчин неоднократно охарактеризовал в различных интервью и выступлениях перед читателями: «писать жизнеподобно, чтобы вызвать доверие читателя»; «зафиксировать какие-то грани современной жизни, чему я был свидетелем, что я чувствовал, что понял», предметом художественного изображения является «ситуация, история из реальной жизни, которая требует, чтобы ее описали»².

Литературные критики дают разные, часто прямо противоположные, оценки произведениям, языку и стилю писателя. «В его произведениях, – пишет В. Пустовая в 2004 году о только входившем в литературу Романа Сенчине, – нет ощущения творческой авторской личности – нет символизации, меткости, мысли, обобщения — это почти домашние съемки, почти околоскусство. Его неприкаянные герои, их темный, знакомый большинству наших сверстников мир – не плод свободного творчества, а запись подробной, боящейся чего-то не упомянуть исповеди, недоуменный взгляд:

мол, вот так бывает на свете — и что вы думаете по этому поводу?»³.

Этому мнению оппонирует П. Басинский: «Сенчин – писатель честный. Проза у него честная. Как, знаете, говорят “честный продукт”. Без химии и стимуляторов выращенный. И стиль у него честный. Без щегольства, без метафор почти. Сколько слов нужно, столько и пишет. Люблю я этого писателя», – заканчивает свою статью Павел Басинский⁴.

«Язык Сенчина критики называют и “бледным”, и “стертым”»⁵, и в самом деле, стилистика его произведений не отличается яркими тропами, какими-то необычными приемами, особенными средствами выразительности, новизной словоупотребления. На что Р. Сенчин поясняет: «Я побаиваюсь стиля, может потеряться правда, которую писатель хочет выразить»⁶. Отсутствие ярких языковых примет, выразительных средств, индивидуальных внешних приемов, простота и даже нарочитое избегание «спецэффектов», тропов подчеркивает установку на достоверность как художественный принцип, утверждает приоритет правды без ухода в словесную и стилистическую игру.

Речевой облик персонажа формируется при основной художественной установке на достоверность и искренность как в плане отражения в тексте действительности, так и в отношении собственно языкового воплощения, адекватного образу мира и образу героя в системе их видения писателем.

После этих предварительных замечаний попытаемся определить, какие качества речи в романе формируют достоверность изображения, достоверность главного героя.

Основные события романа, представленные в воспоминаниях героя, происходят в конце 80-х – 90-е годы, поэтому вполне закономерно, что речевой облик личности отражает особенности сложного, переломного периода перемен в жизни страны, перипетии событий внешней и внутренней жизни человека в новых условиях.

Речевой облик героя можно охарактеризовать, опираясь на три составляющие:

- Первая из них – это внешний мир, спец-

ифические для изображаемой эпохи реалии и их номинации, которые выделены сознанием героя и сохранены в его памяти как маркеры/знаки новой действительности, характеризующие ее специфику, определяющие среду жизни героя и составляющие объекты – значимости его мира.

- Вторая составляющая – это ценностные установки героя, показывающие его взгляды, убеждения, жизненные ориентиры. Они выявляются через изображение ситуаций, требующих от героя определенного выбора, поиска и принятия решения, установления приоритетов как устойчивых основ собственной жизни.

- Третья составляющая – эмоциональный мир личности, отраженный в характеристике внутреннего состояния, переживаний, реакций героя на происходящее.

I. Внешний, денотативный план – реалии российской действительности конца 80-х – нач. 90-х.

Первый из названных планов представлен обширным классом слов, словосочетаний, отсылающих к действительности 80-х – 90-х годов, называющих приметы новой жизни. Можно выделить и перечислить следующие группы таких единиц:

1) музыка: *рок, рок-группа, рокер, гранж, сейшн, сидюшник, кассетник, Шарп, названия рок-групп – Кино, Алиса, ГО, Денеш Мод, Аэросмит, студия звукозаписи;*

2) кино, развлечения, книги: *видеосалон, имена американских актеров и названия фильмов («Асса», «На грани безумия», Гэрисон Форд), игровые автоматы, карманные электронные игрушки;*

3) бытовые реалии: *талоны, пустые полки, деликатесы, очереди, ларьки, приватизация квартир;*

4) внутривнутриполитическая жизнь: *этнические конфликты, актуализация понятий «коренной»/«некоренной народ», «титовский народ», Сумгаит, Баку, Ош, войны, Афган, армия, откосить, расформирование дивизии и др.*

Текст романа дает возможность дополнять эти ряды ещё множеством слов, однако уже представленные перечисления достаточны для того, чтобы сказать, что такого рода лексические единицы называют новые для того времени явления

русской реальности. Включенные в изображение жизни героя, они отражают общий бытовой, культурный, политический контекст времени, обрисовывают жизненную среду конца 80-х – 90-х годов, включая интересы, вкусы, занятия молодого человека, воссоздают обстоятельства существования героев: между Советским Союзом и новой, еще неизвестной им Россией.

Такой новой характерной приметой времени является для героя поиск работы и те новые виды заработка, которые появились и стали типичными в эти годы. Не доучившись в пединституте, Андрей Топкин пытается найти дело и, отвечая запросам времени, устраивается то установщиком стеклопакетов, то продавцом-консультантом в модный магазин «Джент». Приведем примеры:

В середине 90-ых по телевизору стали упоминать о евроремонте, евроокнах, но что это такое, в Кызыле мало кто знал. Казалось чем-то инопланетным, недостижимым, о чем и узнавать подробно не стоит. А потом начали ставить стеклопакеты в новых зданиях, разных учреждениях, в некоторых квартирах... (186)

Слова *евроремонт, евроокна, стеклопакеты* называют характерную деталь внешнего облика зданий, появившуюся в 90-е и ставшую маркером домашнего удобства, комфорта, и даже признаком состоятельности хозяев. Вместе с тем это было занятие, дававшее возможность неплохого заработка огромной части мужского населения страны. Поэтому название профессии «установщик стеклопакетов» имеет знаковый характер для изображения времени.

Поиск работы составлял острую жизненную потребность. Устроиться на работу считалось удачей, даже если это случалось вопреки профессиональной квалификации, интересам, а исключительно ради возможности заработать, что можно расценивать как новую черту времени, повлиявшую на жизненные приоритеты и предпочтения человека:

Друзья, знакомые, которых были десятки, стоило Андрею заговорить о работе, отводили глаза, будто виноватые в том, что у них есть место для заработка, а у него – нет. Да им Андрей и не завидовал: большинство работало где пришлось, что нашлось, именно ради денег, а не по призванию, не получая удовольствия и удо-

влетворения (188).

Детали вещного мира, обозначающие новые маркеры престижа, представлены писателем не только как средство правдоподобия изображения, но и как актуализированная сфера жизни в целом и в жизни героя романа, в частности:

«Джент» – магазин в здании универмага «Саяны» – славился на весь город. Там одевались местные бизнесмены, депутаты Хурала, покупали или брали на прокат, костюмы для свадеб. Но не одежда притягивала основных покупателей, а так называемые аксессуары – ремни, запонки, зажигалки, перчатки, часы, барсетки, портмоне, очки, чехлы для пейджеров, галстуки... Даже мобильники лежали в витрине за толстым стеклом – ещё те, похожие на рации, – хотя мобильной связью в городе и не пахло.

В общем, в «Дженте» торговали тем, без чего обычный мужчина мог вполне обойтись, а статусный – никак (189).

Человек того времени выделяет в окружающей действительности то, что было новым, что меняло вкусы, интересы, потребности, эти материальные детали являются существенными компонентами изображения, обозначая значимости предметного мира, часто представленные в мелких подробностях, указывающих на «выдвижение» из ряда привычного в окружающей реальности.

Повествователь, становясь хроникером, отмечая значимые приметы времени, не просто сообщает, но и оживляет, активизирует представления, ассоциации, личный опыт старшего читателя, погружая в жизненный контекст, вовлекая в процесс воспоминания. Молодому поколению эти фрагменты романа благодаря своей изобразительной конкретности помогают воссоздать картину времени, и в этом смысле некоторые критики и читатели справедливо называют Сенчина «летописцем эпохи», а он отвечает: «Мне нравится помещать документы времени в свою прозу», «запечатлеть, сфотографировать моменты современной жизни»⁷, зафиксировать их объективно и достоверно.

Вместе с тем эти номинации, обилие подробностей вызывают в сознании взрослого читателя целый поток собственных ассоциаций, картин,

образов, расширяя рамки изображения и вместе с тем формируя эмоциональный подтекст, связанный с личными впечатлениями и оценками. Писатель опирается на реалии, известные читателю-современнику, вызывающие отклик в его личном опыте, встречающие понимание и эмоциональное сопереживание, сочувствие герою. Такая установка на документальную точность изображения придает общению с читателем доверительную окраску.

В частях романа, воссоздающих портрет времени в картинах меняющейся жизни, повествование ведется от 3-го лица, в формах авторской речи отражается внешняя точка зрения на героя, события представляются в информативном регистре, констатируя происшедшее. Повествователь в этом случае выполняет роль хроникера, сообщающего о событиях. Например: *Восемьдесят девятый – девяносто второй годы: шестнадцать-девятнадцать лет. В это время он окончил школу и поступил в институт, женился. Повзрослел. Тот период по количеству открытий можно было сравнить только с детством, когда каждый день приносит что-то новое. Новые, вчера ещё запрещенные фильмы, книги накатывались валом... (189-190).* Установка на документализм в изображении внешней действительности достигается конкретизацией, в частности, перечислением книг и писателей, прочитанных героем в это время: опубликованные тогда в журналах «Доктор Живаго», «Чевенгур», произведения Набокова, Сартра, Камю, Маркеса, Виана, Селина, которые повлияли на вкусы, интересы, кругозор героя, сформировали его видение мира. «И все это успевали читать, передавали друг другу журналы и книги, обсуждали, собравшись компанией» (123) и главное – «Эта литература открывала новый мир – мир свободы» (124).

Важно отметить, что поведение и позиция повествователя по отношению к герою на протяжении романа меняется. Отдельные части книги демонстрируют максимальное сближение рассказчика с персонажем, повествование субъективизируется, полностью переключаясь в сферу восприятия, мыслей и чувств Андрея Топкина. Вот как, например, в следующем фрагменте, где речь от 3-го

лица полностью смещается в сферу персонажа, отражая его ощущения и мысли:

Шагнул на улицу под синий навес у двери отеля, и сразу обдало сырým ветром. Черт, даже и в голову прийти не могло, что в Париже возможна плохая погода. Как тут гулять? Об асфальт колотились сердитые твердые капли, ручейки воды бежали по краям проезжей части.

Топкин глянул время в телефоне.<...>

А чем он занимался последние сутки? Как во время перелета из Абакана в Москву стало вспоминаться, так и не отпускает. Лезет и лезет, всплывает, вспучивается, словно ещё одна, повторная жизнь, давно пережитое (70-71).

В этом отрывке при формальной организации речи от 3-го лица (*Топкин глянул время в телефоне*), модус восприятия полностью относится к герою, обнаруживает формы его речи (*Черт! Как тут гулять?*), поток мыслей и импульсы воспоминаний в сознании Топкина отражаются безличными конструкциями (*стало вспоминаться, так и не отпускает*), глагольные формы *лезет, всплывает, вспучивается* относятся к абстрактному имени «*пережитое*», что максимально отражает состояние сознания героя с внутренней точки зрения. Такая организация речи, близкая к повествованию от 1-го лица, дает возможность достоверно выразить недоступный прямому наблюдению ход размышлений героя, его чувства и впечатления. Эта особенность речевой структуры прозы – фактически перволичное повествование в формальных реализациях третьего – отмечается исследователями как одна из тенденций в поэтике современной литературы [Васёва 2020].

Таким образом, достоверность связана с разными сторонами произведения, её создаёт не только точность номинаций, отражающих реалии времени во внешней действительности, но и особая организация речи, позволяющая читателю стать ближе к герою, вовлекающая в мир его размышлений и чувств. Такое субъективированное повествование, сходное с перволичной формой, вызывает доверие и сочувствие читателя, усиливая искренность как компонент образа.

Переключение повествовательного ключа, смещение точки зрения в плоскость героя проис-

ходит при передаче его внутренней жизни, в частности, для отражения личной рефлексии ситуаций, вызывающих его мысли и чувства.

II. Внутренний мир героя.

Как мы отметили ранее, второй из названных планов относится к характеристике внутренней жизни героя, которая представлена, описана через его отношение к той или иной значимой ситуации личной жизни. Такого рода ситуации, имеющие важное личностное значение, раскрывающее ценностную картину мира человека, можно вслед за В.И. Карасиком назвать аксиогенными, имея в виду «положения дел, осмысливаемые как взаимосвязанные представления о том, что есть благо и зло» [Карасик 2019: 32]. Аксиогенные ситуации, как своеобразный оселок, выявляют приоритеты и нравственные предпочтения личности.

Ценностные ориентиры героя обнаруживаются в его отношении к той или иной ситуации, при этом его оценочные суждения, проявляющие позицию, являются ключом к пониманию взглядов, убеждений, основ видения и понимания мира персонажем.

Одной из таких ключевых ситуаций в романе является ситуация отъезда из Кызыла, из Тувы местных русских жителей, их исхода (как назвал это переселение сам Сенчин). Некоренные жители Тувы в условиях обостряющихся национальных противоречий, постепенного вытеснения русских как «некоренного народа», ограничения их возможностей в самореализации начинают уезжать. Уезжают родители героя, уезжает его жена с ребенком, но Андрей Топкин отказывается покидать Кызыл, проявляя какую-то укорененность, необъяснимую верность к Кызылу как месту, где он вырос, учился, жил, любил и уехать из которого не хочет, воспринимая это как отказ от самого себя, от близкого и органичного ему, знакомого мира. Возможно, эта привязанность к своему пространству не позволяет ему легко войти, влиться хотя бы ненадолго в мир Парижа, долгое время существовавшего в его мечтах, на полотнах любимых импрессионистов и в книгах. Оказавшись реальностью, этот город как будто не принимает неприкаянного героя, заставляя его погружаться в пространство памяти.

Через описание отношения к ситуации – неприятие отъезда, переселения – проявлен один из основных внутренних ориентиров Андрея Топкина, стержневой жизненный принцип, что ярко выражено, например, в этом фрагменте:

Почему скучал и морищился – не мог себе объяснить. И не пытался. По природе не твердый, не упорный, он когда-то решил, что его родина – вот здесь, в небольшом городе, окруженном горами, что его река – Енисей, его деревья – толстые кривые тополя, его лето – испепеляющее жаром, а зима – выжигающая морозом... Решил тихо, в душе, и не мог представить, что станет иначе...

А Алинка могла. И после долгой борьбы с Андреем, двух пробных поездок в этот неведомый Бобров в конце концов уехала туда навсегда. Вместе с сыном. Случилось это через месяц после застолья в «Горыныче».

Андрей звонил, уговаривал вернуться, верил, что вернется, но Алинка не вернулась. Наоборот, поставила ультиматум: или он продает квартиру и мчит к ним, или она подает на развод.

Удивительно, но его не испугали такие слова, не возмутили, не заставили что-то предпринять. Он как-то успокоился. Понял, что, если даже согласится и сделает всё, как она требует, прежней их жизни вместе не будет. Не будет больше счастливых минут, разговоров душевных, открытых улыбок, той дружбы, что делает семью настоящей. Горько-гнилой осадок этого ультиматума ничем не вымыть (15).

Высказывания, описывающие отношение героя к ситуации возможного отъезда, демонстрируют его убеждения, его ценностный мир: невозможность отказаться от того пространства, в котором сложилась его личность, с которым спаяно его представление о самом себе. Не случайна и финальная фраза романа: «Пора было возвращаться домой», усиливающая такой смысловой акцент.

Таким образом, пространственные координаты становятся носителями аксиологических смыслов. «Функционирование топонимов в художественном тексте обусловлено, с одной стороны, объективными причинами: обозначение места действия <...> с другой – субъективными причинами: особенностями мировидения и идио-

стиля автора» [Щукина 2019: 11]. Действительно, топонимы в романе «Дождь в Париже» предстают как знаковые сущности в мире героя: *Кызыл* как пространство родного дома и знак приверженности героя избранным ценностям, *Париж* как город мечты, оказавшийся чужим и как бы отторгающим, усиливающим чувство одиночества героя и запускающим процесс воспоминания им собственной жизни. Город *Бобров*, куда уезжает жена с сыном, и *Эстония* – новое местожительство родителей – выступают пространственными маркерами незнакомого и ничем не привлекающего мира.

Словесно выраженная в этом фрагменте рефлексия героя проявляет состояние его сознания, вводит размышления о своем пути, о выборе основ жизни, формирует основной мотив романа.

III. Третий из названных – эмоциональный план – также проявляется чаще всего в структуре повествования, описывающего рефлексии героя, переживающего острые ситуации личной жизни. Эмоциональное состояние получает экспликацию с помощью лексем, называющих чувства и характеризующих состояния человека, с трудом находящего себя в новых обстоятельствах жизни. Для Андрея Топкина такими ситуациями стали:

- профессиональная перестройка, поиск работы, интересного дела в жизни;
- семейная драма – разрыв с женой, которая на фоне апатии и бездействия героя преуспевает в малом бизнесе, торгуя ширпотребом;
- разлука с родителями, которые вынуждены переехать в Эстонию в поисках лучшей жизни;
- потеря друзей, разрывы дружеских связей и горькие судьбы бывших одноклассников и одноклассников.

Воспоминания и размышления об этих жизненных ситуациях включают эмоциональную реакцию, выраженную лексемами *тревога, депрессия, раздражение, неприкаянный, чужой, лишний, растерянность*, формируя соответствующую тональность речи, вызывающую отклик, понимание и сопереживание читателя. Эмоциональный подтекст, отражающий смятение, ненастье в душе – «дождь в Париже» – это то, чем делится герой, что отражает подлинность чувств и влияет на ис-

кренность общения автора и читателя.

Достоверность внешнего, узнаваемого мира, достоверность внутренней жизни, вызывающей сопереживание, понимание, и достоверность речевого существования, рождающие ощущение правдивости и искренности мыслей, чувств, определяют речевой облик героя. Эти качества и оценочные характеристики в равной степени относятся и к идиостилю самого писателя.

В одной из своих последних статей о литературе Р.Сенчин, оценивая «беллетристику» как «сочиненные книги», противопоставляет ей «прозу»: «Сочинённые – книги о сочинённых людях читаешь иначе, чем другие, несочинённые или имитирующие несочинение. Какая-то важная жила в организме остаётся незатронутой, она при таком чтении продолжает спать.

С первого абзаца читатель должен понять, что дальше его будут не столько развлекать, сколько делиться сокровенным и важным. Лезть читателю в душу...»⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сенчин Роман Валерьевич. Дождь в Париже: роман/ Роман Сечин.- Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.-416 с. В тексте статьи цитаты приводятся по данному изданию, в скобках указан номер страницы.

² Интервью 25.04.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qfOBy2VHniA>

³ URL: <http://www.ijp.ru/text/833>

⁴ URL: <https://rg.ru/2016/05/22/paved-basinskij-sovremennogo-pisatelja-senchina-ne-dolzno-bylo-byt.html>

⁵ URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/10/roman-senchin-neokonchennyj-portret-v-sumerkah.html>

⁶ Из интервью Д.Быкову. Реализм опасен для здоровья. 3.07.2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m6u6lfnQwQ>

⁷ Роман Сенчин и Ярослава Пулинович в диалоге с Борисом Минаевым. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Mf57KtdiVsE>

⁸ Сенчин Роман. Под знаком сочинительства. Литературное десятилетие: взгляд изнутри. Литературная газета. №5, 2020 URL: <https://lgz.ru/article/-5-6723-05-02-2020/pod-znakom-sochinitelstva/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Вaseva Д.Д. Языковые средства формирования смысловой структуры художественного текста (на материале современного рассказа). Автореф. ... дисс. канд. филол. н. СПб, 2020.

2. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мо-

тивы. М., 2019.

3. Черняк М.А. «Новый реализм» современной прозы в контексте русского традиционализма// М.А.Черняк. Проза цифровой эпохи: тенденции, жанры, имена: учеб. пособие. М., 2019. С. 120-133.

4. Шуккина Д.А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста). СПб., 2019.

REFERENCES

1. Vaseva D.D. (2020) *Iazykovye sredstva formirovaniia smyslovoi struktury khudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennogo rasskaza)* [Linguistic means of forming the semantic structure of a literary text (based on the material of a modern story)] (Candidate's thesis, Philology), Saint Petersburg State University, St. Petersburg. (in Russian)

2. Karasik V.I. (2019) *Iazykovaia spiral': tsennosti, znaki, motivy*. [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow. (in Russian)

3. Cherniak M.A. (2019) «Novyi realizm» sovremennoi prozy v kontekste russkogo traditsionalizma [The "New Realism" of Contemporary Prose in the Context of Russian Traditionalism] In: M.A.Cherniak. *Proza tsifrovoi epokhi: tendentsii, zhanry, imena: ucheb. posobie*. [Prose of the digital age: trends, genres, names: textbook]. Moscow. Pp. 120-133. (in Russian)

4. Shchukina D.A. (2019) *Russkaia literatura XXI veka (fragment prostranstva khudozhestvennogo teksta*. [Russian literature of the 21st century (a fragment of the space of a literary text)] St. Petersburg. (in Russian)

ЭЛЕКТРОННО-ОПОСРЕДОВАННАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СТЕПЕНЬ ЕЁ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

IRINA B. AVDEYEVA

ELECTRONICALLY MEDIATED COMMUNICATION:
THE DEGREE OF ITS IMPACT ON USERS

**Ирина Борисовна
Авдеева**

докт. пед. наук, доцент,
академик ПАНИ, профессор

► i.avdeyeva@mail.ru; ruslang@madi.ru

Московский автомобильно-дорожный
государственный технический
университет
125319 Москва, Ленинградский пр., д. 64

Irina B. Avdeyeva

Department of Russian for foreign citizens
Moscow automobile and road construction
state technical university (MADI)
64 Leningradsky Ave., Moscow

На основе анализа научной и научно-методической литературы рассмотрена актуальная в последнее время тема методики преподавания РКИ - проблема «необратимых» процессов, которые проделала «цифровая» коммуникация в области мышления целого поколения учеников, в том числе иностранных учащихся. На базе научных данных из области когнитивистики, в частности теории когнитивных стилей, работ отечественных и западных ученых, а также проводимых в лингводидактических целях в течение 15 лет собственных исследований когнитивного стиля иностранных учащихся инженерного профиля предпринята попытка обосновать не очевидность данных выводов и наметить перспективы дальнейшего серьезного изучения этой действительно новой и интересной области преподавания РКИ.

Ключевые слова: новая «цифровая» электронно-опосредованная коммуникация, коммуниканты «цифрового» общения, новое «цифровое» поколение учеников, особенности восприятия «цифровых» мультимодальных текстов, когнитивные стили, аналитический левополушарный когнитивный стиль.

Based on the analysis of scientific and methodological literature, the article considers the recently relevant topic of teaching methods of RCT-the problem of «irreversible» processes that «digital» communication has done in the field of thinking of a whole generation of students, including foreign students. On the basis of scientific data from the field of cognitive science, particularly the theory of cognitive styles, domestic and Western scholars and as well as their own research on the cognitive style of foreign engineering students conducted for linguodidactic purposes for 15 years attempt to justify the evidence of these findings and outline the prospects for further serious study of this is really new and interesting teaching trials.

Keywords: new «digital» electronically mediated communication, communicants of «digital» communication, new «digital» generation of students, features of perception of «digital» multimodal texts, cognitive styles, analytical left-hemisphere cognitive style.

Введение.

В предыдущей статье мы рассматривали степень новизны новой «цифровой» электронно-опосредованной коммуникации и функционирующих в её рамках новых форматов общения. В работах последнего периода данная проблема тесно связана с другой, вытекающей из неё. Как полагают некоторые методисты, результатом «цифровизации» коммуникации стало появление **нового молодого поколения учеников**, «которое выросло со смартфоном в руках, воспитано в сетевом общении, блогах и твиттерах»

[Левина, Андреев, Хафизова, 2016:330]. Оно характеризуется принципиальным изменением мыслительных стратегий учащихся [Черкашина, Новикова, Береснев 2018].

Характеристики коммуникантов цифрового общения. Обзор литературы.

Все перечисленные явления, характеризующие **новую электронно опосредованную коммуникацию**, по мнению некоторых методистов, вызвали **изменения**, «уже очевидные и измеримые, которые происходят на стороне **коммуникантов цифрового общения**» [Русецкая 2018:1867].

В работах по лингводидактике все чаще декларируется в качестве характерной особенности современных коммуникационных средств то, что «они **оказывают воздействие** не только на отдельные органы чувств, но также на всю нервную систему человека, **работу его памяти, концентрации внимания, на способы мышления**, формирование и проявление воли, на **развитие** и проявление **личности в целом**» [Глушач, Кинфу 2019:151]. Утверждается, что «глобальная интернетизация человечества необратимо ведет к **изменению психики, образа мышления, поведенческой логики индивида**», а «постоянно увеличивающаяся информационная нагрузка влечет за собой **физиологические изменения психики, логики, памяти**» [Егорова 2014: 2630]. Делаются категорические выводы о том, что «глобально **изменились механизмы восприятия и переработки человеком информации**» [Левина 2017: 210], что «современное общество полностью **изменило собственный когнитивный тип восприятия**» [Левина, Козырева 2016:42], без уточнений того, каким был и какой сформировался, и в рамках какого конкретно контингента. Объявляется: «Хотим мы того или нет, но жизнь в постоянном информационном потоке формирует у нас **сетевое мышление**» [Егорова 2014: 2626]. Поэтому и лингвисты, и психологи постоянно пытаются описывать взаимосвязи мышления и Интернета, объектом различных исследований стали также недавно появившиеся понятия Интернет-мышление, Net-мышление, контентное мышление, визуальное мышление и т. п. (Н.Н. Глушач, З. Т. Кинфу).

Перечислим основные **изменения**, которые, по мнению некоторых авторов, происходят с са-

мыми «**коммуникантами цифрового общения**». К **особенностям** их восприятия и переработки информации, и в целом **коммуникативного поведения пользователей Интернета** обычно причисляют: **снижение способности сосредоточиваться** на одном предмете коммуникации и на одном канале информации; развитие навыка **диагонального чтения** (скроллинг), то есть выборочное скоростное чтение; **компрессию времени**, которое пользователь тратит на восприятие информации; восприятие информации **небольшими фрагментами**, «короткими блоками»; формирование **холистического, целостного** восприятия текстов в результате поликодовой коммуникации, когда происходит выражение цельного смысла одновременно словом, звуком и картинкой [Русецкая 2018: 1635].

В последнее время стало модно упоминать представителей «поколения Z» в терминологии американских ученых Н. Хоува и В. Штрауса, описанного в ряде статей о Теории поколений, которые рождены после 2000 г. и учатся сейчас в школах и вузах. Как результат того, что «у них в крови высокие технологии», за этим поколением закрепились эпитеты: «экранозависимые», «мутанты», «цифровые аборигены». Авторы этих исследований, а вслед за ними и отечественные методисты утверждают, что в процессе деятельности (причем, отнюдь не только учебной, но и производственной) они: хорошо функционируют **в условиях многозадачности**, имея способности решать сразу **несколько разноплановых задач**, но **простых и лаконичных**; хорошо справляются с **индивидуальными задачами и поручениями**; требуют чёткого обозначения **определённой последовательности действий**; должны внимательно изучить **инструкции и пояснения**; в огромном потоке информации жёстко **отделяют ненужное, фильтруют только необходимое** для них; способны **перерабатывать информацию** лишь **небольшими порциями**; больше нацелены на **самообразование**, чем на ожидание помощи от других, «**самопедагоги**». Причём утверждают также, что, хотя **скорость** восприятия новой информации у них постоянно **возрастает, падает концентрация внимания** при восприятии новой информации (продолжительность внимания сократилась до 8 сек.). [Как поколение Z 2016]. Отечественные методисты

отмечают также: «Когда на первый план вышли цифровые коммуникации, появилось **поколение людей, которые быстро реагируют, но медленно думают**» [Богуславская, Богуславский 2019: 108].

Постановка задачи

Как мы уже писали, при столкновении с громкими заявлениями о полной смене и даже деградации мыслительных процессов при использовании гаджетов, а также с перечислениями этих «признаков деградации» возникает **ощущение Deja vu**. Все время появляется чувство, что мы, опытные преподаватели РКИ, уже где-то с этим сталкивались, наблюдали в аудитории, читали об этом, работали с этим. И невольно задаешься закономерным вопросом: так ли ново и беспрецедентно все, что происходит с участниками электронно-опосредованной «цифровой» коммуникации в процессе их общения и в процессе обучения?

Чтобы ответить на эти вопросы, целесообразно обратиться к серьезным научным исследованиям по **когнитивистике**, в частности к **теории когнитивных стилей**, сформировавшейся как направление в США в середине XX века и затем исследовавшей в рамках **отечественной научной школы** влияние системы обучения и профессиональной деятельности на развитие мыслительных познавательных процессов индивида. Кроме того, полезно вспомнить проведенные нами в лингводидактических целях **исследования когнитивных стилей иностранных учащихся инженерного профиля** 15-летней давности.

Основная часть (методология, результаты).

Так ли новы познавательные характеристики/когнитивные предпочтения представителей цифровой коммуникации?

Даже при беглом знакомстве с перечисляемыми в последнее время «особенностями» восприятия информации в рамках электронно-опосредованной коммуникации **представителями «цифрового» поколения** учащихся очевидны их корреляция и даже совпадение с познавательными предпочтениями представителей **конкретного общего когнитивного стиля**, сформированного на одном полюсе свойств и именуемого различными авторами по-разному: аналитический (Р. Гарднер, Д. Гилфорд), полнезависимый (Г. Уиткин, Х. Дюк), рациональный (Д. Уорделл), формальный (Т. Петцольд), абстрактный

(Д. Хант), эктенический (Б. Ливер), левополушарный (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. И. Палей), некоммуникативный (А. А. Леонтьев), логический (Т. В. Черниговская) и т.п., который восходит в типологии великого русского ученого И. П. Павлова к **второсигнальному мыслительному типу личности**. Данный общий когнитивный профиль индивидов обычно бывает сформирован следующими частными стилиевыми параметрами: **полнезависимость, левополушарность, аналитичность, гибкость познавательного контроля, толерантность к нереалистическому опыту**. В работе [Авдеева 2005: 106-133; Авдеева 2006: 53-88] на основе анализа большого корпуса зарубежных и отечественных исследований по когнитивистике подробно описано, что, как правило, **представители этого когнитивного стиля:**

- 1) обладают **аналитичностью мышления**, обычно выбирают **аналитическую стратегию** (Культюкин, Сухобская 1971; Nennesy, Nahinsky 1981);
- 2) имеют преимущество **при анализе** отдельных, упорядоченных во времени и **четко определенных деталей** (Tucker 1981);
- 3) владеют тонкими программами различения **причинно-следственных связей**, выражаемых синтаксическими средствами (Hillyard, Gazzaniga 1971);
- 4) успешны при переработке **простых форм**, при выявлении немногих **четких деталей** (Cremonini, DeRenzi, Faglioni 1980);
- 5) имеют склонность к **упорядочению и программированию событий** во времени (Winner, Gardner 1975);
- 6) характеризуются высокой степенью **автоматизации познавательных функций** (Broverman 1960);
- 7) обладают высокими показателями **невербального**, то есть исполнительного **интеллекта** (Globerson 1983);
- 8) обнаруживают **высокую автономность**, стабильный **образ «Я»**, более объективный подход к проблемам, компетентность и отчужденность (Wardell, Royce 1978);
- 9) используют специализированные защиты, основанные на активной переработке познавательного опыта (**изоляция, интеллектуализацию, проекцию**) (Witkin, Dyk, Faeterson, Goodenough, Karp 1974);

10) лучше выполняют простые арифметические операции **в условиях помех**, характеризуются тенденцией **объединять** (интегрировать) противоречивые элементы стимульной ситуации (Jensen, Rohwer 1966);

11) акцентируют внимание лишь на тех аспектах проблемы, которые необходимы для решения конкретной задачи, и умеют **отбрасывать все лишнее**, то есть не зависят от фона или окружающего шумового поля (Silverman, 1966, Witkin, Goodenough, Oltmen 1979);

12) успешны в решении задач на **сообразительность** («адаптивная гибкость», «функциональная фиксированность»), а также легко **меняют установку при решении задач** (Witkin, Dyk, Faeterson, Goodenough, Karp 1974);

13) не испытывают трудностей **смены способа деятельности или переключения с одного информационного алфавита на другой** (Соловьев 1977);

14) при работе с текстом имеют превосходство при выполнении различного рода **трансформаций текста**, то есть переструктурировки и реорганизации (Adajumo 1983);

15) имеют высокие показатели продуктивности произвольного и непроизвольного запоминания и в целом **более высокую учебную успеваемость** (Колга, 1976) [здесь и выше цит. по Авдеева 2006: 95-104].

Неоднократно доказано, что **полнезависимость** как стилевая особенность индивида оформляется только к 17-ти годам, возрастая затем в течение жизни с переходом к более высоким ступеням образования (Rozenstraten, Pottier 1988), что не даёт возможности проявления этого стилевого параметра у целого поколения, которое при этом не достигло еще зрелого возраста. **Гибкость когнитивного контроля**, проявляющаяся в умении работать в **многоканальности**, легко **переключаясь с одного кода на другой**, - стилевой параметр, напротив, более присущий не зрелым, а молодым, более «гибким умом» индивидам, вне зависимости от их образования, который также хорошо изучен в теории когнитивных стилей.

В работе [Авдеева 2005: 134-156] описаны результаты проведения в течение ряда лет анкетирования иностранных бакалавров, магистрантов,

аспирантов, обучающихся в российских технических вузах, при помощи двух тестов американской исследовательницы Бетти Л. Ливер [Ливер 2000]. При помощи первой анкеты (Тест «Торрансом») мы определяли природную предрасположенность, а при помощи второй (Тест «Индексы сравнительной целостности Ливер» (ИСЦЛ)) - сформированность аналитического стиля, выработанного в процессе приобретения инженерного образования.

Вышеприведённые стилевые параметры были выведены как составляющие **общий когнитивный стиль иностранных учащихся инженерного профиля**, что отражено в описании **лингвокогнитивного портрета иностранных учащихся инженерного профиля**, включающего в себя следующие когнитивные предпочтения в ситуации обучения:

- предпочтение упорядоченности и **внешней организации**;

- **абстрагированность от ненужного** для решения конкретной задачи;

- неприятие большого количества подробной информации, исключений из правил; обладание определенным порогом (буфером) восприятия, требующим **малых порций информации**;

- необходимость расчленения, **анализа предмета**, прекрасная работа со множеством составляющих частей целого;

- ориентация на изучение **инструкций и правил**, а не моделей;

- нацеленность на **индивидуальную самостоятельную**, а не коллективную работу;

- обладание **аналитическим дедуктивным абстрактно-линейным типом мышления**, воспринимающим новую информацию последовательно, концентрируясь на деталях [Авдеева 2006: 108-116; Авдеева, 2008: 68-76]

Распознать этих учащихся в аудитории можно по их записям; они постоянно работают с изучаемым материалом: записывают определение, транскрипцию, перевод знакомых слов, свои мысли и замечания других учащихся на полях любого текста [Авдеева 2006: 138]. То есть очевидно, что они являются **«самопедагогами»**, при этом налицо их способность к **интерактивности**, проявляющаяся в постоянном изменении изучаемых текстов, добавлении пометок

и комментариев.

Как видим, налицо полное совпадение декларируемых как «новые», характерных для носителей цифровой коммуникации познавательных стратегий, и стратегий, уже давно известных в когнитивистике и психологии, которые предпочтительны для представителей **общего аналитического, левополушарного, полнезависимого когнитивного стиля** и полностью коррелируют с **когнитивным стилем учащихся инженерного профиля**. В работе [Авдеева 2006: 126-133] было описано, что вся современная система образования Новейшего времени в рамках европейской культуры, базирующаяся на идее рациональности, на логических и формальных системах способствовала формированию у современного индивида именно этого **когнитивного общего стиля**. Противоположный ему **синтетический, правополушарный, холистический** и т.п. **когнитивный стиль**, который присущ многим древним и неразвитым народам, по мнению западных и отечественных ученых, дан Человеку от природы (Stutterheim, Nuse 2003; «Энциклопедия интеллекта человека», R.Sternberg 2002) [цит. по: Александров, Александрова 2009: 77-109], а потому тщетны специальные усилия по «формированию **холистического, целостного восприятия действительности**». На основе анализа литературы по когнитивным стилям был сделан вывод, что в процессе цивилизации изменение полушарной асимметрии происходит в направлении с правого, более древнего, заданного природой полушария на левое, логическое, рациональное, более современное, сформированное в процессе современного образования, **логического мышления, овладения естественными и техническими науками**. «Считая развитие полушарий изменяющимся параллельно когнитивному развитию в онтогенезе, мы рассматриваем **возрастание специализации левого полушария** как вторичное **проявление когнитивного развития** в рамках системы **европейского высшего образования**» [Авдеева 2005: 160]. То есть, не представляется возможным говорить о какой-либо деградации представителей нового поколения, владеющих цифровыми технологиями в рамках электронно-опосредованной коммуникации. Напротив, наблюдаются на более ранних стадиях проявления когнитивных предпочтений,

свойственных стабильно формируемому **аналитическому стилю мышления, характерному современному хорошо образованному Человеку**.

Не менее наивно звучат и утверждения о якобы **измененном** под влиянием Интернет-среды **типе мышления** у целого поколения, включая одновременно разные народы и разные социальные группы.

В отличие от нашей страны, тема изучения познавательных предпочтений Человека глубоко изучается на западе. Например, в европейской практике часто применяются для определения когнитивных способностей индивида тесты, разработанные еще в 70-е гг. Р. Вудкоком и Мэри Е. Боннер Джонсон, которые постоянно перерабатываются (Woodcock-Johnson Tests of Cognitive Abilities). В их состав входят отдельные тесты по определению конкретных параметров: скорости восприятия (Perceptual Speed), слуховой способности (Listening Ability), звукового различения речи (Speech Sound Discrimination), фонетического кодирования (Phonetic Coding), синтеза фонетического кодирования (Phonetic Coding Synthesis), знания лексики (Lexical Knowledge), языкового развития (Language Development), измерения памяти (Memory Span), ассоциативной памяти (Associative Memory), визуальной памяти (Visual Memory), рабочей памяти (Working Memory), ёмкости рабочей памяти (Working Memory Capacity), изменения памяти (Memory Rotation). Систематическое планомерное тестирование различных групп населения США и других западных стран дало основание учёным сделать однозначные выводы о приоритете генетики, то есть об **индивидуальной биологической детерминированности когнитивных предпочтений** и способностей индивида, заданных природой. А потому не представляется возможным серьёзно обсуждать возможность принципиальных изменений познавательных способностей, даже под влиянием Интернет-коммуникации, в целых популяциях людей, не деля их по социальному и национальному признакам., а лишь по критерию юного возраста.

В работе [Авдеева 2006: 127-130] мы отмечали, что западная традиция психологии и когнитивистики, начав с периода Первой мировой войны массово использовать психометрические тесты, характеризуется более индивидуальным подходом, ко-

торый обусловлен прежде всего наследственностью, а не воспитанием и образованием. В отечественной науке всегда доминировал «средовой» подход, с приоритетом социально-культурной переменной, в то время как в западной традиции детерминантами познавательных предпочтений однозначно признают наследственность, с приоритетом эволюционно-генетической переменной. Основоположник этого популярного направления «дженсенизм» Артур Дженсен в своих исследованиях 1969 г. доказал, что IQ-тесты наравне с индивидуальными различиями определяют и уровень социализации. Сейчас аксиоматичными признаны 10 факторов, которые определяют связь наследственности и культуры, доказав, что индивидуальные и групповые когнитивные способности обусловлены генетически [Rushton, Jensen 2005: 235-294].

Как видим, страхи и фобии некоторых методистов по поводу беспрецедентности характеристик новой электронно-опосредованной коммуникации, а также новом, еще не сформированном, но неведомом прежде мыслительном типе юных учащихся базируются в лучшем случае на внешних, не относящихся к науке, проявлениях, которые могут казаться чем-то необычным. Нельзя отрицать появление некоторых новых форматов общения, но они, безусловно, требуют более серьезного научного наблюдения, анализа и изучения.

Особенности восприятия цифровых мультимодальных текстов по сравнению с печатными.

О чем можно говорить в сложившейся ситуации, так это о **влиянии** (но не более) **новых форматов текстов** на степень их понимания, а именно: какие новые параметры текстов заставляют читателей использовать новые познавательные стратегии, в том числе компенсаторные, для их **понимания и усвоения**. Имеет смысл исследовать отличия цифрового чтения от чтения с листа: описать стратегии (навигацию, скроллинг, «перепрыгивание» и т.п.), а также скорость, точность и глубину понимания текста. Молодые отечественные исследователи, опираясь на переводные работы западных исследователей, изучают опыт западных ученых и проводят собственные **исследования**, посвященные **особенностям восприятия цифровых мультимодальных текстов**» (Т.С. Веселовская, Е.В. Вырощева,

О.Ф. Купрещенко, М.Ю. Лебедева, А.Н. Пучкова, С.И. Симакова).

Например, в работе [Купрещенко 2018] автор приводит данные западных исследований, ориентированные на **различия лингвистических параметров текстов**, при изучении закономерностей чтения **печатного и цифрового мультимодального текста**. В течение ряда лет зарубежными учеными изучались: фиксация движения глаз, особенности навигации по тексту, а также скорость, глубина понимания и время чтения бумажных и цифровых текстов. Исследования [Morineauetal 2005; Van Den Broeketal 2009] показали, что **напечатанный текст** усваивается, **понимается лучше**, чем цифровой текст, хотя в работах [Eden и Eshet-Alkalai 2012] описаны обратные результаты, но в отношении чтения учащимися коротких текстов. Работы [Dillon 1992; Rubinsteinetal 2001; Foerdeeta 2006] показали, что **чтение с листа** занимает **меньше времени**, чем чтение с экрана, что обусловлено многозадачностью, связанной с задействованием нескольких каналов восприятия, хотя в работе [Noyesand Garland 2008] утверждается отсутствие подобных различий. В ряде исследований [Mangen 2008;Hillesund, 2010; Z. Liu 2005] рассматривались стратегии чтения с экрана, среди которых доминируют такие типы чтения, как сканирование и «скимминг», «прерывистое и часто фрагментированное чтение», преобладание F-паттерна и зигзагообразного просмотра страницы цифрового текста, в отличие от концентрированного чтения напечатанного текста.

Паралингвистические параметры цифровых мультимодальных текстов, такие как **интерактивность, поликодовость**, также подверглись анализу и изучению западных исследователей. Установлено, что **гиперссылки** как способствуют улучшению понимания [Duran, 2013; Douglas, 1998], так и **негативно влияют** на **глубину понимания текста** [Duran, 2013; Douglas, 1998]. Кроме того, **интерактивность** цифрового текста, влияя на мотивацию при чтении [Cahilland McGill-Franzen, 2013; Kaoetal., 2016], усиливает когнитивную нагрузку, **усложняя процесс чтения** [McDermottand Gormley, 2015]. Что касается «соотношения модальностей цифрового текста (вербального, визуального, аудиального)» (О.Ф. Купрещенко) и восприятия их читающим, в работах

[Z.M. Flack и J. S. Horst, 2017; P. McDermottand, K. Gormley 2015], установлено, что **две и более иллюстраций** на странице **ухудшают запоминание текста**, а неконтролируемая читателем **анимация в тексте** вызывает у него **негативную реакцию**. Изучая движение глаз во время чтения, обнаружили, что **иллюстративные материалы** не только способствуют лучшему пониманию текста, но могут и **искажать смысл понятого** [Holsanova 2011]. Доказано также [Sergeev and Tarasov 2013; Moret-Tatayand Perea 2011; Katzir et al. 2013; Gasser et al. 2005], что выбор **типографских параметров** (шрифта, размера, цвета) серьезно **вливают на скорость чтения, распознавание слов, понимание и запоминание** [цит. по: Купрещенко, 2018: 65-70].

Для научного исследования процесса чтения и изучения степени сложности «новых» текстов, вслед за западными исследователями [The Oxford Handbook of Reading 2015: 44], молодые российские ученые стали использовать «айтрекинг» – технологию регистрации движений глаз [Веселовская 2018; Пучкова 2018], метод айтрекинга, фиксируя и анализируя движение глаз, отмечает элементы, на которых читающий останавливает взгляд, то есть фиксирует внимание, и элементы, которые остаются незамеченными, в так называемой «слепой зоне», когда взгляд «перепрыгивает» на другой объект [Веселовская 2018: 219]. В результате исследований пришли к **двум выводам**. Длительность фиксации глаза на определенном элементе поликодового текста (слове, фразе, рисунке), во-первых, связана с **когнитивными процессами читающего** и, во-вторых, полностью **зависит от когнитивной простоты или сложности элементов текста**, то есть различные параметры текста также влияют на длительность фиксаций [Веселовская 2018]. Доказано, что яркие, крупные, нестандартные иллюстративные материалы отвлекают внимание от текста, конкурируя с вербальным сообщением, причём графики и схемы привлекают больше внимания, чем фотографии и рисунки [А.Н. Пучкова 2018; Т.С. Веселовская 2018]. Проведенный в 2018 г. в ГИРЯ им. А.С. Пушкина пилотажный эксперимент по выявлению механизмов интеграции визуального/иллюстративного и текстового/вербального материала для понимания прочитанного методом айтрекинга позволил методистам

сформулировать наиболее актуальные стратегии визуализации учебного текста [Веселовская 2018: 218-220].

Еще один важный вопрос касается якобы новых, более поверхностных видов чтения, таких как «скроллинг». Исследователи неоднократно отмечали актуализацию в современной коммуникации информационных жанров, предполагающих лишь констатацию фактов и ограничивающихся сообщением новостей, что получило название «журналистики заголовков», «суррогата СМИ» [Выровцева, Симакова 2019: 105]. Тексты конкретно этих форматов не предполагают углубленного чтения, за усвоением именно этих текстов закрепилось понятие «скроллить» не случайно. Оно совершенно не относится к другим видам, описанным как олицетворение противоположной тенденции трансформаций форматов, при которых доминирует персонификация журналистского текста, ярким представителем которой является **колумнистский текст** [Выровцева, Симакова 2019: 105]. Таким образом, «скроллинг» не является «новым» видом чтения, а является **видом чтения текстов принципиально нового формата**, жанра: «материалов, объединенных в бесконечных лентах новостей на специальных порталах, сайтах СМИ, представленных в социальных сетях, агрегаторах новостей и других медиаформах» [Выровцева, Симакова 2019: 106].

Общие и полезные для преподавания РКИ **выводы** на основе анализа около 100 работ зарубежных и отечественных исследователей о влиянии цифрового формата на результаты чтения сделаны научными сотрудниками лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина в работе [Лебедева, Веселовская, Купрещенко 2020: 88].

Во-первых, «в настоящее время исследователями накоплено больше данных, подтверждающих негативное влияние цифрового формата на результаты чтения». Во-вторых, «в целом ученые сходятся в том, что процессы цифрового чтения и чтения с листа опираются на разные когнитивные механизмы, и, следовательно, каждый из форматов имеет преимущества при решении определенных задач и, напротив, ограничения – при выполнении других» [Лебедева, Веселовская, Купрещенко 2020: 88-89].

Важно, что вне зависимости от оценки эффективности цифрового формата, разные исследователи на основе большого корпуса текстов, приходят к выводу о **разной природе** цифрового чтения и чтения с листа. «При цифровом чтении активизируются новые стратегии, не характерные для чтения с листа: стратегии поиска информации, проверки информации, актуальности найденной информации» [Лебедева, Веселовская, Купрещенко 2020: 87].

И особенно важны рекомендации: «Для эффективной внимательной работы с цифровым текстом необходимо формировать у учащихся специальные **стратегии медленного аналитического чтения**», а результаты исследований «должны лечь в основу **обучения цифровой грамотности учащихся**» [Лебедева, Веселовская, Купрещенко 2020:89].

Выводы и дальнейшие перспективы исследования.

Вышеприведенный обзор литературы зарубежных и отечественных ученых, а также наших сделанных 15 лет назад лингводидактических исследований, показал, что практически все так называемые «новые» особенности восприятия цифровых мультимодальных текстов играют **второстепенную**, и подчас далеко **не плодотворную роль** при усвоении информации читающими. Их влияние на мыслительные способности представителей целого поколения можно охарактеризовать как **надуманные**. При этом все эти перечисленные параметры не имеют никакого отношения к изменению типа мышления, а тем более к когнитивным стилям. И, безусловно, меняющиеся форматы изложения информации предполагают более тщательное и серьезное их научное изучение, с целью использования этих данных в преподавании РКИ, что уже успешно предпринимается зарубежными исследователями и отечественными лингводидактами. Как видим, необходимо планомерное развитие у иностранных учащихся когнитивных **стратегий в рамках аналитического когнитивного стиля**, продолжая линию всего европейского образования Новейшего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева И. Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения и воспитания). -М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2005 – 368 с.

2. Авдеева И. Б. Лингводидактическая концепция обучения профессиональной коммуникации иностранных учащихся инженерного профиля. Дисс... докт. пед. наук. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. – 339 с.

3. Авдеева И. Б. Лингво-когнитивные характеристики иностранных учащихся инженерного профиля//Международное образование в начале XXI века: сб. научных трудов. Часть 1. Издание МАДИ (ГТУ), 2008. – С.68-76.

4. Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления (Психология социальных явлений). – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2009. – 320с.

5. Богуславская В. В., Богуславский И. В. Журналистика в киберпространстве: инициация и самоопределение// Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 25 апреля 2019 г.: Т.1/ под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В., Барабаша. – Москва: РУДН, 2019. – С.107-113.

6. Веселовская Т. С. Визуализация в изучении языка: русский как иностранный// Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции. /под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаш. -Москва, РУДН, 2018 – Т.1. С. 216-220.

7. Выровцева Е. В., Симакова С. И. Инфографика как тип публицистического текста: позиция автора// Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т.18. № 6. Журналистика. С. 104-114.

8. Глушац Н. Н., Кинфу З. Т. Человек-встраиваемый: нейронные связи Интернета// Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 25 апреля 2019 г.: Т.1/ под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. – Москва: РУДН, 2019. – С.150-1157.

9. Егорова А. Г. Сетевое мышление: деградация или прогресс? // Фундаментальные исследования. – 2014. - №9-12. – С.2626-2629. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35405>.

10. Как поколение Z повлияет на рабочий процесс в будущем [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://liferhacker.ru/2016/02/14/the-future-of-work/>.(25.02.2019)

11. Купрещенко О. Ф. Инфографика как жанр дисплейной коммуникации и её роль в обучении РКИ// Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаш. -Москва, РУДН, 2018 – Т.1. С. 475-480.

12. Купрещенко О. Ф. 2 Коммуникация в цифровой среде // Актуальные вопросы описания и преподавания русского языка как иностранного/неродного: Сб. материалов Международной научно-практической интернет-конференции/ Под общ. редакцией Н. В. Кулибиной- М.,2018. – С.65-70.

13. Лебедева М. Ю., Веселовская Т. С., Купрещенко О. Ф. Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд// Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). С. 74-98. Doi: 10.32744. pse.2020.4.5.

14. Левина Г. М., Андреев С. И., Хафизова Д. А. Мобильные приложения как средство интенсификации обучения русскому языку как иностранному//Диалог культур: культура диалога в

поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы первой международной конференции. Под. Общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. 2016. – С.330-336.

15. Левина Г.М., Козырева Н.М. Роль и место мобильных упражнений в изучении РКИ// Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения: сборник трудов IV международной научной конференции. Томский политехнический университет. 2016. – С. 39-45.

16. Левина Г.М. Использование цифровых технологий при обучении русскому языку общего владения на подготовительных факультетах РФ// Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. Материалы XIX Международной научно-практической конференции. 2017. –С.207-212.

17. Ливер Б.Л. Методика индивидуализированного обучения иностранному языку с учетом влияния когнитивных стилей на процесс его усвоения. Дисс... канд пед. наук. – М.: ИРЯП, 2000.

18. Русецкая М.Н. Методика преподавания РКИ в эпоху цифровой педагогики// Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. — Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года). — СПб.: РОПРЯЛ, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 1680-1685.

19. Черкашина Т.Т., Новикова Н.С., Береснев Д.Н. Ролевая игра как модель перестройки сознания «цифрового» поколения. В сб.: Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Под общей редакцией А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. 2018. С.350-361.

20. J. Philippe Rushton & Arthur R. Jensen. Thirty Years of Research on Race Differences in Cognitive Ability. 2005. pp. 235-294.

21. The Oxford Handbook of Reading, 2015 под ред. А. Pollatsen, R. Tremian, New York, USA: Oxford University Press, 2015/ 520 pp.

22. <http://Woodcock-Johnson Tests of Cognitive Abilities> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iqtestprep.com/woodcock-johnson-test/>. (25.02.2019)

REFERENCES

1. Avdeeva I.B. (2005) Inzhenernaya kommunikaciya kak samostoyatel' naya rechevaya kul' tura: kognitivny`j, professional' ny`j i lingvisticheskij aspekty` (teoriya i metodika obucheniya i vospitaniya) [Engineering communication as an independent speech culture: cognitive, professional and linguistic aspects (theory and methodology of teaching and upbringing)]. - Moscow: Bauman Moscow state technical University publishing house, pp. 368. (in Russian)

2. Avdeeva I.B. (2006) Lingvodidakticheskaya koncepciya obucheniya professional' noj kommunikacii inostranny`x uchashhixsya inzhenernogo profilya [Linguodidactic concept of teaching professional communication to foreign engineering students]. Disc. dokt. ped. nauk [Diss. doctor of pedagogical Sciences]. Moscow. MGU im. M. V. Lomonosova [Lomonosov Moscow state University], p. 339. (in Russian)

3. Avdeeva I.B. (2008) Lingvo-kognitivny`e karakteristiki inostranny`x uchashhixsya inzhenernogo profilya [Linguistic and cognitive characteristics of foreign engineering students]

Mezhdunarodnoe obrazovanie v nachale XXI veka: sb. nauchny`x trudov [International education at the beginning of the XXI century: collection of scientific papers]. Part 1. Izdanie MADI (GTU) [The publication of MADI (STU)], Moscow pp. 68-76. (in Russian)

4. Aleksandrov Yu. I., Aleksandrova N.L. (2009) Sub`ektivny`j opy`t, kul`tura i social'ny`e predstavleniya (Psixologiya social'ny`x yavlenij) [Subjective experience, culture and social representations (Psychology of social phenomena)]. Moscow. Izd-vo Institut psixologii RAN [Institute of psychology, Russian Academy of Sciences], p. 320. (in Russian)

5. Boguslavskaya V.V., Boguslavsky I.V. (2019) Zhurnalistika v kiberprostranstve: iniciaciya i samoopredelenie [Journalism in cyberspace: initiation and self-determination] Yazy`kirech`v Internetе: lichnost`, obshhestvo, kommunikaciya, kul`tura: sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles from the III International scientific and practical conference]. Moscow, RUDN University, 25 April 2019 г.: V.1/ under the General editorship of A.V. Dolzhikova, V. V., Barabash. – Moscow: RUDN University, pp. 107-113. (in Russian)

6. Boldova T.A. (2019) Kommunikaciya v seti na osnove gipertekstov [Hypertext - based network communication] Yazy`k i rech`v Internetе: lichnost`, obshhestvo, kommunikaciya, kul`tura: sbornik statej Sh Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles from the III International scientific and practical conference]. Moscow, RUDN University, 25 April 2019 г.: V.1/ under the General editorship of A.V. Dolzhikova, V.V., Barabash. – Moscow: RUDN University, pp. 113-118. (in Russian)

7. Veselovskaya T.S. Vizualizaciya v izuchenii yazy`ka: russkij kak inostranny`j [Visualization in language learning: Russian as a foreign language] Yazy`k i rech`v Internetе: lichnost`, obshhestvo, kommunikaciya, kul`tura: sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. /pod obshh. red. A.V. Dolzhikovo, V.V. Barabash [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the II International scientific and practical conference. /under the General editorship of A. V. Dolzhikova, V. V. Barabash]. Moscow: RUDN University, V.1. pp. 216-220. (in Russian)

8. Glushach N.N., Kinfu Z.T. (2019) Chelovek-vstraivaemy`j: neyronny`e svyazi Interneta [Embedded human: neural connections of the Internet] Yazy`k i rech`v Internetе: lichnost`, obshhestvo, kommunikaciya, kul`tura: sbornik statej Sh Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles from the III International scientific and practical conference]. Moscow, RUDN University, 25 April 2019 г.: V.1/ under the General editorship of A. V. Dolzhikova, V.V. Barabash. – Moscow: RUDN University pp. 150-1157. (in Russian)

9. Egorova A.G. (2014) Setevoe my`shlenie: degradaciya ili progress? [Network thinking: degradation or progress?] Fundamental'ny`e issledovaniya [Fundamental study]. no. 9-12. pp. 2626-2629. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35405>. (in Russian)

10. Kak pokolenie Z povliyaet na rabochij process v budushhem (E'lektronny'j resurs) [How will generation Z affect the workflow in the future (Electronic resource)] – Rezhim dostupa [Access mode]: <http://lifehacker.ru/2016/02/14/the-future-of-work/>. (25.02.2019)
11. Kupreshhenko O. F. (2018) Infografika kak zhanr displejnoy kommunikacii i eyo rol' v obuchenii RKI [Infographics as a genre of display communication and its role in teaching RCTS] Yazy'k i rech' v Internete: lichnost', obshhestvo, kommunikaciya, kul'tura: sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the II International scientific and practical conference] pod obshh. red. A.V. Dolzhikovoj, V. V. Barabash [under the General editorship of A.V. Dolzhikova, V. V. Barabash] Moscow, RUDN University, V.1. pp. 475-480. (in Russian)
12. Kupreshhenko O. F. (2018) Kommunikaciya v cifrovoj srede. Aktual'ny'e voprosy' opisaniya i prepodavaniya russkogo yazy'ka kak inostrannogo/nerodnogo [Communication in the digital environment. Current issues of describing and teaching Russian as a foreign/non-native language] Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii [Collection of materials of the International scientific and practical Internet conference] pod obshhej redakciej N. V. Kulibinoj [edited by N. V. Kulibina] Moscow. pp.65-70. (in Russian)
13. Lebedeva M. Yu., Veselovskaya T. S., Kupreshhenko O. F. (2020) Osobennosti vospriyatiya i ponimaniya cifrov'x tekstov: mezhdisciplinarny'j vzglyad [Features of perception and understanding of digital texts: an interdisciplinary view] Perspektivy' nauki i obrazovaniya [Prospects for science and education]. Moscow. No. 4 (46). pp. 74-98. Doi: 10.32744. pse.2020.4.5. (in Russian)
14. Levina G. M., Andreev S. I., Xafizova D. A. (2016) Mobil'ny'e prilozheniya kak sredstvo intensivacii obucheniya russkogo yazy'ka kak inostrannogo [Mobile apps as a means of intensifying learning Russian as a foreign language] Dialog kul'tur: kul'tura dialoga v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik. Materialy' pervoj mezhdunarodnoj konferencii. Pod. Obshh. red. E. G. Tarevoj, L. G. Vikulovoj [Dialogue of cultures: the culture of dialogue in search of advanced socio-humanitarian practices. Proceedings of the first international conference. Ed. by E. G. Tareva, L. G. Vikulova]. pp. 330-336. (in Russian)
15. Levina G. M., Kozyreva N. M. (2016) Rol' i mesto mobil'ny'x uprazhnenij v izuchenii RKI [Role and place of mobile exercises in the study of RCTS] Mezhdunarodnoe obrazovanie i mezhkul'turnaya kommunikaciya: problemy', poiski, resheniya: sbornik trudov IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [International education and intercultural communication: problems, searches, solutions: proceedings of the IV international scientific conference]. Tomskij politexnicheskij universitet [Tomsk Polytechnic University]. pp. 39-45. (in Russian)
16. Levina G. M. (2017) Ispol'zovanie cifrov'x tehnologij pri obuchenii russkomu yazy'ku obshhegovladiyanapodgotovitel'ny'x fakul'tetax RF [Use of digital technologies in teaching General Russian at preparatory faculties of the Russian Federation] Teknologii obucheniya russkomu yazy'ku kak inostrannomu i diagnostika rechevogo razvitiya. Materialy' XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Technologies of teaching Russian as a foreign language and diagnostics of speech development. Materials of the XIX International scientific and practical conference]. pp.207-212. (in Russian)
17. Liver B. L. (2000) Metodika individualizirovannogo obucheniya inostrannomu yazy'ku s ucheto vliyaniya kognitivny'x stilej na process ego usvoeniya [Methodology of individualized foreign language teaching with consideration of the influence of cognitive styles on the process of its assimilation]. Disc. kand ped. nauk [Diss. candidate of pedagogical Sciences]. Moscow. IRYaP [PSRLI], (in Russian)
18. Ruseczkaya M. N. (2018) Metodika prepodavaniya RKI v e'poxu cifrovoj pedagogiki [Methods of teaching RCTS in the era of digital pedagogy] Dinamika yazy'kov'x i kul'turny'x processov v sovremennoj Rossii (E'lektronny'j resurs) [Dynamics of language and cultural processes in modern Russia (Electronic resource)]. Release 6. Materialy' VI Kongressa ROPRYaL (g. Ufa, 11–14 oktyabrya 2018 goda) [Materials of the VI ropryal Congress (Ufa, October 11-14, 2018)]. Sankt-Petersburg. ROPRYaL [RSTRLL], 1 e'lektron. opt. disk (CD-R) [1 electron. opt. disk (CD-R)]. pp. 1680-1685. (in Russian)
19. Cherkashina T. T., Novikova N. S., Beresnev D. N. (2018) Rolevaya igra kak model' pereformatirovaniya soznaniya «cifrovogo» pokoleniya [Role-playing game as a model for reformatting the consciousness of the «digital» generation]. V sb.: Yazy'k i rech' v Internete: lichnost', obshhestvo, kommunikaciya, kul'tura. Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-x tomakh. Pod obshhej redakciej A. V. Dolzhikovoj, V. V. Barabasha [In: Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture. Collection of articles of the II International scientific and practical conference. In 2 volumes. Under the General editorship of A. V. Dolzhikova, V. V. Barabash]. pp. 350-361. (in Russian)
20. J. Philippe Rushton & Arthur R. Jensen. Thirty Years of Research on Race Differences in Cognitive Ability. 2005. pp. 235-294.
21. The Oxford Handbook of Reading, 2015 под ред. A. Pollatsen, R. Tremian, New York, USA: Oxford University Press, 2015/ 520 pp.
22. <http://Woodcock-Johnson Tests of Cognitive Abilities> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iqtestprep.com/woodcock-johnson-test/>. (25.02.2019)

ЯЗЫКОВАЯ ДОГАДКА: ПОНЯТИЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

ELENA V. BUZALSKAIA, NINA A. LIUBIMOVA
LANGUAGE GUESS: THE CONCEPT AND ITS APPLICATION IN
THE METHODOLOGY OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Целью статьи является уточнение содержания используемого в методике преподавания языков понятия «языковая догадка» для последующей разработки на его основе типов упражнений. Материалом анализа послужили результаты лингводидактических исследований и научных концепций, посвящённых изучению данного психофизиологического механизма в отечественной науке за последние 60 лет. Результатом исследования стал вывод о наличии двух вариантов на пути развития языковой догадки, связанных с рецептивным и продуктивным аспектами речевой деятельности. На их основе предлагается система упражнений, состоящая из шести блоков, универсальная для любого уровня владения языком.

Ключевые слова и фразы: языковая догадка, умение, навык, обучение

Based on the analysis of scientific and methodological literature, the article considers the recently reThe purpose of the article is to clarify the content of the concept of «language guess» used in the methodology of language teaching for the development a system of exercises. The analysis of the concept based on the results of linguodidactic research and works devoted to the study of psychophysiological mechanisms of speech in Russian science over the past 60 years. The result of the study is the conclusion that there are two options for the development of language guess related to the receptive and productive aspects of speech activity. Based on that, authors offer a system of exercises consisting of six blocks, that can be applied on any level of language proficiency.

Key words: language guess, skills, teaching.

**Елена Валериановна
Бузальская**

Доктор филологических наук, доцент
► e.buzalskaya@spbu.ru

**Нина Александровна
Любимова**

Доктор филологических наук, профессор
► n.lubimova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11.

*Elena V. Buzalskaia,
Nina A. Liubimova*

Saint Petersburg State University

199034, St. Petersburg,
Universitetskaya emb., 11

1. Постановка проблемы

Специфика человеческого сознания заключается в его возможности мыслить категориями и прогнозировать деятельность на основании выстроенных алгоритмов. Данные логические модели формируются постепенно, с опытом использования языковых единиц в речи. Впоследствии они уходят из зоны осознанного внимания в область внутренней речи – мгновенной, свёрнутой, не отслеживаемой субъектом сферы, соединяющей общечеловеческое универсально-логическое пространство и логику построения языковых единиц конкретного языка. Увеличение опыта использования таких логических моделей приводит к появлению грамотности, то есть к формированию навыков и умений

владения речью. Данные умения и навыки основываются на работе психофизических механизмов, являющихся ответственными за рецепцию и продукцию речи как таковой, а также включающихся в процесс в случае наличия каких-либо затруднений для выполнения компенсаторных функций восполнения и замещения.

Одним из таких механизмов является языковая догадка. Он известен давно, но до сих пор отсутствует единое мнение по поводу его содержания: преподаватели зачастую называют языковой догадкой любые действия, восстанавливающие смысл высказывания, вне зависимости от того, связаны ли они

- с фоновыми знаниями (национально-культурной пресуппозицией)

- с пониманием синтаксической функции непонятой единицы в предложении;

- с применением знаний словообразовательного плана (пониманием категориальной, членимой принадлежности, исходя из аффиксов и их значения);

- с действием дискурсивной компетенции (восстановлением смысла пропущенного фрагмента или извлечением подтекста на уровне работы с целым текстом) и даже

- с коммуникативными умениями социопсихологического, экстралингвистического плана (восстановлением фрагмента речи по интерпретации жестов и мимики).

К сказанному необходимо добавить, что в дополнение к столь широкому пониманию, языковая догадка часто неоправданно используется в качестве синонима к понятиям

- чувство языка (иррационально-интуитивный компонент коммуникативных умений, который сопоставим с музыкальным слухом у музыканта и не имеет отношения к обучению);

- языковое чутьё (эстетическая составляющая процесса творчества, направленная на создание художественного текста);

- языковая способность как универсальная и свойственная всем людям потенциальная возможность овладеть речью (об этих терминологических единицах подробнее см.: [Федоренко 1994; Львов 2003; Божович 1988: 73; Богомазов 2007;

Донская 1985; Орлова 2015; Лебедева 2009; Беляев 1965; Гохлернер, Ейгер 1982]).

Анализ определений языковой догадки в научной литературе представляется необходимым для уточнения места данного понятия в системе методических категорий, что, в свою очередь, положительно скажется на его включении в программы обучения иностранным языкам, в частности, русскому как иностранному.

2. Обзор литературы по теме

2.1 Языковая догадка в программах методики преподавания языков

Языковую догадку обычно характеризуют как «способность раскрыть значение слова (словосочетания) через контекст» [Щукин 2007: 391] и связывают с умениями, получаемыми опытным путём [Кубрякова 2004], в связи с чем понятие языковой догадки оказывается прочно связано с работой на лексическом уровне.

Иногда языковую догадку трактуют и как лингвистический навык, являющийся результатом не только воздействия на индивида методик и технологий учебного процесса, но и опыта самостоятельной семантизации языковых единиц в процессе коммуникации с учётом вербальных и экстралингвистических опор [Кулешова 2009; Заболотская, Мадякина 2018]. Но чаще под языковой догадкой понимают не навык, а умение самостоятельной семантизации слова [Берман 1970; Иванова 2003]. Представляется возможным предположить, что языковая догадка действительно представляет собой умение, поскольку её формирование не заканчивается никогда, наряду с отработанными автоматизированными операциями все время возникают новые. Кроме того, само слово «догадка» в наименовании терминологической единицы указывает на логическую операцию, которая не может быть автоматизированной.

Согласно исследованиям методического характера, языковая догадка в методике преподавания связывается с лексическими и словообразовательными умениями семантизации студентами неизвестных им единиц и создания (конструирования из словообразовательных элементов)

новых лексических единиц, восполняющих недостающие. Существующие программы обучения (как для носителей языка младших классов, так и для иностранных учащихся) подтверждают данные наблюдения.

С практической стороны для развития умений языковой догадки разработаны системы упражнений на определение модели слова, выявление морфологических признаков, формы слова и его значения в контексте [Магомедова, Магомедова 2019: 290-291]. В этот ряд входят и работы, посвящённые развитию умения интерпретации авторских неологизмов [Евстигнеева, Назарцева 2014], понимания и конструирования структуры из корневых и аффиксальных морфем, ранее не встречавшейся изучающему язык [Воронин 1982]. Похожим образом механизм языковой догадки используется при становлении понимания двуслойной семантики арабских слов, где необходима специальная тренировка на сложение семантики корня и семантики словообразовательной модели [Тюрева 2015: 107; Масягина 1970: 139; Шарафутдинова 2013].

Одним из наиболее проработанных и практически успешных представляется пропозиционально-фреймовый метод развития языковой догадки [Араева 2019], который соединяет в себе прежние, традиционные приёмы семантизации с учётом пропозициональных структур (широкого контекста употребления слова, предпочтительных категорий мышления и пр.), так как этот механизм «даёт возможность семантизации значительной части лексики, понимание не отдельных единиц, а целых классов слов» [Хидекель 1975: 18].

Этот метод, соответственно, успешно сочетается с наработками в области изучения гнезд слов [Евсеева 2018; Калюжная 2019] с типологией «подсказок» и обычным делением заданий в методике преподавания на три типа: формально-операционные (работа с отдельными словами), учебно-коммуникативные (контекстные, на основании специально подготовленных учебных материалов), реально-коммуникативные (неадаптированные материалы с неопределённо повышенным процентом незнакомой лексики)

[Павицкая 2017] в процессе чтения [Парахина 2009] и аудирования [Методика обучения... 1991]. В связи с этим в методике обучения английскому языку исследователи говорят о том, что там, где работает «догадка», всегда есть «подсказки»: внутриязыковая, межъязыковая и внеязыковая [Картон 1976].

подавляющее большинство указанных исследователей подходит к языковой догадке с лексико-семантической и морфологической сторон, не учитывая синтаксическую связь единиц. В то же время, такое ограничение представляется не вполне корректным, что становится понятным при обращении к рассмотрению языковой догадки с психолингвистических позиций.

2.2 Языковая догадка как психофизический механизм

Место механизма языковой догадки в ряду других механизмов становится понятным прежде всего при обращении к самому процессу речевой деятельности. Как известно, в её структуру входят побудительно-мотивационная, ориентировочно-исследовательская (по А. Н. Леонтьеву [Леонтьев, 1983], или, по С. Л. Рубинштейну [Рубинштейн, 1940] аналитико-синтетическая); исполнительная фазы [Лурия 1979].

В рецепции (чтении или аудировании) языковая догадка принимает участие непосредственно вместе с механизмом вероятностного прогнозирования: вероятностное прогнозирование, которое строится «с учётом частоты встречаемости событий» [Бернштейн 1966]. На это, в частности, указывает Б. Г. Ананьев, считая, что в силу действия закона единства психической природы речи, языковая догадка является посредником между механизмами восприятия и осмысления [Ананьев 2005]. Это позволяет сузить поле поиска возможных значений единиц при включении в работу языковой догадки. Поскольку, согласно мнению И. А. Зимней, существует два уровня прогнозирования – на уровне смысла и на вербальном уровне [Зимняя 1985], можно предположить, что в процессе смыслового прогнозирования языковая догадка встраивается одним из сопутствующих компонентов, а на вербальном уровне – напротив: вероят-

ностное прогнозирование становится основным для реализации языковой догадки. Можно сказать, что в рецептивных видах речевой деятельности существует своего рода взаимозависимость: чем больше требуется работы механизма вероятностного прогнозирования, связанного с функционально-синтаксической стороной высказывания, тем менее значимо действие языковой догадки и наоборот. Следовательно, при рецепции языковая догадка действительно в большей мере важна для осмысления уже полученной информации.

Таким образом, упомянутые выше программы обучения действительно отлично «работают» при рецептивном формировании языковой догадки, понимаемой в качестве комплексного аналитического умения, сформированного опытно-экспериментальным путём на основе знаний о специфике реализации единиц лексико-семантического уровня изучаемого языка, так как действует на основании анализа полученного готового речевого высказывания.

В то же время, обучающих программ, направленных на совершенствование действия механизма языковой догадки при продуктивной речевой деятельности, найти не удалось. Это связано с тем, что при продукции языковая догадка действует вместе с механизмом упреждающего синтеза и приобретает преимущественно синтаксическую природу, лексический компонент в ней отходит на второй план. Здесь языковая догадка – механизм компенсаторного действия, восполняющий недостатки аналитико-синтетической фазы речепорождения.

Причины хорошо видны при рассмотрении самого процесса порождения речи, связанного со структурой речевой деятельности в трудах С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии. Зародившаяся в сознании индивида интенция воплощается в смысловом образе, который овеществляется «элементами предметно-образительного кода (или языком семантических комплексов), которые могут включать как наглядные образы, так и редуцированные слова и предложения» [Жинкин 1964: 36]. Языковая догадка становится связующим звеном между этой

монолитной структурой долговременной памяти и ее разделением при развёртывании мысли [Геллерштейн 1969; Выготский 1982; Фролова, 2010; Гальскова, Гез 2006]. Вместо прогнозируемого ожидания языковая догадка взаимодействует с механизмами подбора наилучшей структуры для передачи информации. В силу этого незначительные семантические оттенки становятся менее значимыми, чем функциональные категории семантического синтаксиса: это предикат, или один из актантов (сирконстант локатив или темпоратив, инструментатив и пр.). Здесь также преимущество имеет пропозиционально-фреймовое моделирование, так как оно опирается на логические структуры, подготавливающие восполнение лагун на уровне синтаксиса, так как слово или высказывание «попадает в ряд единиц, служащих обозначению одной и той же пропозициональной структуры» [Кубрякова 2004: 394].

Таким образом, анализ психофизических процессов свидетельствует о том, что можно выделить два варианта языковой догадки: рецептивную и продуктивную. Рецептивная языковая догадка действует на фоне работы механизма вероятностного прогнозирования и восполняет лексико-семантические лагуны в воспринятой речи. Продуктивная языковая догадка реализуется вместе с механизмом упреждающего синтеза для подбора элемента на основании его синтаксической роли.

Представляется необходимым показать различия формирования умений и навыков языковой догадки на примере системы типов упражнений, которые могут быть применены в методике обучения русскому языку как иностранному.

2.3 Упражнения на формирование рецептивной и продуктивной языковой догадки

Из всех существующих в методике преподавания русского языка как иностранного систем упражнений наиболее близкими к теме являются две классификации упражнений: Е.И. Пассова и С.Ф. Шатилова (учитывающие степень обусловленности заданий процессом обучения) и Д.И. Изаренкова (базирующиеся на домини-

рующей логической операции) [Пассов 1989; Шатилов 2004: 20; Изаренков 1994: 77-85]. Для построения аппарата упражнений представляется возможным объединить оба принципа, выбрав соответствующие логическим операциям типы заданий следующим образом.

I. Аналитико - конструктивный тип упражнений направлен на овладение знаниями в сфере словообразования, это языковые упражнения на понимание словообразовательных моделей слов разных частей речи и значения наиболее распространённых формантов, данных визуально-схематически в игровом варианте (упражнения типа детской игры «Lego»).

II. Реконструктивный тип направлен на воссоздание целостности предъявленного контекста или ситуации в следующих вариантах упражнений:

1) аспект «чтение»:

- подстановочные упражнения с предложенными вариантами известных лексем на выбор без необходимости менять форму слова (работа на выявление ведущего семантического компонента, пропуск – одна лексема);

- упражнения с наличием неизвестной студентам лексемой необходимостью выбора синонима (из предложенных слов, следуя определению частеречной принадлежности и значения форманта – префикса, суффикса, постфикса, циркумфикса);

2) аспект «аудирование»:

- ответ на вопрос о семантических характеристиках пропущенного в сообщении известного студентам слова: сбор косвенной информации о характеристиках (с предложенными вариантами лексем на выбор);

- упражнения с наличием неизвестной студентам лексемой, представляющей собой фразеологическое выражение или средство образности с переносным значением с необходимостью выбора определения из предложенных вариантов.

III. Семантизирующие упражнения направлены на восприятие устного сообщения или текста с наличием неизвестной обучающимся лексемой или фразеологизма, с необходимостью перефразирования (следуя определению части-

речной принадлежности и значений формантов дать описание лексем, например, если студенты не знают слова *зумба*, они должны по итогам прослушивания сообщения или прочтения текста дать примерно следующее описание: современный спортивный танец для развития выносливости);

IV. Работа с аналитико-конструктивными заданиями (языковые упражнения) в продуктивном режиме подразумевает наличие знаний о синтаксических конструкциях. Эффективнее всего идти от изосемического ядра с минимальным расширением к разным вариантам распространения, и эллиптичности синтаксических схем развёртывания информации. Эти упражнения повторяют логику работы со словообразовательными формантами.

V. Конструктивно-интерпретационные упражнения направлены на формирование языковой догадки в разных аспектах:

1) аспект «письмо»: в формулировке письменного задания использована незнакомая студенту синтаксическая конструкция, все слова которой ему знакомы. Ему необходимо понять общий смысл конструкции, её структуру и, выполняя задание, использовать её в своей письменной речи, наполнив другими словами. Упражнение носит условно-коммуникативный характер и поэтому перед тем, как использовать единицу в речи, студент должен дать её интерпретацию.

2) аспект «говорение»: в заданной ситуации диалоге с носителем языка студент слышит незнакомую конструкцию, его задача – попытаться, опираясь на понимание функциональной роли единиц в предложении, процессов распространения и трансформации, использовать её в своей ответной реплике и затем дать интерпретацию (пояснение).

VI. Поисково-ассоциативные упражнения направлены на подбор синтаксических структур в речи, которые более всего соответствовали бы коммуникативной ситуации (табл.1).

Тематическая общность материала при этом должна быть продиктована изучаемым материалом, а уровень сложности задан в соответствии с текущим уровнем владения языком.

Табл.1

Аппарат упражнений на развитие языковой догадки

Степень обусловленности заданий процессом обучения	Рецептивная языковая догадка (лексическая доминанта)	Продуктивная языковая догадка (синтаксическая доминанта)
Языковые упражнения	I. Аналитико-конструктивные	IV. Аналитико-конструктивные
Условно-коммуникативный уровень	II. Реконструктивно-интерпретационные	V. Конструктивно-интерпретационные
Коммуникативный уровень	III. Семантизирующие	VI. Поисково-ассоциативные

3. Заключение

Изучение работ, посвящённых явлению «языковой догадки» как с методической, так и психофизиологической сторон, позволяет предположить, что 1) языковая догадка не может быть навыком; 2) языковая догадка существует в двух вариантах.

В первую очередь, это связано с разным соотношением лексического и синтаксического компонентов при включении в работу языковой догадки: при рецепции восстановление лакуны центральными становятся умения семантико-словообразовательного плана, так сопутствующий ей механизм вероятностного прогнозирования берет на себя большую часть предположения синтаксической перспективы высказывания. При продукции умения языковой догадки акцентированы на синтаксической стороне, ей сопутствуют навыки упреждающего синтеза.

Учёт принципов ситуативности и типологии логических операций привёл к выделению шести блоков заданий, связанных с развитием языковой догадки. Предлагаемая система упражнений имеет универсальный характер, так как сложность упражнений зависит только от наполняющего их материала.

Точное понимание природы языковой догадки и её отличие от смежных ей терминологических единиц, таким образом, позволяет использовать данный механизм в целях повышения эффективности обучения, включив в программу обучения задания на развития как рецептивного, так и продуктивного ее вариантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Б.Г. Ананьев. - Воронеж: МОДЭК, 2005. - 431 с.
2. Араева Л. А. Метод пропозиционально-фреймового моделирования в обучении иностранным языкам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 187–195.
3. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам: Пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд.; перераб. и доп. М., 1965. – 227с.
4. Берман И.М. Методика обучения английскому языку в языковых вузах. М., Высшая школа, 1970. – 234с.
5. Бернштейн Н. А. Очерки физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 350 с.
6. Богомазов Г.М. Соотношение понятий чужья языка, чувство языка, языковая компетенция, языковая способность // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 6. — С. 33—39.
7. Божович Е.Д. О функциях чувства языка в решении школьниками семантико-синтаксических задач // Вопросы психологии. 1988, №3 – С. 70-78
8. Воронин Л.Г., Богданова И.И. Догадка и её физиологические механизмы. Новые исследования в психологии и возрастной физиологии 1971. С. 128-130.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. — М., 1982. — Т.2 – 504 с.
10. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студентов лингвистических университетов и факультетов иностранного языка высших педагогических учебных заведений – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336с.
11. Геллерштейн С.Г. Действия, основанные на предвосхищении, и их моделирование в эксперименте // Проблемы инженерной психологии / Под ред. Б. Ф. Ломова. — М., 1969. — Вып. 4. – С. 142-154
12. Гохлернер М.М., Ейгер Г.В. Психологический механизм чувства языка // Вопросы психологии. 1982, №6 – С. 137-142.
13. Донская Т.К. Принципы развивающего обучения русскому языку: Учебное пособие к спецкурсу / Т.К. Донская; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. - Ленинград: ЛГПИ, 1985. – 80с.

14. *Евстигнеева И. Ф., Назарцева Е. А.* Развитие умения языковой догадки на основе индивидуально-авторского словообразования (на материале художественных текстов) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 6, № 6, Часть 2, 2014. – С. 78-80.
15. *Евсеева И. В., Пономарева Е. А.* Лексико-словообразовательное гнездо: когнитивное моделирование. Красноярск: СФУ, 2018. – 199 с.
16. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. — 1964. — № 5.
17. *Заболотская А. Р., Мадьякина Н. Ю.* Словообразовательные модели как средство развития языковой догадки при обучении иностранному языку (на примере студентов неязыковых специальностей) // Казанский вестник молодых учёных. Традиции и инновации в методике преподавания иностранных языков 2018, Том 2 № 5 (8). – С. 22-25
18. *Зимняя И. А.* Лингвопсихология речевой деятельности. — М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. — 432 с. (Серия «Психологи Отечества»). Программно-методические материалы. Русский язык. Начальная школа / Сост. Л. А. Вохмянина. – М.: Дрофа, 2001. – 320 с.
19. *Зимняя И. А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – М., 1985. – 160 с.
20. *Иванова Е. Н.* Методика обучения экспрессивным средствам испанского разговорного языка в языковом вузе. Диссертация... канд. пед. Наук. М.2003. – 234с.
21. *Калюжная Т. В.* Пропозиционально-фреймовый подход при описании гнезд однокоренных слов русского языка как репрезентация дискурсивной ментальной деятельности человека // Вестник кемеровского государственного университета, 2019, № 23 (1) – С. 205-211
22. *Картон А. С.* Роль догадки в процессе пользования языком и в процессе обучения языку // Методика преподавания иностранных языков за рубежом / Сост. Е. В. Синявская, М. М. Васильева, Е. В. Мусницкая, А. С. Картон. – М., 1976. – Вып. II. – С. 183.
23. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
24. *Кубрякова Е. С.* Роль словообразования и производного слова в обработке знаний // Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 390-458.
25. *Кулешиова Ю. А.* Развитие языковой догадки при изучении английского языка студентами технического вуза // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 10. – С. 85-90.
26. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I — М.: Педагогика, 1983. — 392 с.
27. *Лебедева О. А.* Методические принципы формирования чувства языка у иностранных студентов-филологов при изучении дисциплин историко-лингвистического цикла // Вестник Томского университета, 2009. - №322 (Май) – С. 204-206
28. *Львов М. Р.* Методика развития речи младших школьников - 3. изд., перераб. и доп. – Тула: Родничок; М.: АСТ, 2003. (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). – 238с.
29. *Лурия А. Р.* Язык и сознание // Издательство Московского университета; Москва; 1979. – 320с.
30. *Магомедова С. И., Магомедова Д. А.* Формирование языковой догадки в процессе обучения иностранному языку: виды заданий // Мир науки, культуры, образования № 4 (77), 2019. – С.289-291.
31. *Масягина Т. А.* О языковой догадке при изучении иностранного языка // Пути улучшения преподавания иностранных языков: сб. статей / под ред. С. П. Суворова. – М.: Мысль, 1970. – 328 с.
32. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. Сост. Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова. Москва: Просвещение, 1991. – 287с.
33. *Пассов Е. И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению М. «Русский язык». 1989. – 276с.
34. *Павицкая З. И.* Методический комплекс развития языковой догадки студентов туристского профиля // Иностранные языки в современном мире: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Под редакцией Д. Р. Сабировой, А. В. Фахрутдиновой. – Казань, 2017. – С. 326-331.
35. *Парахина А. В.* Формирование языковой и смысловой догадки как средство повышения эффективности обучения иностранному языку // Известия Московского государственного индустриального университета. – 2009. – № 2(15). – С. 58-59.
36. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. — М., 1940. – 595с.
37. *Орлова А. М.* К вопросу об объективной обусловленности так называемого «чувства языка» [Текст] / А. М. Орлова // Вопросы психологии. – № 5 – 2015 – С. 71 - 83
38. *Тюрева Л. С.* Актуальные проблемы методики преподавания арабского языка. – М.: Изд-во ВКН, 2015. – 80 с.
39. *Федоренко Л. П.* Анализ теории и практики методики обучения русскому языку. Учебное пособие / Л. П. Федоренко. – Курск: Изд. КГПИ, 1994. – 206 с.
40. *Фролова А. В.* Специфика исследования феномена антиципации в речевой деятельности // Вестник ТГПУ Филология и культура. 2010. №2(20). – С.325-331.
41. *Хидекель С. С.* Некоторые спорные вопросы строения словообразовательных моделей и практика преподавания иностранного языка // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток: ДВГУ. Вып. 3. 1975. – С. 18-26.
42. *Шарафутдинова О. И.* Изучение русского языка: система, норма и чувство языка // Челябинский гуманитарий 2013, №2 (23) – С. 44-48.
43. *Шатилов С. Ф.* Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранных учащихся: Учебное пособие. СПб, 2004.
44. *Щукин А. Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 746с.

REFERENCES

1. Anan'ev B. G. (2005) Psihologija i problemy chelovekoznanija [Psychology and problems of human knowledge], Voronezh:

MODEK, 2005, 431 p. (In Russian)

2. Araeva L. A. (2019) Metod propozicional'no-frejmovogo modelirovanija v obuchenii inostrannym jazykam. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. [Method of propositional-frame modeling in teaching foreign languages. Bulletin of the Volgograd state University]. Series 2, Linguistics, 2019, Vol. 18, No. 1, P. 187-195. (In Russian)

3. Belyaev B. V. (1965) Oчерки po psihologii obuchenija inostrannym jazykam: Posobie dlja prepodavatelej i studentov. [Essays on the psychology of teaching foreign languages: a Guide for teachers and students. 2nd ed.; reprint. and add]. Moscow, 1965, 227p. (In Russian)

4. Berman I. M. (1970) Metodika obuchenija anglijskomu jazyku v jazykovyh vuzah. M, Vysshaja shkola [Methods of teaching English in language universities]. Moscow, Higher school, 1970, 234p. (In Russian)

5. Bernstein N. A. (1966) Oчерки fiziologii dvizhenij i fiziologii aktivnosti [Essays on the physiology of movements and the physiology of activity], Moscow: Medicine, 1966, 350 p. (In Russian)

6. Bogomazov G. M. (2007) Sootnoshenie ponjatij chut'e jazyka, chuvstvo jazyka, jazykovaja kompetencija, jazykovaja sposobnost'. Voprosy psiholingvistiki [Correlation of concepts flair of language, sense of language, language competence, language ability. Questions of psycholinguistics], 2007, No. 6, Pp. 33-39. (In Russian)

7. Bozhovich E. D. (1988) O funkcijah chuvstva jazyka v reshenii shkol'nikami semantiko-sintaksicheskikh zadach. Voprosy psihologii [On the functions of the sense of language in solving semantic and syntactic problems by schoolchildren. Question of psychology]. 1988, No. 3. Pp. 70-78 (In Russian)

8. Voronin L. G., Bogdanova I. I. (1971) Dogadka i ejo fiziologicheskie mehanizmy. Novye issledovanija v psihologii i vozrastnoj fiziologii [Guess and its physiological mechanisms. New research in psychology and age physiology] 1971. Pp. 128-130. (In Russian)

9. Vygotsky L. S. (1982) Myshlenie i rech' [Thinking and speech], M, 1982, T. 2-504 p. (In Russian)

10. Galskova N. D., Gez N. I. (2006) Teorija obuchenija inostrannym jazykam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie dlja studentov lingvisticheskikh universitetov i fakul'tetov inostrannogo jazyka vysshih pedagogicheskikh uchebnyh zavedenij [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methods: studies. Manual for students of linguistic universities and foreign language faculties of higher pedagogical educational institutions] Moscow: Publishing center "Academy", 2006, 336p. (In Russian)

11. Gellerstein S. G. (1969) Dejstvija, osnovannye na predvoshishhenii, i ih modelirovanie v jeksperimente. Problemy inzhenernoj psihologii. Pod red. B. F. Lomova. [Actions based on anticipation and their modeling in the experiment. Problems of engineering psychology. ed. by B. F. Lomov], M, 1969, Issue 4, Pp. 142-154 (In Russian)

12. Gohlerner M. M., Ejger G. V. (1982) Psihologicheskij mehanizm chuvstva jazyka. Voprosy psihologii [Psychological mechanism of language sense. Questions of Psychology]. 1982, no. 6-P. 137-142. (In Russian)

13. Donskaja T. K. (1985) Principy razvivajushhego obuchenija

russskomu jazyku: Uchebnoe posobie k speckursu [Principles of developing teaching of the Russian language: A textbook for a special course] Leningrad, State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. 1985, 80p. (In Russian)

14. Evstigneeva I. F., Nazartseva E. A. (2014) Razvitie umenija jazykovoj dogadki na osnove individual'no-avtorskogo slovoobrazovanija (na materiale hudozhestvennyh tekstov). Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' [Development of language guess skills based on individual author's word formation (based on the material of literary texts). Historical and socio-educational thought]. Vol. 6, No. 6, Part 2, 2014, Pp. 78-80. (In Russian)

15. Evseeva I. V., Ponomareva E. A. (2018) Leksiko-slovoobrazovatel'noe gnezdo: kognitivnoe modelirovanie [Lexico-word formation nest: cognitive modeling] Krasnoyarsk: SFU, 2018, 199 p. (In Russian)

16. Zhinkin N. I. (1964) O kodovyh perehodah vo vnutrennej rechi. Voprosy jazykoznanija [About code transitions in internal speech. Questions of linguistics] — 1964, No. 5. (In Russian)

17. Zabolotskaja A. R., Madyakina N. Yu. (2018) Slovoobrazovatel'nye modeli kak sredstvo razvitija jazykovoj dogadki pri obuchenii inostrannomu jazyku (na primere studentov nejazykovykh special'nostej). Kazanskij vestnik molodyh uchjonyh. Tradicii i innovacii v metodike prepodavanija inostrannyh jazykov [Word-formation models as a means of developing language guesswork when teaching a foreign language (on the example of students of non-linguistic specialties). Kazan Bulletin of young scientists. Traditions and innovations in foreign language teaching methods]. 2018, Vol. 2 No. 5 (8), Pp. 22-25 (In Russian)

18. Zimnjaja I. A. (2001) Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti [Linguopsychology of speech activity]. Moscow: Moscow psychological and social Institute, Voronezh: NPO MODEK, 2001, 432 p. (Series "Psychologists Of The Fatherland"). Program and methodological materials. Russian language. Elementary school. Comp. L. A. Vokhmyanina, Moscow: Drofa, 2001, 320 p. (In Russian)

19. Zimnjaja I. A. (1985) Psihologicheskie aspekty obuchenija govoreniju na inostrannom jazyke [Psychological aspects of teaching speaking in a foreign language]. Moscow, 1985, 160 p. (In Russian)

20. Ivanova, E. N. (2003) Metodika obuchenija jekspressivnym sredstvami ispanskogo razgovornogo jazyka v jazykovom vuze [Methods of teaching her that the Spanish spoken language in the linguistic University]. Candidate's thesis, Pedagogics. M. 2003, 234p. (In Russian)

21. Kaljuzhnaja T. V. (2019) Propozicional'no-frejmovyy podhod pri opisanii gnjozd odnokorenyh slov russkogo jazyka kak reprezentacija diskursivnoj mental'noj dejatel'nosti cheloveka. Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Propositional-frame approach to describing the nests of single-root words of the Russian language as a representation of discursive mental activity of a person. Bulletin of Kemerovo state University], 2019, no. 23 (1), Pp. 205, 211 (In Russian)

22. Karton A. S. (1976) Rol' dogadki v processe pol'zovanija jazykom i v processe obuchenija jazyku. Metodika prepodavanija inostrannyh jazykov za rubezhom. Sost. E. V. Sinjavskaja, M. M. Vasil'eva, E. V. Musnickaja, A. S. Karton [The role of guesswork in the

process of using the language and in the process of learning the language. Methods of teaching foreign languages abroad. Comp. E. V. Sinyavskaya, M. M. Vasilyeva, E. V. Musnitskaya, A. S. Karton], Moscow, 1976, Issue II, p. 183. (In Russian)

23. Kubrjakova E.S. (2004) Jazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' jazyka v poznanii mira. Ros. Akademiya nauk. In-t jazykoznanija [*Language and knowledge: on the way to getting knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in world knowledge. ROS. Academy of Sciences. Institute of linguistics*] Moscow: Languages of Slavic culture. 2004, 560 p. (In Russian)

24. Kubrjakova E.S. (2004) Rol' slovoobrazovaniya i proizvodnogo slova v obrabotke znaniy. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie [*The Role of word formation and derivative words in the processing of knowledge. . Kubryakova E. S. Language and knowledge*] Moscow: Languages of Slavic culture, 2004, P. 390-458. (In Russian)

25. Kuleshova Ju.A. (2009) Razvitie jazykovoj dogadki pri izuchenii anglijskogo jazyka studentami tehničeskogo vuza. Sibirskij pedagogičeskij žurnal [*Development of language guesswork in the study of English by students of technical higher education. Siberian pedagogical journal*] 2009, no. 10, Pp. 85-90. (In Russian)

26. Leont'ev A.N. (1983) Izbrannye psihologičeskie proizvedeniya [*Selected psychological works*] Vol 2 vols. (I-M): Pedagogy, 1983, 392 p. (In Russian)

27. Metodicheskie principy formirovaniya čuvstva jazyka u inostrannyh studentov-filologov pri izuchenii disciplin istoriko-lingvističeskogo cikla. Vestnik Tomskogo universiteta [*Methodological principles of forming a sense of language in foreign students of Philology when studying the disciplines of the historical and linguistic cycle. Bulletin of the Tomsk University*] 2009, no. 322 (May), Pp. 204-206 (In Russian)

28. Lvov M.R. (2003) Metodika razvitija rechi mladših škol'nikov [*Methods of speech development of Junior schoolchildren*] 3. ed, reprint. and additional, Tula: Rodnichok; M.: AST, 2003. (Type of publishing house Samar. Press house), 238 p. (In Russian)

29. Lurija A.R. (1979) Jazyk i soznanie. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [*Language and consciousness*]. Moscow: University press, Moscow, 1979, 320p. (In Russian)

30. Magomedova S.I. Magomedova D.A. (2019) Formirovanie jazykovoj dogadki v processe obučeniya inostrannomu jazyku: vidy zadaniy. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [*Formation of a language guess in the process of teaching a foreign language: types of tasks. Mir nauki, Kul'tury, obrazovaniya*] no.4 (77), 2019, P. 289-291. (In Russian)

31. Masjagina T.A. (1970) O jazykovoj dogadke pri izuchenii inostrannogo jazyka. Puti uluchšeniya prepodavaniya inostrannyh jazykov: sb. statej. pod red. S. P. Suvorova. [*About the language guess when learning a foreign language. Ways to improve the teaching of foreign languages: collection of articles. ed. by S. P. Suvorov*], Moscow: Mysl, 1970, 328 p. (In Russian)

32. Metodika obučeniya inostrannym jazykam v srednej škole [*Methods of teaching foreign languages in high school*] Comp. G. V. Rogova, F.M. Rabinovich, T.E. Sakharova. Moscow: Enlightenment, 1991, 287p. (In Russian)

33. Passov E.I. (1989) Osnovy kommunikativnoj metodiki obučeniya inozazyčnomu obščheniju [*Fundamentals of*

communicative methods of teaching foreign language communication] Moscow. "Russian language". 1989, 276p. (In Russian)

34. Pavickaja Z.I. (2017) Metodičeskij kompleks razvitija jazykovoj dogadki studentov turističeskogo profilja. Inostrannye jazyki v sovremennom mire: Sbornik materialov X Meždunarodnoj naučno-praktičesknoj konferencii. Pod redakcijej D.R. Sabirovoj, A.V. Fahrutdinovoj. [*Methodological complex of development of language guesswork of students of tourist profile. Foreign languages in the modern world: proceedings of the X International scientific and practical conference. Edited by D. R. Sabirova, A.V. Fakhruddinova*], Kazan, 2017, P. 326-331. (In Russian)

35. Parahina A.V. (1940) Formirovanie jazykovoj i smyslovoj dogadki kak sredstvo povyšeniya jeffektivnosti obučeniya inostrannomu jazyku. Izvestija Moskovskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta [*Formation of language and semantic guesswork as a means of improving the effectiveness of teaching a foreign language. Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta*], 2009, № 2(15), P. 58-59. (In Russian)

36. Rubinshtejn S.L. (1940) Osnovy obščhej psihologii [*Fundamentals of General psychology*], M, 1940, 595p. (In Russian)

37. Orlova A.M. K voprosu ob ob'ektivnoj obuslovlennosti tak nazываемого «čuvstva jazyka» [*On the issue of objective conditionality of the so-called "sense of language". Voprosy psihologii*], No. 5-2015, P. 71-83 (In Russian)

38. Tjureva L.S. (2015) Aktual'nye problemy metodiki prepodavaniya arabskogo jazyka [*Actual problems of methods of teaching the Arabic language*], M.: Publishing house of VKN, 2015, 80 p. (In Russian)

39. Fedorenko, L.P. (1994) Analiz teorii i praktiki metodiki obučeniya russkomu jazyku. Učebnoe posobie [*Analysis of the theory and practice of Russian language teaching methods. Textbook*] Kursk: KSPI publishing House, 1994, 206 p. (In Russian)

40. Frolova A.V. (2010) Specifika issledovaniya fenomena anticipacii v rečevoj dejatel'nosti. Vestnik TGGPU Filologija i kul'tura [*Specifics of the study of the phenomenon of anticipation in speech activity. Bulletin of tggpu Philology and culture*]. 2010. No. 2 (20), P. 325-331. (In Russian)

41. Hidekel' S.S. (1975) Nekotorye spornye voprosy stroeniya slovoobrazovatel'nyh modelej i praktika prepodavaniya inostrannogo jazyka. Slovoobrazovanie i ego mesto v kurse obučeniya inostrannomu jazyku [*Some controversial issues of the structure of word-formation models and the practice of teaching a foreign language. word Formation and its place in the course of teaching a foreign language*]. Vladivostok: DVGU, Issue 3, 1975, Pp. 18-26. (In Russian)

42. Sharafutdinova O.I. (2013) Izučenie russkogo jazyka: sistema, norma i čuvstvo jazyka. Čeljabinskij gumanitarij [*Russian Russian language Study: system, norm and sense of language. . Chelyabinsk Humanities*] 2013, no. 2 (23), P. 44-48. (In Russian)

43. Šatilov S.F. (2004) Aktual'nye problemy metodiki obučeniya russkomu jazyku inostrannyh učashhihsja: Učebnoe posobie [*Actual problems of methods of teaching Russian to foreign students: Textbook*]. Saint Petersburg, 2004.

44. Šhukin A.N. (2007) Lingvodidaktičeskij jenciklopedičeskij slovar': bolee 2000 edinic [*Linguodidactic encyclopedia: more than 2000 units*], Moscow: Astrel: AST: Keeper, 2007, 746p. (In Russian)

Е. А. Хамраева,
А. В. Гусев

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

ELIZAVETA A. HAMRAEVA, ALEXEY V. GUSEV

LINGUADIDACTIC CONDITIONS FOR CREATING A SPEECH ENVIRONMENT
IN THE FAMILY AND SCHOOL AS A WAY TO PRESERVE THE NATIVE LANGUAGE

Елизавета Александровна Хамраева

доктор пед.наук, профессор
► icbpe@herzen.spb.ru

Московский педагогический
государственный университет (МПГУ)

Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена

Москва, Малая Пироговская д. 1.

Алексей Владимирович Гусев

кандидат ист. наук, ответственный
секретарь Координационного совета
Национальной родительской ассоциации
► gusev-75@bk.ru

Общероссийская общественная
организация «Национальная
родительская ассоциация социальной
поддержки семьи и защиты семейных
ценностей»

Москва, Большая Почтовая, д.10, стр.36

Khamraeva Elizaveta

MPSU

Moscow, Malaya Pirogovskaya, 1

Gusev Alexey

National parents association

Moscow, Bolshaya Pochtovaya, 10-36

Статья посвящена определению лингводидактических возможностей создания речевой среды в образовательной организации и дома, дифференциации понятий языковая и речевая среда. Выявлению взаимодействия данных терминов с понятием социокультурная среда. Определение требований к речевой среде с целью обеспечения качественного языкового образования ребёнка-билингва, овладевающего русским и родным языками в образовательных организациях Российской Федерации. Особое внимание уделяется роли семьи и школы в создании среды. В статье также предпринята попытка классификации речевой среды.

Ключевые слова: дети-билингвы, речевая среда, языковая среда, овладение языком, родной язык, социокультурная среда, родительское влияние, инпут и аутпут,

Abstract. The article is devoted to determining the linguodidactic possibilities of creating a speech environment in an educational organization and at home, differentiating the concepts of language and speech environment. Revealing the interaction of these terms with the concept of sociocultural environment. Determination of the requirements for the speech environment in order to ensure high-quality language education of a bilingual child who masters Russian and native languages in educational institutions of the Russian Federation. Particular attention is paid to the role of the family and school in creating the environment. The article also attempts to classify the speech environment.

Keywords: bilingual children, speech environment, language environment, language acquisition, native language, socio-cultural environment, parent influence, input and output.

*От того, как прошло детство, кто вёл
ребенка за руку в детские годы, что вошло
в его разум и сердце из окружающего мира –
от этого в решающей степени зависит, каким
человеком станет сегодняшний малыш».*

В.А. Сухомлинский

Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ №19-012-00293

Современные процессы глобализации, происходящие во всём мире, воздействуют на идеи сохранения языков в том или ином обществе. В этой связи задачи современного языкового образования всё больше дифференцируются, среди известных в них отчетливо обозначаются новые: сохранить родной язык как средство интеллектуального и эмоционального развития ребёнка, дать каждой семье возможность использования родного языка; дать возможность познакомиться с достижениями национальной культуры, вкладом национальной культуры в мировую; осуществлять диалог культур и межкультурную коммуникацию. Лингводидактические условия создания *среды для овладения родным языком* в семье и школе сегодня воспринимаются всеми участниками образовательного процесса (государством, родителями, образовательной организацией) необходимым способом сохранения кумулятивной, культуросберегающей функции родного языка. Изучение и глубокое теоретическое обоснование всех влияющих на процесс сохранения родного языка факторов - настоятельная потребность сегодняшней России.

Понятие «среда» рассматривается в разных областях наук и получило разную интерпретацию. Известно, что *социокультурная среда* оказывается существенным условием развития личности; в то же время под влиянием деятельности человека среда изменяется сама. Вот почему проблемы взаимоотношений человека и среды рассматриваются в рамках различных научных дисциплин и направлений (философия, психология, социальная экология, педагогика, социология и др.). Понятие «социокультурная образовательная среда» трактуется в педагогике очень широко. Мы объясняем её как многомерное социально-культурное педагогическое явление, связанное различными коммуникативными механизмами и оказывающее влияние на процесс развития личности [Воюшина 2009]. В современной науке под культурно-образовательной средой понимается открытая, многоуровневая, самоорганизующаяся система, представляющая совокупность культурно-образовательных

условий и действий людей, обеспечивающих их реализацию. Иными словами, *социокультурная образовательная среда* в образовательной организации – это условия, которые создают и одновременно используют все участники образовательного процесса для удовлетворения своих образовательных потребностей, важнейших именно для личностного развития. Внутри любой образовательной организации проявляются компоненты социокультурной среды, непосредственно связанные с языковым образованием и воспитанием.

В отечественной лингводидактике понятие «языковая среда», «речевая среда», «социокультурная среда» исследуется в работах многих ученых (И. А. Орехова, Н. А. Журавлева, О. П. Быкова и др.). Нас, в первую очередь, интересует их педагогическая трактовка: «среда – окружающее пространство или зона непосредственной активности индивида, в условиях которой происходит формирование и развитие личности» [Журавлева 1981]. В этой связи формулировка, определяющая *языковую среду как систему*, некую «лингвокультурную данность», обладающую «определёнными характеристиками», среди которых важнейшие – «естественный достоверный видеоряд», «естественный достоверный аудиоряд», «ситуативный ряд», «фоновый ряд» и «обучающая стихия языка» [Федоренко 1984] представляются нам наиболее значимыми. Именно в языковой среде происходит социализация человека, его овладение языком как средством общения в целях социального взаимодействия в обществе, выраженное в усвоении элементов и структуры языка, языковых норм общества, стереотипов вербального поведения. Известно, что именно языковая среда тесно связана с *культурной средой*, поэтому их формирование должно осуществляться параллельно. Получение ребёнком информации культурологического и лингвокультурологического характера чаще всего происходит в семье, в условиях эмоционального, яркого по своей природе контакта. Современная лингводидактика признает отдельную необходимость эмоционального участия в вопросах формирования

у детей социокультурной компетенции, поэтому и ставит целью усвоение явлений культуры в самом раннем возрасте. Это песни и сказки, потешки и игры на родном для ребёнка языке, то есть стихийное погружение в культуру, обусловленное жизненной ситуацией. Все перечисленное способствует созданию языковой среды при овладении языком. В совокупности перечисленные характеристики и составляют языковую среду. Итак, языковая среда – это вид коммуникативного пространства, в котором реализуется общение.

Как личное, так и социальное общение подразумевает активное использование речи. Мы рассматриваем речь как систему используемых звуковых сигналов, письменных знаков и символов, применяемых для передачи, переработки и хранения какой-либо информации» [Зимняя 1989: 24-25]. Речевая среда, в которую погружен ребенок с момента рождения, оказывает большое влияние на его речевое формирование. *Речевая среда* – это собственно речь, которую воспринимает человек в естественных условиях, например, в семье, по радио, телевидению, это речевые произведения – тексты, прочитанные самим ребёнком, либо услышанные им. Обычное условие сохранения речевой среды в детском коллективе – это создание естественной обстановки, рационально организованной, насыщенной игровыми материалами. Речевая среда окружает человека повсюду. Свободная речевая среда – это среда общения с ровесниками, родителями, педагогами. Во время прогулки, учебы, при бытовых занятиях, во время труда или игры дети неизбежно общаются друг с другом, поэтому особо важно использовать весь потенциал для формирования речи. Именно в этом аспекте дифференцируется понятие речевой среды, появляются *термины искусственная и естественная* речевая среда. Чем ближе речь к естественным условиям, тем успешнее используется её развивающий потенциал, тем лучше результаты. Речевая среда, окружающая ребенка с рождения, оказывает большое влияние на формирование его личности, потому что она отражает не просто факт доста-

точного или недостаточного общения взрослых с ребенком, а становится суммой всех обстоятельств, благотворно или отрицательно сказывающихся на развитии его речи.

Итак, речевая среда – это понятие, которое включает в себя множество элементов: это и все возможные языковые образцы, которые воспринимаются ребенком, не только общение людей вокруг, но и речь, звучащая из телекоммуникационных источников. Л. П. Федоренко ввела в научный оборот термин «развивающая речевая среда» [Федоренко 1984]. Она подразумевала под этим понятием среду, которая активизирует процесс развития речевых коммуникаций, то есть это среда, которая способна раскрыть речевой потенциал детей. Такая речевая среда становится результатом целенаправленного последовательного действия, направленного на коммуникацию. Другими словами, по мнению ученого, речевая среда – одна из важнейших предпосылок для получения ребенком вербального опыта, а её специальное насыщение – работа на прирост познавательных и коммуникативных умений, очень важных, например, для детей, находящихся в двух языковых стихиях [Хамраева 2017].

Известно, что речевая среда имеет изменчивый характер, потому что отражает постоянно меняющиеся потребности растущего человека. Именно в ней происходит «речевое приобщение» ребенка к жизни в социуме. Грамотная, последовательная организация речевого окружения ребенка позволит оказать воздействие воспитательного характера, развить познавательную активность не только через окружающий мир, но и через языковую систему, позволит развить базовые представления о родном языке и о родной речи. Поэтому считается, что главным направлением повышения результативности подходов к формированию речи, особенно в условиях сохранения родного языка, является специальная организация речевой среды. Особенно важен этот момент именно в семье, где происходит первый речевой опыт ребёнка. Качественная речевая среда — это не просто факт достаточного или недостаточ-

ного общения взрослых с ребенком, а *совокупность* всех обстоятельств, которые благотворно или отрицательно сказываются на развитии его речи. Для развития детской речи очень важно общение ребенка с другими людьми сразу после рождения — с членами семьи, в дальнейшем — со сверстниками и другими детьми. Ребенку нужно играть с ними в подвижные соревновательные или ролевые игры, что даёт ему возможность самовыразиться, а значит стимулирует к речевым высказываниям. Среда, которая формирует речь ребенка – это то окружение, которое специально организовано для воздействия на разные речевые стороны развития. Эта среда организуется с определенной целью: наполнить окружающее предметное пространство теми компонентами, которые бы позитивно воздействовали на формирование детской речи.

Лингводидактика сегодняшнего дня находится в поиске новых концептуальных решений методических проблем за счет осуществления интегративного подхода к определению основных закономерностей педагогического процесса овладения родным языком. Так, для уточнения педагогической (дидактической) терминологии в определении среды мы вносим лингвистические понятия: *input* и *output*. Это даст нам возможность не только дифференцировать термины или отразить содержательную дифференциацию понятий, но и определить собственно лингвистические условия создания среды. Итак, 'input' («вводимая» информация) – это обращенная к ребёнку речь [Цейтлин, 2000], то есть то, что он слышит (когда ему говорят или читают), а вот *output* – это то, что он сам производит (говорит или пишет).

Семейный *инпут* (*input*) – вся совокупность воспринимаемой ребенком речи, главное условие, стимулирующее речевое развитие. Бедность семейного инпута в условиях иноязычного окружения может спровоцировать отсутствие эмоциональной включенности ребёнка в родной язык и стать причиной нежелания ребёнка в дальнейшем пользоваться родным языком. На наш взгляд, именно этот термин максимально связан с понятием *речевой среды* и является

маркером её создания как в семье, так и в дошкольной организации, а затем в школе. Вторым лингвистический термин – *аутпут* (*output*), – по нашему мнению, является маркером определённого речевого результата и может стать показателем создания *языковой среды*. Причем, отсутствие в раннем детстве гармоничного общения и эмоционально благополучной языковой обстановки ничем не могут быть возмещены в дальнейшем и обязательно сказываются на объёме и качестве родной речи человека, отражаются в показателях его владения языком.

К сожалению, речевые роли семьи и образовательной организации практически не изучены в РФ, хотя в последние годы вовлечение родителей обучающихся в образование и воспитание стало одной из основополагающих позиций государственно-общественного характера российского образования, закреплённого в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации». Действительно, родители всё более активно включаются в процессы образования и воспитания. Это выражается и в участии родителей в управлении образовательными организациями, проведении детско-родительских мероприятий, работе по родительскому просвещению. Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года предусмотрено обеспечение возможности получения молодыми родителями знаний, необходимых для воспитания детей.

Согласимся с мнением Н. А. Журавлевой [Журавлева 1981], которая отметила, что в результате систематического обучения **языковая среда приобретает статус речевой**. Она отмечает также, что **речевая среда** создается при речевом взаимодействии коммуникативных партнеров в момент непосредственного общения. Но когда речь заходит о системном изучении языка или о процессах порождения устного или письменного высказывания, – речь идет **о создании языковой среды**.

И речевая, и языковая среда так или иначе соотносятся с понятием «образовательная среда», а значит, имеют множество показателей, отражающих как среду в целом, так и особен-

ности каждой конкретной школы или дошкольной организации, характеризующих диалоговые отношения между участниками образовательного процесса. Известно, что образовательная среда – это подсистема социокультурной среды, совокупность факторов, обстоятельств, ситуаций, то есть специально организованных педагогических условий для развития личности. Так, школьная образовательная среда предполагает обязательную реализацию междисциплинарного взаимодействия, что и позволяет построить методические объединения «от ученика» и стимулирует диалоговую позицию педагогического коллектива, делает ребенка центром образовательного процесса.

Современным родителям становится понятным и следующее: и речевая, и языковая среда в семье и в детско-родительском взаимодействии –необходимое продолжение учебной деятельности. Преимущество обеспечивается единством поставленных целей, создающих благоприятные условия для активной самостоятельной культурно-сообразной деятельности обучающихся и способствует эффективности сохранения родного языка. К новым возможностям создания речевой среды относятся текстовые, аудио- и видео- (презентации, фильмы) информационные ресурсы множества сайтов, игровые, обучающие и контролирующие программы, различные программированные онлайн-словари и словари с возможностью скачивания и установки на любом носителе, а также чаты, скайп, электронная почта, различное дистанционное обучение, включающее вебинары, видеоконференции и т.д.

В последние годы, например, с целью сохранения родных языков, проводится ряд мероприятий по организации *искусственной речевой среды*, необходимой для решения задач культуросберегающего характера. Особенно ярко это наблюдается, например, в ходе мероприятий, предусматривающих участие детско-родительских коллективов: фестиваль по воспитанию в родной среде, проведённый в Республике Саха (Якутия) в 2019 году, «Фронтальный диктант на хантыйском, мансийском, ненец-

ком языках» в Ханты-Мансийском автономном округе-Юрге, Республиканский семейный фестиваль «Родной язык – душа народа», проводимый в Республике Хакасия, ежегодная Межрегиональная олимпиада по родным языкам и краеведению и проект «Азбука Ямала» в Ямало-Ненецком автономном округе и другие мотивационные мероприятия. Это позволяет раскрыть весь формирующий потенциал речевой среды и определить её позитивные лингводидактические результаты. Как показали наблюдения в рамках проекта Минпросвещения России «Проведение серии семинаров-совещаний «Языки народов России в системе общего образования Российской Федерации», реализованного в 2020 году, оказание практической и теоретической помощи семьям, желающим сохранить родной язык с раннего детства, можно осуществлять через трансляцию основ теоретических знаний по формированию речевой среды, через использование различных форм сотрудничества с родителями и совместного творчества.

Следовательно, работа над определением лингводидактических условий для создания речевой среды и в семье, и школе – это уже способ сохранения родного языка, полноценное усвоение которого равно работе по формированию речевых умений в детском возрасте. Процентное же соотношение того и другого вида работы должны определить родители и учителя в зависимости от условий обучения, возраста и уровня подготовки учащихся. Итак, сохранить родной язык в детстве – это значит создать речевую среду, эмоционально и познавательно насыщенную, мотивирующую к дальнейшей коммуникативной реализации. Это главное условие для сохранения языка в семье и школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воюшина М. П.* Ребенок в культурно-образовательном пространстве Санкт-Петербурга.- Монография / [Воюшина М. П., Рыжкова Т. В., Костюхина М. С. и др.]; под ред.-СПб.:Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2009. -138с.
2. *Журавлева Н. А.* Языковая среда как обучающий фактор и резерв повышения эффективности краткосрочного обучения русскому языку: АКД. М., 1981. С. 20-23.
3. *Зимняя И. А.* Психология обучения неродному языку.

М.: Русский язык, 1989. С. 24-25.

4. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., Просвещение, 1969. - 214 с.

5. Федоренко Л. П. Закономерности усвоения родной речи. М. : Просвещение, 1984. - 159 с

6. Федотов С. А. Формирование языковой среды на уроке английского языка посредством использования современных ИКТ-технологий [Электронный ресурс] URL:<http://education1246.rusedu.net/post/5375/55584> (дата обращения 10.02.20)

7. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 10.02.20)

8. Хамраева Е. А. «Теория и методика обучения детей-билингвов». М, 2017, 176 с.

9. Цейтлин С. Н. «Лингвистика детской речи». Москва, «Владос», 2000, с. 227- 231

REFERENCES

1. Voyushina M. P. Rebenok v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve Sankt-Peterburga. - Monografiya / [Voyushina M. P., Ryzhkova T. V., Kostyukhina M. S. i dr.]; pod red. - SPb.:

Izd-vo RGPU im. A.I.Gertsena, 2009. - 138s.

2. Zhuravleva N. A. Yazykovaya sreda kak obuchayushchiy faktor i rezerv povysheniya effektivnosti kratkosrochnogo obucheniya russkomu yazyku: AKD. M., 1981. S. 20-23.

3. Zimnyaya I. A. Psikhologiya obucheniya nerodnomu yazyku. M.: Russkiyazyk, 1989. S. 24-25.

4. Leont'yev A. A. Yazyk, rech', rechevayadeyatel'nost'. M., Prosveshcheniye, 1969. - 214 s.

5. Fedorenko L. P. Zakonomernosti usvoyeniya rodnoy rechi. M. : Prosveshcheniye, 1984. - 159 s

6. Fedotov S. A. Formirovaniye yazykovoy sredy na uroke angliyskogo yazyka posredstvom i spol'zovaniya sovremennykh IKT-tekhnologiy [Elektronnyyresurs] URL:<http://education1246.rusedu.net/post/5375/55584> (data obrashcheniya 10.02.20)

7. Federal'nyy zakonot 29.12.2012 g. № 273-F3 «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashcheniya 10.02.20)

8. Khamrayeva E. A. «Teoriyaimetodikaobucheniya detey-bilingvov». М, 2017, 176 с.

9. Tseytlin S. N. «Lingvistikadetskoyrechi». Moskva, «Vladос», 2000, s. 227- 231

[хроники]

Форум Terra Rusistica: 500 участников в зале, 900 – в Youtube

Форум был организован Ассоциацией преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ» в партнерстве с Псковским государственным университетом при поддержке Фонда президентских грантов. Мероприятие проходило 17-19 декабря 2019 года на площадке ПсковГУ как в очном, так и в дистанционном формате.

Форум открыло заседание дискуссионной площадки «Русский язык в XXI веке: мировой, редко изучаемый или критически важный?». Для того, чтобы русский язык становился популярнее, вице-президент МАПРЯЛ, профессор Хельсинкского университета Арто Мустайоки предложил менее строго относиться к речевым ошибкам, которые допускают люди, его изучающие. «Мы всегда сравниваем русский язык с английским. Но то, что происходит с английским – это нечто уникальное. Преподаватели русского языка думают, что русский язык нужно преподавать так, чтобы студент стремился к совершенству. Но, может быть, это нереальная цель, она слишком высокая? – отметил А. Мустайоки. – Возможно, самое главное – это способность говорить и общаться с русскими, знать, как применить его в той или иной ситуации, а не безошибочность».

В дискуссии также приняли участие заведующий научно-учебной лабораторией лингвистической кон-

фликтологии и современных коммуникативных практик НИУ ВШЭ Максим Кронгауз, член президиума МАПРЯЛ, доцент Университета национальной и мировой экономики из Софии Антония Пенчева, директор Музея Набокова, писатель Андрей Аствацатуров и ведущий научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Мария Лебедева.

С напутственным словом к участникам форума обратился литературный критик, литературовед, прозаик, член Союза писателей России Валентин Курбатов.

В работе форума приняли участие более 500 зарегистрировавшихся участников, при этом интерес к мероприятию проявила более широкая аудитория: так, в первый день трансляция событий форума в видеохостинге Youtube собрала около 700 просмотров, а во второй день – почти 900 просмотров. предусмотрено не только научные, но и учебные интерактивные мероприятия.

Оргкомитет приступил к работе по формированию сборника материалов форума. Издание, индексируемое в РИНЦ, увидит свет в марте 2021 года.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В РЕЧИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ С ПОЗИЦИИ ЭТНОКОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ELENA A. ZHELEZNIKOVA

PHONETIC ERRORS IN THE SPEECH OF CHILDREN OF MIGRANTS FROM THE POSITION
OF ETHNOCOGNITIVE APPROACH TO TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

**Елена Алексеевна
Железняка**

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры межкультурной
коммуникации

► elenazheleznyakova@yandex.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

191186, Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки, 48.

Elena A. Zhelezniakova

The Herzen State Pedagogical
University of Russia

48, Moika Emb., St. Petersburg,
191186, Russia

В статье излагаются результаты анализа фонетических ошибок в речи тюркоязычных школьников, изучающих русский язык в Санкт-Петербурге. Выделяются типичные фонетические нарушения. Обосновывается необходимость целенаправленной когнитивно ориентированной работы над произношением на протяжении всего обучения русскому языку как неродному.

Ключевые слова: фонетические ошибки; дети мигрантов; инофоны; русский язык как неродной; этнокогнитивный подход.

The article presents the results of the analysis of phonetic errors in the speech of Turkic-speaking pupils studying Russian in St. Petersburg. Typical phonetic disorders are highlighted. The author substantiates the need for purposeful cognitive-oriented work on pronunciation throughout the entire learning Russian as a non-native language.

Keywords: phonetic errors; children of migrants; inofons; Russian as a non-native language; ethnocognitive approach.

Анализ ошибок является традиционным методом изучения процесса овладения неродным языком в психолингвистике. Исследователю-методисту он позволяет получить представление о том, на какой стадии освоения языка находится информант, какие пути и способы преодоления имеющихся ошибок целесообразно выбрать. В то же время, анализ ошибок в совокупности с контрастивным анализом родного и изучаемого языков даёт возможность эффективно организовать работу по предупреждению ошибок, повысить качество обучения, выбрать оптимальные методы контроля.

У учащегося на его пути к овладению неродным языком формируется так называемый промежуточный язык. Почти 20 лет назад А. А. Залевская и И. Л. Медведева справедливо заметили, что «пред-

ставляется интересным ставить задачу выявления универсальных тенденций и специфических особенностей формирования и функционирования ПЯ (*промежуточного языка* – прим. Е. Ж.) в трёх ситуациях: овладения Я1 (*первым языком* – прим. Е. Ж.), Я2 (*вторым языком* – прим. Е. Ж.) в естественной ситуации и Я2 в учебных условиях» [Залевская, Медведева 2002: 61]. Ошибки учащихся в этих ситуациях достаточно подробно проанализированы в психолингвистических и методических исследованиях. Между тем, за два прошедших десятилетия сформировалось новое направление методики – методика обучения русскому языку как неродному. Адресатом обучения в рамках этого направления стали дети и взрослые, овладевающие русским языком как языком страны пребывания. Такие дети учатся в российских школах по программам для русскоязычных детей и, соответственно, не вписываются в предложенные названными авторами ситуации: школьники-инофоны овладевают неродным языком как в естественных, так и в учебных условиях, причём это происходит параллельно. Методическая целесообразность анализа ошибок в устной и письменной речи школьников с неродным русским языком обусловлена необходимостью совершенствования процесса обучения, однако подобное исследование может предоставить интересный материал не только для методики, но и для психолингвистики. Работа в этом направлении ведётся [Агафонова 2019; Бучилова 2018; Цейтлин 2015], однако представляется, что произносительные ошибки в речи детей мигрантов изучены недостаточно. На наш взгляд, овладение фонетикой русского языка может быть более эффективным, если преподаватель будет основывать обучение на этнокогнитивном подходе, учитывая данные когнитивной фонологии, анализа ошибок учащихся и сопоставления языков.

Когнитивный подход в теории и методике обучения иностранным языкам широко рассматривается на материале лексики [Шамов 2006]. Однако, узнавание слова в потоке речи, его понимание и употребление невозможны без фонетических и фонологических умений и навыков.

Одной из проблем, изучаемых современной когнитивной фонологией, является «формирование второй ... фонологической системы у естественных билингвов и у изучающих иностранный язык в академической обстановке» [Шевченко 2017: 109]. На формирование этой системы оказывает влияние уже сложившаяся система родного языка.

Наблюдение за процессом обучения русскому языку как неродному в школах и на дополнительных курсах в Санкт-Петербурге и Ленинградской области дало возможность кратко охарактеризовать повторяющиеся языковые ошибки школьников. Наблюдение осуществлялось на протяжении 2019-2020 учебного года в школах Василеостровского, Калининского и Невского районов Санкт-Петербурга, Всеволожского района Ленинградской области, а также на курсах автономной некоммерческой организации «Дети Петербурга». Учащиеся с неродным русским языком, ставшие объектом наблюдения, в основном приехали в Санкт-Петербург из Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, однако среди информантов были и те, кто родился в России. Родными языками для всех информантов являются тюркские: киргизский, узбекский, казахский.

За всё время наблюдения не было зафиксировано ни одного примера целенаправленной работы над звукопроизношением с учащимися-инофонами, причём это касается как школьных уроков в полиэтнических классах, так и коррекционных занятий во внеурочное время. Между тем, именно в раннем школьном возрасте можно наиболее эффективно формировать правильное звукопроизношение. Практика показывает, что без внимания к этому аспекту обучения акцент становится устойчивой характеристикой звучащей речи, даже в случаях её беглости, и несформированной остаётся фонологическая компетенция – «знание звуковой системы языка, ударения, ритмики, интонации, мелодики, способов фонетической организации речи и умение пользоваться ими в процессе общения» [Азимов, Щукин 2019: 377].

Нами были выделены типичные и наиболее частые нарушения в области фонетики. Вслед

за Л. В. Щербой мы различаем зафиксированные ошибки в зависимости от степени их значимости для понимания речи [Щерба 1957: 13]. Наиболее опасны фонологические или звукомысловые ошибки, при которых разрушается смысл высказывания. Тем не менее, фонетические ошибки или ошибки выговора, искажающие облик русского слова, но не мешающие восприятию содержания высказывания, также должны корректироваться, поскольку, в отличие от иностранцев, изучающих русский язык, дети-инофоны вливаются в коллектив русскоязычных школьников и хотят чувствовать себя уверенно, в том числе благодаря чистой речи. Как справедливо замечает М. С. Нетёсина, «Ощущение готовности произносительной системы воспринимается говорящим как пусковой сигнал к актуализации речевого акта. Психологически он воспринимается как чувство уверенности, а отсутствие такой готовности в условиях иноязычного говорения порождает неосознаваемое сопротивление, боязнь говорить и снижение речевой инициативы» [Нетёсина 2014: 71]. Кроме того, фонетические ошибки обычно влекут за собой орфографические, что значительно осложняет изучение русского языка в школе.

Смешение твёрдых и мягких согласных – ошибка, которая постоянно фиксируется как исследователями, так и учителями. Как известно, твёрдость и мягкость играют смысловозначительную роль в речевой деятельности на русском языке, поэтому внимание к коррекции этого нарушения совершенно оправданно. Ранее автор данной статьи уже обращался к проблеме обучения детей мигрантов произношению твёрдых и мягких согласных на уроках русского языка в полиэтничном классе [Железнякова 2011]. Были предложены упражнения, направленные на тренировку произносительных навыков и основанные на имитации. Однако, анализ материалов наблюдения показал, что приведённые в упомянутой публикации примеры упражнений должны быть дополнены в связи с необходимостью более детальной работы с твёрдостью и мягкостью согласных в некоторых позициях, представляющих значи-

тельную сложность для тюркоязычных детей. Так, например, в узбекском языке парные мягкие согласные отсутствуют, а имеющихся полумягких недостаточно, чтобы перенести навыки их образования в речь на русском языке.

Чаще всего твёрдый согласный вместо мягкого произносится на конце слова: *деся[t]*, *может бы[t]*, *опа[t]*, *пя[t]*. Значительные трудности также вызывает произношение мягкого согласного перед твёрдым: *ова[l]ная*; *норма[l]ный*. В то же время, произношение мягких согласных перед гласными усваивается легче, хотя и в этом случае встречаются ошибки: *[мэ]тро*, *э[лэ]ктрический*. Большие сложности вызывает сочетание мягкого согласного с *[у]*, частотным нарушением является произношение на месте такого сочетания твёрдого согласного с *[ы]*: *ку[пы]ли*, *[пынгвын]*, *новогод[ны]е*, *разговар[ы]вать*.

Несмотря на затруднения в произношении мягких согласных, были зафиксированы случаи произношения мягких согласных вместо твёрдых: *ма[ш']ина*, *е[з']ди[л']*, *[з']убы*, *ум[н']й*, *де[в']очка*, *[м']осква*. Причины таких ошибок различны: это и интерференция (например, русский твёрдый *[ш]* ошибочно приравнивается к смягчённому узбекскому *[ʃ]*), и ассимиляция, и элементарное неразличение твёрдых и мягких согласных.

В случаях стечения согласных в начале слога часто встречается эпентеза *[м']ине* (вместо *мне*), *[с']ивета* (вместо *света*), причём появление дополнительного звука сопровождается ассимилятивным смягчением предшествующего согласного. Е. Д. Поливанов, сопоставляя звуковой состав русского и узбекского языков, писал, что «этот тип слогов... (согласный+согласный+гласный – прим. Е. Ж.) вовсе чужд узбекскому языку, а потому и совершенно непривычен для узбекского языкового мышления» [Поливанов 1933: 23]. Материалы наблюдения показывают, что для носителей других тюркских языков подобные сочетания звуков также сложны.

Зафиксированы случаи замены звуков *[ф]* и *[ф']* на *[п]* и *[п']* соответственно: *[п]артук*, *карто[п']ель*. Это связано с влиянием родных языков, в частности, узбекского, под воздействи-

ем которого щелевой губно-зубной [ɸ] заменяется смычным губно-губным [п].

В области гласных наблюдение показало, что наиболее частотным нарушением является произношение полногласного звука в безударной позиции: [нава]годние, п[а]здравляю, [ва]семнадцать, [пада]рил, [паэтаму], краси́в[а]я, [нарма]льный, Пет[ра]град, улиц[а]х, э́т[а], на лодк[и], ник[а]гда, прия́тн[а]. Кроме того, что редукция в тюркских языках принципиально отличается от русской редукции, ошибки в области произношения гласных звуков часто обусловлены лишь частичным совпадением сопоставимых гласных в русском и родном языках и действующим в тюркских языках законом сингармонизма. Наблюдаются отклонения от нормы даже в ударных слогах: ли[с'э́тс]а вместо лисица, уч[э]тель.

Отдельного внимания заслуживают ошибки в ударении. Разноместность, подвижность и одновременно смыслоразличительная роль словесного ударения в русском языке вызывает затруднения у тюркоязычных учащихся. Это связано, в первую очередь, с тем, что в тюркских языках «силовое (экспираторное) ударение ... подразделяется на главное ударение, падающее, как правило, на последний слог, и второстепенное ударение, которое возникает, как правило, в многосложных словах, состоящих из четырёх и более слогов, и падающее на первый слог слова» [Тенишев, Левитская, Покровская и др. 1984: 410]. При такой упорядоченности ударения в родном языке неудивительно, что школьникам сложно освоить русское словесное ударение. Зафиксированные нами ошибки в этой области показывают, что они, как правило, встречаются в словах, которые мало знакомы инофонам или редко ими употребляются: *болотистая*, *Нева*. Эти нарушения в основном встречались при чтении, в тех случаях, когда ранее не был предъявлен образец правильного ударения. Отклонения от нормы ударения в знакомых учащимся словах особенно опасны, когда ударение выполняет форморазличительную функцию: *гóрода* – *города́*, *узна́ю* – *узна'ю*, *руки́* – *руки*, однако зафиксированные нарушения подобного рода единичны.

Упомянем также некоторые менее частотные отклонения от произносительных норм:

неверное произношение сочетаний гласных (*ду[мат]* вместо *думает*), раздельное произношение предлога с последующим словом, отсутствие оглушения (*в классе, из Самарканда*), замена звука [ц] (*улиц[а]*, *[с]апля*), недодифференциация звука [й] (*по[д'о]м* вместо *подъём*), неразличение звуков [о] и [у] (*[дум]* вместо *[дом]*).

Как уже было сказано, в процессе наблюдения было обнаружено, что учителя не проводят целенаправленной работы над произношением. В немногочисленных случаях встретилось исправление допущенной ошибки и требование повторить правильный вариант. Обращение к некоторым исследованиям, посвящённым коррекции произносительных навыков детей-инофонов, показало, что авторы обычно рекомендуют основывать соответствующую работу на имитации, причём «косвенной», при которой «ребёнок не чувствует на себе воздействия учителя» [Борисенко 2018: 6]. Однако, несмотря на то, что практика общения способствует формированию фонологической системы, порой это воздействие мешает, так как ребёнок, достигнув определённой беглости речи, не считает нужным работать над фонетикой. Если учитель также не уделяет специального внимания этому аспекту, у инофона длительное время сохраняется выраженный акцент. Соответственно, работа по совершенствованию произношения должна занимать определённое место в обучении на протяжении всего процесса освоения русского языка как неродного.

Среди прочих методических причин большого количества произносительных ошибок в речи учащихся-инофонов выделим отсутствие специальных учебных пособий и материалов по фонетике русского языка для тюркоязычных школьников и игнорирование учителями результатов сопоставительных лингвистических исследований, данные которых позволяют спрогнозировать интерференцию в области фонетики и подобрать оптимальную систему упражнений.

В соответствии с этнокогнитивным подходом к обучению, работа над произносительными навыками должна начинаться с аудиро-

вания, поскольку основа правильной артикуляции лежит не столько в механической отработке движений органов речи, сколько в осознании смысловозначительной и социофонетической функций звучащих форм. Неверное произношение часто имеет в основе неразличение на слух тех или иных звуков, поэтому в обучении важно концентрироваться на наборе определённых акустических ключей, необходимых для узнавания слов и составляющих их фонем.

В естественном процессе овладения языком ребёнком восприятие опережает речепроизводство. Между тем, в обучении русскому языку как неродному навыки аудирования, говорения, чтения и письма развиваются параллельно. Часто условия школьного урока, когда инофон осваивает язык в преимущественно русскоязычной аудитории, определяют первенство письма среди видов речевой деятельности. Это негативно сказывается на развитии фонологической компетенции и является очередным подтверждением необходимости специального коррекционного курса по русскому языку как неродному в поликультурной школе. Особенно эффективным с точки зрения фонетики такой курс будет для учеников начальной школы, поскольку в возрасте до 11 лет детям свойственна гибкость при изучении языков, и в этот период закладывается основа для последующего совершенствования фонологической компетенции. Дети, начавшие изучать неродной язык в среднем школьном возрасте (11-14 лет), легче овладевают лексикой и грамматикой по сравнению с младшими школьниками, однако фонетика даётся им тяжело, так как был упущен благоприятный период для восприятия и усвоения акустических образцов.

Т.И. Шевченко отмечает, что «современное понимание речевых процессов в когнитивном аспекте указывает на то, что автоматизм плавной речи на родном языке обеспечивается тем, что память хранит и вовремя подаёт готовые блоки-высказывания, которые и составляют до 80% обыденной речи» [Шевченко 2017: 113]. Это подтверждает целесообразность заучивания некоторого количества речевых образцов и ав-

томатизации их употребления при обязательном внимании к фонетическому облику. Особенно уместно это в обучении младших школьников, которые ещё не готовы к осознанию целого ряда грамматических явлений. Например, для учеников 1 класса актуальными речевыми образцами будут такие, как *Меня зовут Я учусь в 1а классе. Я люблю математику.*

Таким образом, проведённый анализ материалов наблюдения показывает, что в работу над русским произношением тюркоязычных школьников, в первую очередь, целесообразно включать пары слов с твёрдыми / мягкими согласными, в том числе в сочетании с *и-ы* (*мал-мял, опять – нет опят, мыл – мил*), со стечением согласных / с открытыми слогами (*мне – на mine*), с ударными / редуцированными гласными (*новый – новогодний*). Тем не менее, прочие отклонения от произносительной нормы также должны найти отражение в обучении. Каждое занятие коррекционного курса по русскому языку как неродному целесообразно начинать с фонетической работы, организованной с учётом результатов анализа ошибок в речи детей мигрантов и потенциальных трудностей, выявленных на основе сопоставления фонетических систем русского и тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова М. В. Типичные ошибки детей-инофонов в письменных работах по русскому языку // *Филология и лингвистика*. 2019. №3 (12). С. 16–19.
2. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. М., 2019.
3. Борисенко И. В. Методы коррекции фонетических и лексико-грамматических трудностей в изучении русского языка у младших школьников-инофонов // *Методическая вариативность как условие преемственности в обеспечении образовательных результатов по дисциплинам гуманитарного цикла (детский сад – школа – колледж – вуз): мат-лы международной научно-практ. конференции*. Ярославль, 2018. С. 170–182.
4. Бучилова И. А. Специфические ошибки в письменных работах учащихся-инофонов // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2018. №4 (85). С. 39–46.
5. Железнякова Е. А. Твёрдые и мягкие согласные в обучении детей мигрантов русскому произношению // *Начальная школа*. 2011. №8. С. 25–28.
6. Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь, 2002.

7. Нетёсина М. С. Речь московских мигрантов в пространстве звучащей речи // Полилингвильность и транскультурные практики. 2014. №4. С. 67–73.

8. Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.

9. Тенишев Э. Р., Левитская Л. С., Покровская Л. А. и др. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.

10. Цейтлин С. Н. К построению грамматики промежуточного языка // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т.11. №1. С. 515–538.

11. Шамов А. Н. Когнитивный подход к обучению лексики: моделирование и реализация. Нижний Новгород, 2006.

12. Шевченко Т. И. Когнитивная фонология: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. №5 (776). С. 106–115.

13. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

REFERENCES

1. Agafonova M. V. (2019) Tipichnye oshibki detei-inofonov v pis'mennykh rabotakh po russkomu iazyku [Typical Mistakes of Children – Foreign Speakers in Written Works on the Russian Language]. *Filologiya i lingvistika [Philology and Linguistics]*, no. 3 (12), pp. 16–19. (in Russian)

2. Azimov E. G., Shchukin A. N. (2019) *Sovremennyyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii [The Modern Dictionary of Methodological Terms and Concepts]*. Moscow. (in Russian)

3. Borisenko I. V. (2018) Metody korrektsii foneticheskikh i leksiko-grammaticheskikh trudnostei v izuchenii russkogo iazyka u mladshikh shkol'nikov-inofonov [Methods of Correction of Phonetic and Lexical and Grammatical Difficulties in Learning the Russian Language by Foreign Speaking Students of Elementary School]. Proceedings of the International conference "Metodicheskaya variativnost' kak uslovie preemstvennosti v obespechenii obrazovatel'nykh rezul'tatov po distsiplinam gumanitarnogo tsikla (detskii sad – shkola – kolledzh – vuz)" [Methodological variability as a condition of continuity in providing educational results in the Humanities disciplines (kindergarten – school – College – University)] (Russia, Yaroslavl, 01-05.02.2018) (eds. S. G. Martynova). Yaroslavl, pp. 170–182. (in Russian)

4. Buchilova I. A. (2018) Spetsificheskie oshibki v pis'mennykh rabotakh uchashchikhsia-inofonov [Specific Mistakes in Written Works of Foreign Students]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Bulletin]*, no. 4 (85), pp. 39–46. (in Russian)

5. Zhelezniakova E. A. (2011) Tverdye i miagkie soglasnye v obuchenii detei migrantov russkomu proiznosheniiu [Hard and Soft Consonants in Teaching Russian Pronunciation to Migrant Children]. *Nachal'naya shkola [Elementary School]*, no. 8, pp. 25–28. (in Russian)

6. Zalevskaia A. A., Medvedeva I. L. (2002)

Psikholingvisticheskie problemy uchebnogo dviuiazychiia [Psycholinguistic Problems of Educational Bilingualism]. Tver. (in Russian)

7. Netesina M. S. (2014) Rech' moskovskikh migrantov v prostranstve zvuchashchei rechi [The Moscow Migrants in the Space of Sounding Speech]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki [Polylinguality and Transcultural Practices]*, no. 4, pp. 67–73. (in Russian)

8. Polivanov E. D. (1933) *Russkaia grammatika v sopostavlenii s uzbekskim iazykom [Russian Grammar in Comparison with the Uzbek Language]*. Tashkent. (in Russian)

9. Tenishev E. R., Levitskaia L. S., Pokrovskaya L. A., etc. (1984) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Fonetika [Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. Phonetics]*. Moscow. (in Russian)

10. Tseitlin S. N. (2015) K postroeniiu grammatiki promezhutochnogo iazyka [About the Building of an Intermediate Language Grammar]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvicheskikh issledovani [Acta linguistica petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research]*, vol. 11, no. 1, pp. 515–538. (in Russian)

11. Shamov A. N. (2006) *Kognitivnyi podkhod k obucheniiu leksike: modelirovanie i realizatsiia [Cognitive Approach to Learning Vocabulary: Modeling and Implementation]*. Nizhny Novgorod. (in Russian)

12. Shevchenko T. I. (2017) Kognitivnaia fonologiya: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Cognitive Phonology: Theoretical and Applied Aspects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, no. 5 (776), pp. 106–115. (in Russian)

13. Shcherba L. V. (1957) *Izbrannye raboty po russkomu iazyku [Selected Works in the Russian Language]*. Moscow. (in Russian)

К юбилею филологического факультета Уральского федерального университета

В 2020 году Уральский федеральный университет, один из ведущих вузов России, отметил столетие. УрФУ был создан декретом от 19 октября 2020 г., а в 30-е годы в связи с увеличением количества специальностей университет разделился на Уральский индустриальный (позже политехнический институт имени С. М. Кирова, затем технический университет), готовящий в первую очередь инженеров, и Уральский государственный университет имени А. М. Горького. В 2009 г. на базе Уральского государственного технического университета был создан Уральский федеральный университет, в которой в 2010 году вошел Уральский государственный университет имени А. М. Горького.

С 1940 года в стенах Уральского университета началась профессиональная подготовка студентов-филологов. Сегодня филологический факультет, отметивший 80-летний юбилей, входит в состав Уральского гуманитарного института, одного из крупнейших институтов в структуре УрФУ.

Филологический факультет УрФУ – современный, динамично развивающийся учебный и научный центр, готовящий специалистов для преподавательской, переводческой, научной и издательской деятельности, а также для работы в сфере рекламы и связей с общественностью. Филологический факультет входит в самый большой институт Уральского федерального университета – Уральский гуманитарный институт.

Заложенные в 40-е гг. основателями филологического факультета И. А. Дергачевым и П. А. Вовчком традиции академизма и высокой науки определили современный облик факультета. При факультете функционирует несколько проблемных групп и научных лабораторий, два диссертационных совета, две постоянные научные экспедиции, издаются два авторитетных международных научных журнала. Факультет сотрудничает с ведущими научными и образовательными учреждениями России, а также с рядом зарубежных университетов и исследовательских центров.

Академическая репутация факультета связана с деятельностью крупных научных школ в области ономастики, диалектологии, этнолингвистики; лексической семантики и лексикографии; функциональной стилистики; теории текста; теории художественного стиля; истории литературы Урала; современного литературного процесса.

Уральская ономастическая школа является инициатором многих отечественных исследований по ономастике, диалектологии, этимологии, этнолингвистике. Научное становление этой школы связано с именем профессора, члена-корреспондента РАН А. К. Матвеева (1926–2010), крупнейшего специалиста в области субстратной топонимии, организатора топонимических и диалектологических экспедиций на севере России и на Урале. С 1961 г. при кафедре работает Топонимическая экспедиция (руководитель – чл.-корр. РАН, профессор Е. Л. Березович) – первая и единственная в России экспедиция, занимающаяся масштабным сбором местных географических названий.

За минувшие почти 60 лет участники экспедиции побывали на Кольском полуострове и на Саянах, на Полярном Урале и в Оренбургской области, однако основные зоны полевых работ – Средний Урал и Русский Север (Архангельская, Вологодская, Костромская области), поскольку основная задача экспедиции – сбор местных географических названий и географических терминов, во многом являющихся ключом к разгадке тайны былого расселения народов по северу Европейской части России, к воссозданию русской традиционной картины мира. Анализ собранных данных привёл к появлению обобщающих исследований, в том числе созданию «Словаря русских говоров Среднего Урала». За долгие годы были разработаны новые приемы сбора полевого материала, его этимологизации, получены важнейшие результаты, связанные с реконструкцией древнейшего состояния финно-угорских языков. Ныне дело А. К. Матвеева продолжают его ученики:

чл.-корр. РАН Е. Л. Березович, проф. М. Э. Рут, проф. Т. Н. Дмитриева, доц. Н. В. Кабинина и молодые исследователи.

С 2004 года совместно с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН кафедра издает международный научный журнал «Вопросы ономастики», входящий в международные базы данных и являющийся единственным специализированным журналом в России.

Возглавляемая профессором Н. А. Купиной научная школа стилистики и лингвокультурологии – известный центр изучения языкового существования в контексте культуры, исследования процессов влияния тоталитарного языка на общественное сознание и сознание личности, а также изучение различных форм проявления многоречия. Материалом исследования становится живая речь горожан уральцев, и через эмпирический анализ текстов рассматриваются аксиологические доминанты, базовые национальные ценности и их отражение в языке. В рамках школы работает научная группа «Лаборатория коммуникативной филологии» (её руководитель – проф. И. Т. Вепрева), занимающаяся исследованием и системным описанием национальных стандартов и лингвокультурных моделей русского общения. Одно из недавних международных исследований включает анализ языкового существования периода пандемии коронавируса, рассматривается формирование особого пласта актуальной лексики текущего момента; появление новообразований, включенных в событийный контекст (проф. И. Т. Вепрева, проф. Т. В. Ицкович). В вузовскую практику преподавания дисциплин внедрены подготовленные членами этого коллектива многочисленные учебные пособия по стилистике русского языка и культуре речи, среди которых учебник Н. А. Купиной и Т. В. Матвеевой.

Коллектив Уральский семантической школы является признанным в России лексикографическим центром, продолжающим заложенные Э. В. Кузнецовой традиции системного изучения лексики. С именем Э. В. Кузнецовой связано развитие лексической семантики как самостоятельного направления научных исследований в стенах факультета. Основываясь на структурном осмыслении лексического состава русского языка, Э. В. Кузнецова разрабатывала методы и приемы семасиологического

исследования, выявления системных отношений в лексике. Сегодня Уральскую семантическую школу возглавляет её ученица Заслуженный деятель науки РФ, проф. Л. Г. Бабенко. Самое главное и доминирующее направление научной деятельности Уральской семантической школы – разработка глобальной темы «Идеографическая лексикография: новые типы словарей и их роль в сохранении и развитии русской национальной культуры», в рамках которой в течение последних тридцати лет идет чрезвычайно трудоемкая и продуктивная лексикографическая работа по созданию принципиально новых для лексикографии активных идеографических словарей. За этот период были созданы идеографические словари разных классов слов: глаголов, прилагательных, существительных, синонимов и др. и разных типов: словарей-тезаурусов списочного типа и комплексных толково-идеографических словарей. Издан словарь «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)». В ближайшей перспективе – завершение трех глобальных лексикографических проектов, также опирающихся на базы данных Уральской семантической школы: создание Большого идеографического словаря-тезауруса русского языка, охватывающего лексику всех частей речи: знаменательных и служебных, создание Большого толкового идеографического словаря синонимов русской речи, первый том которого уже опубликован, еще четыре отредактированы, пятый том готовится к сдаче в издательство; завершение работы над идеографическим словарем синонимико-антонимических комплексов. В последние годы ученые Уральской семантической школы также активно занимаются разработкой авторских идеографических словарей.

Литературоведческое направление филологического факультета основано на изучении широкого комплекса проблем, связанных с эволюцией форм художественного сознания и индивидуально-авторскими стратегиями художественного письма в отечественной литературе XVIII – XX веков. У истоков литературоведческих традиций в Уральском университете стоял профессор кафедры русской и зарубежной литературы И. А. Дергачев (1911–1991), исследователь творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка,

один из крупнейших специалистов в области литературной регионалистики. Он открыл современному читателю забытые имена уральских писателей, активно занимался литературным краеведением, выступил инициатором создания музея уральских писателей. Ученики Дергачева занимаются всеми аспектами истории литературы Урала с XVII века по настоящее время. Их усилиями создана академическая «История литературы Урала».

С изучением произведений региональной письменности XVII–XVIII вв. связано формирование археографического направления в исследованиях филологов УрФУ: ими проведена большая работа по сбору археографического материала, изучению ранних памятников уральской книжной традиции и произведений региональной литературы раннего Нового времени в типологическом и историко-генетическом аспектах (работы проф. В.В. Кускова, проф. В.В. Блажеса, проф. Л.С. Соболевой).

Традиционно большое внимание уделяется русской классической литературе. В зону их внимания попадает русская проза и драматургия XVIII века, история русской поэзии 1820-х – 1880-х гг., стратегии реалистического письма, история русской критики XIX века (проф. Е.Е. Приказчикова, проф. О.В. Зырянов, проф. Е.К. Созина, доц. Л.Н. Житкова). На протяжении многих лет на факультете работал профессор Г.К. Щенников, чьи труды по творчеству Ф.М. Достоевского широко известны как в России, так и за рубежом.

На факультете сильны традиции, связанные с изучением новой и новейшей русской литературы. Целая серия представительных научных монографий посвящена исследованию творчества И.А. Бунина (работы проф. Н.В. Пращерук и её учеников). На факультете в течение нескольких лет работает «Бунинское общество» – проект, приобщающий студентов и аспирантов к достижениям фундаментальной и прикладной гуманитарной науки, развивающий навыки самостоятельной исследовательской работы. Целый ряд важных работ, написанных литературоведами УрФУ, посвящен писателям-модернистам, литературе советского и постсоветского времени, литературе русского зарубежья (проф. В.В. Химич, проф. Л.П. Быков, проф. Т.А. Снигирева, проф. М.А. Литовская, проф. Ю.В. Матвеева). Под руко-

водством профессора В.В. Эйдиновой на факультете долгое время успешно развивалось стиливедческое направление в изучении русской литературы XX века.

Самостоятельное направление составляют исследования по англо-американской драматургии и современной британской прозе (проф. В.М. Паверман, проф. В.Г. Бабенко, проф. В.С. Рабинович, проф. О.Г. Сидорова).

Заслуживают отдельного внимания оригинальные монографические исследования, посвященные отдельным аспектам творческого поведения, рецептивному и коммуникативному аспектам творческой неудачи, диалектике ее вне- и внутрилитературных факторов, феномену незавершенного, работы по современной массовой литературе.

В рамках федеральной программы «Цифровой университет» реализуется проект, связанный с сохранением в цифровой форме историко-культурного наследия. Фольклорный архив УрФУ содержит более 250 000 фольклорных текстов. Этот материал собирался на протяжении 60 лет работы фольклорной экспедиции и существует в настоящее время преимущественно в рукописном виде. Это одна из крупнейших региональных фольклорных коллекций в стране. В рамках проекта, возглавляемого доцентом Н.Б. Граматчиковой, осуществляется оцифровка текстов, создание массива электронных копий текстовых материалов, формирование электронной базы данных с указанием для каждого текста атрибутов и классификационных признаков, разработка электронной онлайн-платформы.

На факультете проводятся три традиционные научные конференции: 1) Русская литература: региональные различия и национальное своеобразие («Дергачевские чтения») – конференция в честь первого декана филологического факультета проф. И.А. Дергачева; 2) «Кузнецовские чтения», в честь профессора Э.В. Кузнецовой, основателя Уральской семантической школы; 3) «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» – крупнейший научный форум, в котором участвуют специалисты из многих стран мира. В последние годы регулярно проводится конференция для молодых ученых «Инициум».

Исследования филологов Уральского университета поддерживаются грантами, в том числе

грантами Российского научного фонда. На факультете действуют два диссертационных совета, которые с 2020 года получили право самостоятельного присуждения ученых степеней кандидата и доктора наук по специальностям русский язык и русская литература, теория языка и теория литературы. Только в 2019 и 2020 годах семь иностранных аспирантов из Китая, Вьетнама и Ирана защитили диссертационные работы в советах УрФУ.

Департамент «Филологический факультет» УрФУ является одним из самых авторитетных учебных подразделений филологического профиля в России. За последние годы на факультете были открыты и успешно развиваются новых образовательных программы прикладного и междисциплинарного характера: с 1993 года функционирует отделение романо-германской филологии, в 2020 году состо-

ялся первый выпуск студентов направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика», ведется подготовка студентов в области рекламы и связей с общественностью, речеведческой экспертизы.

Всё это демонстрирует актуальность филологического образования в современном мире и готовность филологического факультета Уральского федерального университета отвечать на вызовы времени.

*Плотникова Анна Михайловна,
директор департамента «Филологический факультет», доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики
Уральского федерального университета имени
первого президента России Б. Н. Ельцина;
пр. Ленина, 51, г. Екатеринбург, antrapr@yandex.ru*

Дорогие друзья!

**Редакция журнала «Мир русского слова»
и Ассоциация преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ»
поздравляют вас с Новым годом и Рождеством!**

**Приходится признать: уходящий год стал настоящим испытанием для всех нас.
Он вынуждал нас круто менять планы, обескураживал новыми обстоятельствами,
томил неопределенностью, проверял на прочность здоровье.**

**Но он же заставлял нас изучать новое, быстро реагировать на внешние,
а порой и внутренние вызовы, по-новому радоваться очевидным вещам,
таким как простое общение с близкими людьми, друзьями, коллегами.**

**2020 год научил нас радоваться той самой жизни,
которую мы не замечали в суматохе повседневности, и, казалось бы, навсегда утратили...**

**Хорошая новость состоит в том, что 2020 сделал всех нас сильнее.
И сейчас наступает время, чтобы конвертировать накопленную силу в творческую энергию.**

**Виртуозно пользоваться как обычным учебником, так и компьютерной программой.
Радоваться встрече с русистами-единомышленниками как на «офлайнной» конференции,
так и на онлайн-мероприятии, ведь цифровая среда не разделила нас,
а, наоборот, сделала в конечном итоге ближе друг к другу.**

Заботиться о своем здоровье и осознанно, а не «для проформы», желать доброго здоровья собеседнику.

Ценить каждый прожитый день.

**В Новом году мы желаем вам благополучия, здоровья, гармонии,
а также свободы – той свободы,
ценности которой завещал нам беречь Александр Сергеевич Пушкин:**

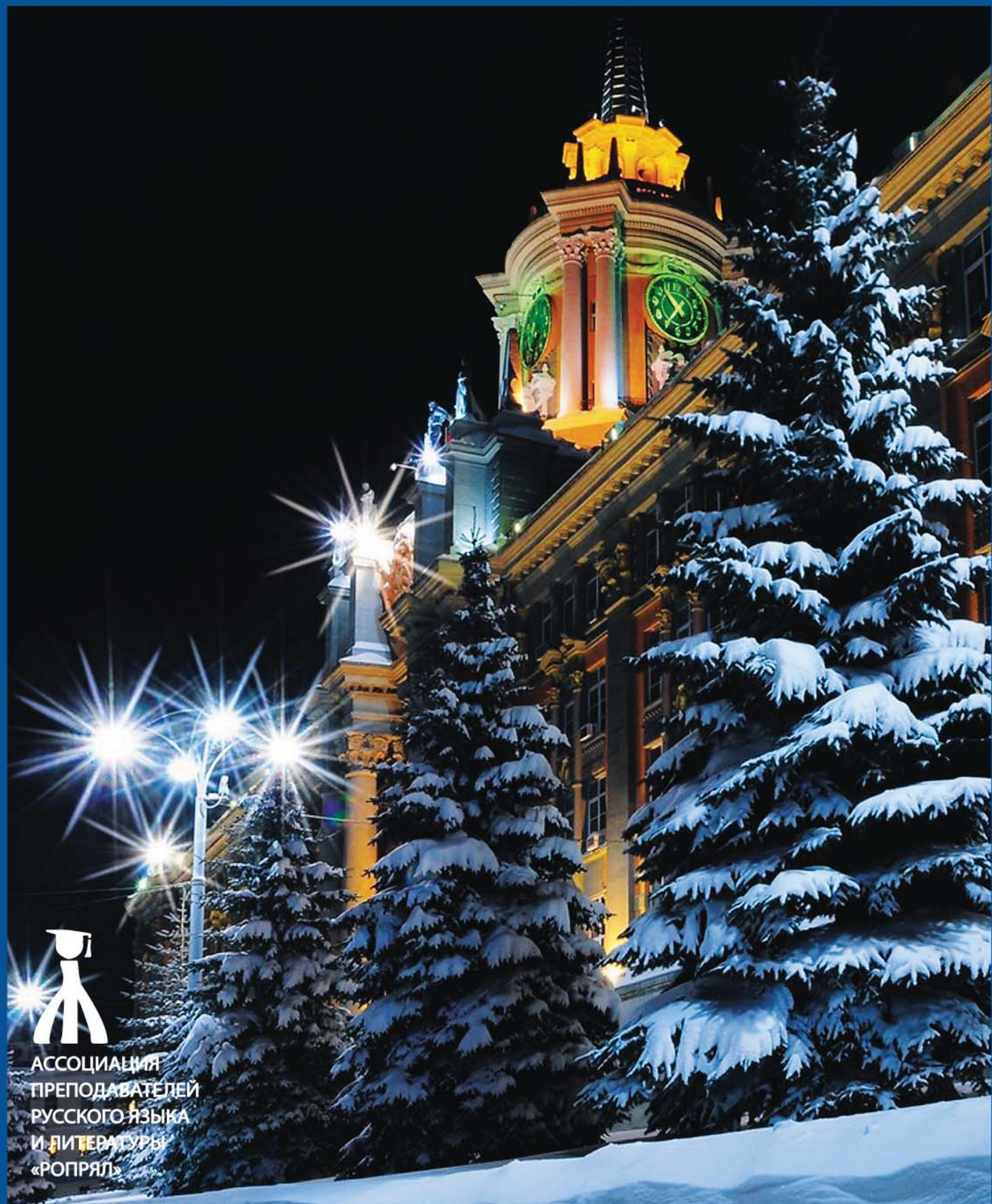
**«По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.**

— Вот счастье! вот права...»

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»